КОСТЕР В НОЧИ

МЭРИ СТЮАРТ

МОЙ БРАТ МАЙКЛ

БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

The Big Book

Мэри Стюарт

Костер в ночи. Мой брат Майкл. Башня из слоновой кости (сборник)

«Азбука-Аттикус»

1956, 1959, 1991

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стюарт М.

Костер в ночи. Мой брат Майкл. Башня из слоновой кости (сборник) / М. Стюарт — «Азбука-Аттикус», 1956, 1959, 1991 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-15724-8

Книги Мэри Стюарт завоевали сердца миллионов читателей, получив при этом высокую оценку критиков, особо отмечавших ее мастерство в жанре авантюрного романа. Ей, как никому другому, удалось объединить в сюжете лирическую тему, детективные ноты и поистине кинематографический саспенс. Романы Стюарт переводились на многие языки и до сих пор продолжают покорять читающую публику всех стран мира.Героиня книги «Костер в ночи» Джанетта Друри приезжает в маленький отель на шотландском острове Скай и узнает, что в этих местах недавно произошло убийство, весьма похожее на ритуальное. Под подозрением находятся постояльцы отеля…Роман «Мой брат Майкл» переносит читателя в Грецию. Камилла Хейвен, помогая своему попутчику Саймону отыскать место, где погиб во время войны его брат Майкл, узнает о тайне «сверкающей цитадели», спрятанной в горах. Но не только Саймон пытается раскрыть эту тайну…И вновь Шотландия! Роза Фенимор, героиня «Башни из слоновой кости», снимает маленький домик на берегу моря, чтобы вдали от суеты писать стихи. Но однажды ночью в ее безмятежное существование бесцеремонно вторгаются двое незнакомцев…

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-15724-8

© Стюарт М., 1956, 1959, 1991
© Азбука-Аттикус, 1956, 1959, 1991

Содержание

Костер в ночи 7
Глава 1 9
Глава 2 16
Глава 3 23
Глава 4 27
Глава 5 32
Глава 6 38
Глава 7 43
Глава 8 49
Глава 9 55
Глава 10 60
Глава 11 65
Глава 12 70
Глава 13 74
Глава 14 77
Глава 15 81
Глава 16 87
Глава 17 90
Глава 18 96
Глава 19 98
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Мэри Стюарт
Костер в ночи; Мой брат Майкл; Башня из слоновой кости (сборник)

Mary Stewart
WILDFIRE AT MIDNIGHT
Copyright © 1956 by Mary Stewart
MY BROTHER MICHAEL
Copyright © 1959 by Mary Stewart
STORMY PETREL
Copyright © 1991 by Mary Stewart
All rights reserved
© Т. Жданова, перевод, 2018
© Т. Жданова, М. Жданова, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

***

Писательская судьба Мэри Стюарт сложилась счастливо. Она мечтала писать книги – и они завоевали сердца миллионов читателей, получив при этом высокую оценку критиков, особо отмечавших мастерство в жанре авантюрного романа. Ей, как никому другому, удалось объединить в сюжете лирическую тему, детективные ноты и поистине кинематографический саспиенс.

Первые шаги в литературе Мэри Стюарт сделала именно как автор авантюрных романов и продолжала писать их, несмотря на огромный успех более поздней исторической серии о короле Артуре, в которой был переосмыслен один из главных мифов западноевропейской цивилизации.

Романы Стюарт переводились на многие языки и до сих пор продолжают покорять читающую публику всех стан мира. В 1961 году Ассоциация детективных писателей Великобритании наградила Мэри Стюарт премией «Серебряный кинжал», а в 1968-м она стала членом Королевского общества искусств.

***

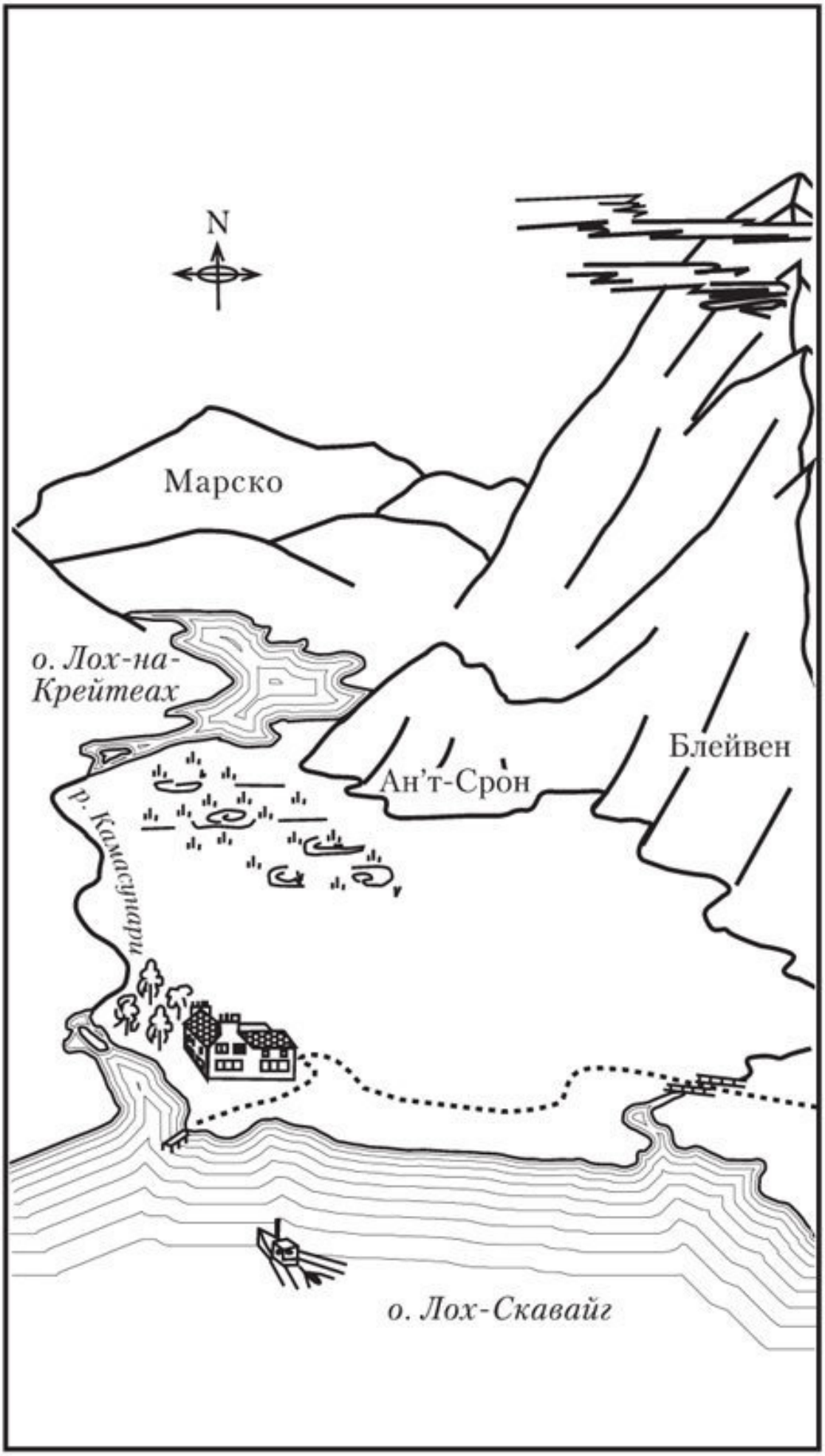
Само волшебство и очарование.
New York Times

Мало кто сравнится с Мэри Стюарт – от ее книг и в самом деле не оторваться.
The Daily Telegraph

Костер в ночи

Он, как костер, пылающий в ночи,
Так разъярился,
Что сам себя в порыве уничтожит.
Что ж, последим.

Сирил Тернер. Трагедия мстителя


N
Марско
о. Лох-на-Крейтеах
Ан'т-Срон
Блейвен
р. Камасунари
о. Лох-Скавайг

Глава 1
Туманный остров

Начну с того, что родители назвали меня Джанеттой. Нелепое имя, по-моему. Само по себе оно звучит неплохо, но имя такого рода ассоциируется со сладострастными и пышными дамами слегка непристойных картин Тициана. И хотя надо признать, что я действительно обладаю внешностью, которая заинтересовала бы этого венецианского художника, по характеру я – типичное порождение семьи английского сельского священника. Более непохожей на порочных Венер среднего периода Тициана, чем я, трудно даже вообразить. Но все-таки я должна быть справедлива к своим родителям и потому признаюсь сразу: порочность в нашем роду присутствовала – по счастью, разумеется, в прошлом, и тем не менее. А моя мама обладает настолько нежной, чувствительной и художественной натурой, что не увидела ничего предосудительного в том, чтобы назвать свою рыженькую дочь в честь Лисицы Венеры, очаровательной рыжеволосой Джанетты Фокс, известной в былые времена красавицы и грозы Лондона. В те дни титул красавицы писали с заглавной буквы, ибо полагали, что красота – это капитал.

Прелестная Джанетта была никем и ничем; мать ее, кажется наполовину итальянка, если и знала, кто является отцом Джанетты, в этом так и не призналась. Джанетта просто возникла весной 1858 года – Венера, появившаяся на свет из грязной пены викторианского Уайтчепела[1], – и завоевала Лондон на шесть лет.

Ей только-только исполнилось семнадцать. К двадцати годам она успела послужить моделью каждому значительному художнику (воздержался лишь Ландсир, анималист) – ее изображали в каких только возможно аллегорических позах, – а также, если верить свидетельству того же Ландсира, она по очереди побывала любовницей каждого из них.

В 1861 году за свои особые добродетели Джанетта получила заслуженную награду – вышла замуж за баронета. Ему удалось удержать ее достаточно надолго, чтобы она успела произвести на свет двоих детей. Потом она бросила баронета ради очень «современного» художника французской школы, специализировавшегося на обнаженной натуре. Сына и дочь она оставила опозоренному сэру Чарльзу. Первому из вышеупомянутых и предстояло стать моим дедом по материнской линии.

Итак, моя милая, непосредственная, артистичная мама, любившая проводить время в нашем домике в Котсуолде за лепкой горшочков и вазочек и обжигом их в печи в саду, назвала меня в честь беспутной (и знаменитой) прабабушки, не задумываясь о том, каковы будут для меня последствия этого, когда в 1945 году я в свою очередь отправлюсь завоевывать Лондон.

Мне было девятнадцать, еще полгода назад я ходила в школу и вот теперь, окончив курсы манекенщиц в Вест-Энде, начала головокружительную карьеру, приступив к работе в доме моделей. Я снимала с подругой двухкомнатную квартиру, у меня были крошечный счет в банке (подарок от папы), два самодельных горшочка и пепельница (подарок от мамы) и ежедневник (подарок от брата Луция). Чувствовала я себя на верху блаженства.

И когда я продолжала находиться на верху блаженства, галерея Морелли приобрела картину Золлнера «Леди Зеленые Рукава» и Марко Морелли – тот самый Марко Морелли – задумал произвести ею сенсацию. Возможно, вы помните, какая была шумиха?

Кажется, идея Морелли состояла в том, чтобы устроить что-то вроде возврата к искусству после аскетизма и лишений войны. Для реализации такой идеи эта картина подходила более всего. «Леди Зеленые Рукава» была ярким воплощением необузданного, бравурного стиля Золлнера 1860-х годов. На портрете была изображена в полный рост ослепительная дама с

[1] *Уайтчепел* – лондонский квартал, ставший олицетворением убогого и нищенского образа жизни.

томным взором, в центре холста переливались и мерцали яркие драгоценности, перья и расшитый шелк; сомневаюсь, чтобы кто-либо другой смог так чудесно передать цвет и блеск зеленой камчатной ткани рукавов. Как противоядие аскетизму картина действительно производила эффект. Но даже буйство золлнеровского переливчатого зеленого цвета было не в состоянии затмить торжествующей полноты чувства жизни натурщицы или превзойти пламя ее пылающих волос. Это был последний портрет Джанетты Фокс в полном облачении, и своей внешностью она воспользовалась наилучшим образом.

Этим же воспользовались и Морелли и его двоюродный брат Хьюго Монтефиор, модельер, у которого я как раз и работала. Таким образом, ничто не могло помешать замыслу, состоявшему в том, что Монтефиор воссоздаст платье с чудесными зелеными рукавами, а я представлю его на демонстрации картины, что вызовет сенсацию в нужных кругах и тем самым принесет удачу кузенам. И вероятно, мне тоже, хотя, честно говоря, вся ценность этой идеи до меня не дошла, когда Хьюго ее выложил. Я была просто польщена, смущена и сильно взволнована.

Итак, я появилась на вернисаже в платье с зелеными рукавами, и Морелли произвел сенсацию, а я впала в страшную панику при виде светской толпы, и когда дошла очередь до меня, я заговорила таким натянутым и вялым голосом, что мое выступление поставило точку в скучном ненадежном фарсе.

Должно быть, я выглядела бледной копией надменного, поглощенного земными заботами существа, изображенного на холсте, висевшем у меня за спиной, потому что именно такой и воспринял меня Николас Друри, когда, протолкнувшись сквозь толпу, ему удалось наконец мне представиться. Я, разумеется, слышала о нем, и это совершенно не прибавило мне уверенности в себе: в свои двадцать девять лет он имел в активе славу автора трех изумительных книг и репутацию человека с ехидным языком. Я же чувствовала себя так неловко, что стала нести несусветную чушь, а под его насмешливым взглядом и вовсе залепетала как ребенок, что он, слава тебе господи, принял за кокетство.

Через три месяца мы поженились.

Не стану задерживаться на трех последующих годах.

Я, само собой разумеется, была страстно, безумно, безоглядно в него влюблена – глупая девчонка, ослепленная блеском звезды, брошенная в жизнь незнакомую и порой страшную. А Николас, как вскоре стало ясно, сам чувствовал себя не в своей стихии. Он-то надеялся жениться на современной Джанетте Фокс, достаточно искушенной молодой женщине, свободно чувствующей себя в постоянно изменчивом обществе, к которому он привык, а в результате он получил всего лишь Джанетту Брук, недавнюю школьницу, чье умение вести себя с достоинством оказалось техникой, приобретенной в салонах Монтефиора и на фабрике манекенщиц Мэйфейра.

Причиной нашей маленькой трагедии послужило не то, что мы неправильно распределили роли; любовь умеет наводить мосты, и поначалу казалось, что чувство, которое мы испытывали друг к другу, в состоянии заполнить брешь. Николас, так же как и я, старался изо всех сил. Теперь-то я понимаю, что если я и стала более искушенной и мудрой, то Николасу стоило огромных трудов научиться снова быть нежным. Но уже было поздно; собственно говоря, было поздно уже тогда, когда мы познакомились.

Для нас распалась связь времен, брешь была чересчур широка – не десятилетняя разница в возрасте, но дистанция в тысячу лет из-за мировой войны, во время которой я была подростком и которая лишь слегка отразилась на моей жизни. Для Николаса же война все еще продолжалась мучительным кошмаром, она оставила в его сознании шрамы, которые тогда только-только затянулись. Разве могла я, девятнадцатилетняя девчонка, постичь те нервные стрессы, которые преследовали Николаса? И разве он способен был угадать, что под сомнительной маской самоуверенности я скрывала губительные микробы нерешительности и страха?

Какими бы ни были причины, разрыв произошел очень скоро. Через два года наша совместная жизнь почти потерпела крах. Когда Николас путешествовал – а путешествовал он нередко в поисках материала для своих книг, – он все чаще и чаще находил причины не брать меня с собой, и когда в конце концов я обнаружила, что путешествует он не один, я не удивилась, но очень обиделась и оскорбилась и – ведь я все же рыжая! – высказала все, что накипело.

Если бы я хотела удержать Николаса, мне следовало бы попридержать язык. Я не могла соперничать с ним на поле битвы, где любовь становится слабостью и против грубого и безответственного цинизма можно бороться лишь гордостью. Он побеждал легко и порой даже не понимал, как жестоко…

В 1949 году мы развелись. Ради моей мамы, столь приверженной к англиканской высокой церкви, я оставила фамилию Николаса и до сих пор ношу обручальное кольцо.

Через некоторое время я даже вернулась в Лондон к Хьюго Монтефиору, который отнесся ко мне как ангел: замучил меня работой и ни разу не упомянул о Николасе. О нем вспоминала лишь мама, которая от случая к случаю осведомлялась о нем в письмах и дважды даже поинтересовалась, не думаем ли мы воссоединиться… Примерно через год меня это стало смешить, кроме тех случаев, когда я чувствовала себя настолько измотанной и усталой, что неизменное постоянство моей мамы и прихода Тенч-Аббас казались мне невыносимыми.

Итак, в середине мая 1953 года, когда люди за несколько недель начали стекаться в Лондон на коронацию и город оказался забит таким количеством народа, что можно было задохнуться, как-то утром Хьюго Монтефиор окинул меня долгим взглядом, потом оглядел меня снова и в ту же секунду приказал мне взять отпуск на две недели.

Я позвонила в Тенч-Аббас, трубку взяла мама.

– Отпуск? – переспросила она. – В начале июня? Прекрасно, дорогая. Вы приедете к нам или Николас полагает, что здесь скучновато?

– Мама, я…

– Ну да, телевизора у нас нет, – гордо сообщила мама, – но мы можем прослушать всю церемонию по радио.

Я мельком взглянула на окна салона Монтефиора, из которых, как с трибуны, открывался вид на Риджент-стрит.

– Это было бы чудесно, – ответила я. – Но, мама, милая, ты не станешь возражать, если я ненадолго съезжу куда-нибудь еще? Куда-нибудь подальше от всего… ну, понимаешь, где только горы, вода и птицы. Я подумывала об Озерном крае.

– Это недалеко, – с готовностью согласилась мама. – Скай.

Зная свою маму, я на секунду подумала, что она советует небеса[2] как наиболее подходящее место отдыха. Но потом она добавила:

– Твой отец говорил о нем на пикнике у Данхиллов. Понимаешь, целый день шел дождь, и пришлось сидеть в доме – ты же знаешь, дорогая, какой всегда идет дождь на пикниках у Данхиллов? Это так похоже на Мэйзи Данхилл. Однажды они были там две недели, так дождь шел каждый день!

– А… – осенило меня. – Скай.

– И там нет телевизора, – заключила мама.

– Да, как раз то, что мне необходимо, – серьезно согласилась я. – А миссис Д. дала тебе адрес?

– Гудки, – заволновалась мама. – Не может быть, чтобы мы говорили уже три минуты, они же знают, как меня расстраивают эти гудки. Так о чем мы… Ах да, Данхиллы… Знаешь, дорогая, они купили новый автомобиль, огромнейший, называется то ли «шакал», то ли «егерь», то ли как-то там еще и…

[2] Игра слов: название острова Скай (Skye) и английское слово «небеса» (sky) звучат одинаково.

– «Ягуар», мама. Ты хотела дать мне адрес гостиницы, где останавливались Данхиллы.

– Ах да. Знаешь, полковник Данхилл никогда не ездит больше тридцати пяти миль в час, и твой отец говорит… Что, дорогой?

Я услышала, как папа что-то ей бормочет. Потом она продолжила:

– У твоего отца есть адрес, дорогая. Я точно не знаю, как… ага, вот он. Отель «Камас-Фхионнаридх»…

– Какой отель, мама?

– Камас… я продиктую по буквам. – Она продиктовала. – Я не уверена… не помню… но, должно быть, так. Что, дорогой?

Она снова заговорила с отцом, отвернувшись от трубки, а я с тревогой слушала гудки, из-за которых очаровательная мамина рассеянная речь каждый раз сменялась бессвязной скороговоркой.

– Твой отец говорит, что это на гэльском и произносится как «Камасунари», и он находится на краю света, так что поезжай, дорогая, и наслаждайся птицами и… э… водой… или чем ты там хочешь.

Я сидела со стиснутой в руке трубкой над рокотом Риджент-стрит. Перед моими глазами вставали холодные, далекие, мокрые от дождя горы.

– А знаешь, – медленно произнесла я, – пожалуй, я поеду.

– Значит, договорились, – успокоилась мама. – Похоже, это именно то, что тебе необходимо, дорогая. Как кстати оказался этот адрес! Словно специально.

Мне приятно думать, что мама никогда не будет в состоянии оценить всю иронию своей последней реплики.

Так и получилось, что во второй половине дня в субботу, 30 мая 1953 года я оказалась на последнем отрезке пути в Камас-Фхионнаридх на острове Скай.

Как я обнаружила, мама оказалась права, когда говорила о крае света. Последний отрезок пути предстояло проплыть на лодке. От Стратэйрда до Камас-Фхионнаридх шла по суше неровная проселочная дорога, которую единственный местный автобус преодолеть был не в состоянии. Тот же автобус довез меня до Элгола на восточном берегу озера Лох-Скавайг и вывалил кое-как меня и мой багаж на берег.

Вскоре лодочник чуть вежливее запихал меня в лодку и двинулся в путь со мной, моими чемоданами и еще одним пассажиром по сверкающему морскому заливу к бухте Камасунари.

Более спокойного места я еще не встречала. Морской залив – часть Атлантического океана – был огромным, и среди напоминавших полумесяц гор он покоился словно в люльке. У одного конца полумесяца находилась рыбацкая деревня Элгол, примыкавшая к вересковым холмам; у другого отвесно к морю возвышалась зубчатая стена гор, фиолетовых на фоне освещенного закатом неба. Горы Куллин, исполины острова Туманов.

И в окружении гор переливалась спокойная вода, наподобие сияющего щита, в котором отражались синева и золото великолепных гор и неба. Тонкая мерцающая линия, блестящая как клинок, дрожала между миром реальности и миром воды.

Лодка медленно продвигалась вперед вдоль берега залива, сонно мурлыкал мотор. Вода шепталась и мягко плескалась о борт. Соленая зыбь качала и кружила черные, красно-розовые и оливково-зеленые водоросли, запах моря был резким и возбуждающим. Мимо скользил берег. Рядом с нами на каменистых и покрытых вереском выступах проплывали кудрявые березы, лодка разрезала шелковую воду, переливавшуюся цветами меди и индиго.

Наконец впереди, посередине полумесяца гор, появился изгиб бухты. Прорезая холмы, тянулась к берегу зеленая долина. Насколько мне было известно, выше долины находилось озеро – там, где теснились горы и питали водой глубокую и узкую чашу. Из озера брала начало

река, мне был виден ее блеск. Белое здание, еле различимое на расстоянии, стояло в дымке берез, от которых шли, разветвляясь, навстречу морю мерцающие отмели.

Лодка толчками продвигалась вперед. Теперь мне был виден дым, тянувшийся из труб гостиницы, – словно тонкий рисунок карандашом на фоне темной синевы гор. Как только солнце скользнуло ниже, блеск воды померк и гигантская тень Куллина перешагнула маленькую долину. А одна гордая скала, пробиваясь сквозь солнечный свет, отбросила диагональную тень, закрыв полбухты.

– Гарсвен, – сказал пассажир возле моего локтя.

Я подскочила. Я была настолько поглощена открывшимся зрелищем, что меня охватило сильное чувство одиночества, вызванное величием гор, и я забыла, что я здесь не одна.

– Прошу прощения?

Он улыбнулся.

Я увидела, что это человек лет тридцати, приятной наружности, с необычными темно-золотистыми волосами и синими глазами. Он был высоким и худым, но казался сильным и крепким, и у него было загорелое лицо, как у человека, который большую часть времени проводит на воздухе.

На нем было старомодное длинное пальто, из-под которого виднелся когда-то очень хороший костюм из твида.

– Вы, очевидно, здесь впервые, – заключил он.

– Да. Здесь так… впечатляюще, вы согласны?

Он засмеялся:

– Бесспорно. Я знаю эти края как свои пять пальцев, но все равно у меня каждый раз захватывает дух при виде их.

– Их?

– Куиллин.

Он произнес это слово, по-видимому, на местном диалекте. Его взгляд был устремлен куда-то мимо меня, и я посмотрела в том же направлении.

– Гарсвен, – повторил он. – Вон та вершина, на том конце, который спускается прямо в море под совершенно немыслимым углом. – Он протянул руку над моим плечом, показывая на гору. – А там Сгурр-нан-Эаг; а та, закрывающая солнце, – Острый пик, Сгурр-Биорах.

– Вы хотите сказать, Сгурр-Аласдаир, – неожиданно вмешался лодочник.

Это был крепкий уроженец Ская с темным квадратным лицом и мелодичным голосом островитянина. Он небрежно правил лодкой и время от времени сплевывал в подветренную сторону.

– Сгурр-Аласдаир, – повторил он.

Светловолосый мужчина усмехнулся и произнес на гэльском несколько слов, вызвавших на лице лодочника ответную ухмылку. Затем он сказал мне:

– Мурдо, конечно, прав. На картах гора зовется Аласдаир, она была переименована в честь какого-то альпиниста или еще кого-то, но мне больше нравятся старые названия. Сгурр-Биорах, а рядом с ней Сгурр-Деарг, Красный пик. – Его указующий перст повернулся в сторону высокой остроконечной скалы, черной на фоне заката. – Сгурр-нан-Гиллеан. – Он опустил руку, улыбнулся, слегка извиняясь (так британцы сожалеют о том, что выдали свои чувства), и весело произнес: – Лучше условий для встречи с ними впервые и не придумаешь. Закат и вечерняя звезда – все как в цветном кино.

– Вы, должно быть, скалолаз, – сказала я.

– Альпинист? Да, вроде этого.

– Мистер Грант в горах дока, – добавил Мурдо.

Грант достал сигареты, угостил меня и Мурдо и, выбросив обгорелую спичку в воду, спросил меня:

– Вы надолго приехали?

– На неделю или дней на десять. Зависит от погоды. Если будет такая же, то меня ждет рай.

– Не будет, – уверенно ответил он. – А ты как считаешь, Мурдо?

Лодочник с сомнением посмотрел на юго-запад, где длинная и сияющая полоса Атлантики сливалась с ярко-синим небом. Ткнув туда пальцем, он буркнул:

– Дождь.

– О господи!

Меня охватило смятение. Теперь, когда я уже приехала, залитый золотом горизонт казался мне более привлекательным, чем мокрые от дождя горы моей мечты.

– Ничего, – бодро произнес мистер Грант, – зато рыбалка будет отличной.

Должно быть, я выглядела озадаченной, так как он добавил:

– Вы, конечно, ловите рыбу?

– Ах нет! – К моему собственному удивлению, голос у меня звучал виновато. – Но я… научусь.

Грант оживился:

– Значит, ходите по горам?

– Нет… – Внезапно я остро ощутила себя городской дамочкой, случайно попавшей сюда. – Вообще-то, я приехала… э… отдохнуть в тиши.

Грант перевел взгляд на мой багаж.

– Из Лондона? – хмыкнул он. – Что ж, если вы решили удрать подальше от толпы, то правильно выбрали место. У вас не будет соседей поблизости, за исключением Черного Куллина, а ближайшая к вам гора…

Он неожиданно замолчал.

– Ближайшая? – Я взглянула на гостиницу, которая стала еще ближе; одиноко стоящая в зеленой долине, она казалась карликом, над которым нависла с востока гигантская гора. – Эта гора? Она тоже одна из них? Вы не упоминали ее. Как она называется?

Грант явно колебался.

– Блейвен.

Лодочник вынул сигарету изо рта и сплюнул в воду.

– Бла-вен, – повторил он нежным голосом, свойственным горцам. – Мм… мм…

– Голубая гора… – пояснил Грант почти отсутствующим голосом.

Потом он швырнул сигарету в воду и неожиданно поинтересовался:

– Что, Лондон и впрямь так набит народом?

– Да. В нем всегда много народу, и его постоянно будоражит. Теперь же он походит на огромный котел, в котором медленно закипает вода.

Мурдо ловко повернул лодку к устью реки.

– Лондон? – В его голосе звучала простодушная нотка восторга. – Вы что, не захотели остаться на коронацию, миссис?

– Я хотела. Но я… я слегка перетрудилась, поэтому решила, что лучше отдохнуть.

– А почему вы решили приехать именно сюда? – спросил Грант.

Он продолжал смотреть на Голубую гору.

– На Скай? Не знаю… Все со временем хотят побывать на Скае, разве не так? А я желала полностью сменить обстановку. Буду гулять по горам.

– Одна?

В интонации Мурдо прозвучало что-то такое, что заставило меня внимательно посмотреть на него.

– Ну да, – удивленно произнесла я.

Он быстро переглянулся с Грантом, а потом отвернулся и стал следить за надвигающейся пристанью. Я засмеялась:

– Я не заблужусь. Далеко ходить не стану. Не забывайте, я все же городская пташка. Скорее всего, буду гулять вокруг озера или по ближним склонам… Блейвена, правильно? Там со мной вряд ли что-нибудь приключится! – Я повернулась к мистеру Гранту. – Неужели Мурдо думает, что я заплутаю в тумане или убегу с водяным?

Тут я замолчала, встретив его взгляд.

Грант смотрел на меня с каким-то неопределенным выражением, скорее даже лишь намеком на выражение, но я запнулась, ощутив необъяснимую тревогу.

Синие глаза опустились.

– Наверное, Мурдо имеет в виду…

Но Мурдо заглушил мотор, и внезапно наступившая тишина произвела эффект, подобный взрыву.

– Лондон… – задумчиво произнес Мурдо, глядя куда-то в нутро мотора. – Как далеко! Вы и впрямь приехали издалека…

В его голосе снова прозвучало простодушное восхищение, но у меня возникло неловкое впечатление, что он говорит первое, что пришло в голову. Более того, его простодушие горца было несколько преувеличенным, и я сделала вывод, что он ведет себя неестественно.

– Говорят, красивый город. Вестминстерское аббатство, площадь Пиккадилли, зоопарк. Я видел на открытках…

– Мурдо, – с подозрением спросила я после того, как лодка, глухо стукнувшись о пристань, была закреплена. – А когда вы сами в последний раз были в Лондоне?

Протянув мне руку, чтобы помочь выйти из лодки, он взглянул на меня ясным взглядом.

– Восемь лет назад, миссис, – ответил он своим мелодичным голосом, – на обратном пути из Бирмы и других восточных стран…

Человек по имени Грант поднял мои чемоданы и зашагал по тропинке к гостинице. Следуя за ним, я чувствовала, как Мурдо пристально смотрит нам в спину. Потом он вернулся к лодке.

Что означала сия простодушная интонация обитателя Ская? Что-то вроде дымовой завесы? Но что ему скрывать? Почему он так встревожился, что поспешил сменить тему разговора?

Тропинка обогнула гостиницу и привела к парадной двери, выходившей в долину. Следуя за своим проводником, я снова бросила невольный взгляд на притягательную одинокую громаду на востоке, нависшую над равниной, словно хищная птица.

Блейвен? Голубая гора? Повернувшись к ней спиной, я вошла в гостиницу.

Глава 2
Горы вдали

Прошел час. Я умылась, вычесала железнодорожный дым из волос и переоделась. Сидя в гостиной отеля, я наслаждалась временным уединением, пока остальные отдыхающие не собрались на обед. Я потягивала превосходный херес, мои ноги согревал огонь уютного камина, а с трех сторон гостиной высились горы, вид которых доставлял мне удовольствие. Мне было хорошо.

Хлопнула дверь веранды, и в ту же минуту сквозь стеклянные двери гостиной я увидела двух женщин, идущих через холл к лестнице. Одна из них была примерно моего возраста, невысокого роста, плотного сложения, с прямыми темными волосами, подстриженными по-мужски, в одежде альпиниста – широкие брюки, ботинки и толстый свитер, – которая подчеркивала ее мужеподобный облик. Другая – девушка лет двадцати, очень юная, краснощекая, черноволосая. Мне подумалось, что у нее довольно несчастный вид, а ее плечи под рюкзаком были так напряжены, словно она очень устала. Парочка проковыляла вверх по лестнице и скрылась за углом.

Примерно через минуту вслед за ними появилась пожилая пара, оба высокие, тощие, слегка сутулые, со спокойными благовоспитанными лицами и в весьма потрепанных шляпах. Они торжественно пронесли вверх по лестнице пустую корзину для рыбы, и тут же по их пятам с трудом протащилась еще одна женщина, глубоко засунувшая руки в карманы пальто. Я не разглядела ее лица, но поникшие плечи и безжизненная походка поведали о судьбе, полной разочарований и усталости.

Зевнув, я вытянула ноги к огню и глотнула еще хереса. Лениво перелистала страницы старого светского еженедельника, лежащего у моего локтя. С глянцевых страниц, выхваченные безжалостной вспышкой, смотрели привычные лица, застигнутые на охотничьих ужинах и благотворительных балах… красивые лошади, некрасивые женщины, разодетые мужчины… Лондонский телефонный справочник был бы куда интереснее. Мне попалась моя фотография, достаточно ординарная: я позировала на фоне камина работы Адама в вечернем платье – наиболее вдохновенном творении Хьюго Монтефиора… Прелестное платье, я хорошо его помню. А вот страницы, посвященные театральной хронике: Алек Гиннес с немыслимой бородой; Вивьен Ли, близ которой меркнут все женщины; Марша Малинг одаряет камеру знаменитой треугольной улыбкой, глядя в пустоту своими поразительными глазами…

Дверь в гостиную распахнулась и вновь закрылась со свистящим звуком. Вошла Марша Малинг, села напротив меня и позвонила в колокольчик, чтобы ей принесли выпить.

При виде ее я замигала. Ошибки быть не могло. Эти гладкие волосы цвета золотистой меди, широкие очаровательные глаза, аристократический носик и, безусловно, аристократический рот. Это была она, звезда серий романтических спектаклей, которые шли с таким успехом, что один из самых больших лондонских театров был постоянно переполнен в первые годы войны, да и поныне публика толпами стекалась туда.

Официант выполнил заказ. Марша Малинг сделала глоток, встретилась со мной взглядом и рассеянно улыбнулась. Затем улыбка сменилась внимательным взглядом.

– Простите, – прозвучал знакомый хриплый голос, – мы не встречались прежде? Мы ведь знакомы?

Я улыбнулась:

– Смело с вашей стороны заявлять такое, мисс Малинг. Полагаю, вы привыкли избегать людей, претендующих на знакомство с вами. Но нет, мы с вами раньше не встречались.

– И все же я уверена, что видела вас где-то.

Я перелистала страницы журнала кончиками ногтей.

– Возможно. Я манекенщица.

Узнавание озарило ее лицо.

– Так вот оно что! Вот откуда! Вы работаете у Монтефиора, если не ошибаюсь!

– В общем, да… но временами я работаю на стороне. Меня зовут Друри. Джанетта Друри. Как зовут вас, мне, естественно, известно. И конечно же, я была на вашем спектакле, и на предыдущем, и на том, который был до него…

– И так до сотворения мира, милочка моя. Я знаю. Но вы крайне любезны. Должно быть, вы еще ходили с косичками, когда я играла в «Диких красотках».

Я рассмеялась:

– Я рано их обрезала. Мне пришлось зарабатывать на жизнь.

– Вот как? – Марша сделала глоток джина, разглядывая меня. – Но я вспомнила, где я вас видела. Это было не на фотографии, а на зимнем шоу Ледюка в прошлом году. Я приобрела то божественное платье для коктейлей…

– Из бархата цвета топаза. Я помню его. Действительно божественное платье.

Она скорчила гримасу.

– Вероятно. Но это было ошибкой. Вам, так же как и мне, прекрасно известно, что блондинкам оно не идет.

– Когда вы его покупали, вы не были блондинкой, – не подумав, брякнула я. – Простите, – добавила я поспешно. – Я…

Но она засмеялась веселым журчащим смехом:

– Действительно. Я забыла. Мне пришлось стать шатенкой для «Мицци». Это мне не шло, к тому же «Мицци» провалилась.

Марша вытянула вперед изящные ноги и одарила меня своей знаменитой треугольной улыбкой.

– Я рада, что вы приехали. Я здесь всего три дня и уже скучаю по городу. Впервые с момента моего отъезда у меня появилась потребность подумать о таком цивилизованном предмете, как одежда. Я просто обожаю ее, а вы?

– Естественно. Но поскольку это моя работа…

– Я знаю, – сказала она. – Но здесь говорят лишь о горах да о рыбалке, а подобные занятия мне представляются невероятно скучными.

– Тогда что вы тут делаете?

Этот вопрос вырвался у меня помимо воли и прозвучал грубовато, однако Марша ответила без всякой обиды:

– Отдыхаю, милочка моя.

– А, понимаю, – произнесла я, стараясь не выказывать любопытства.

Марша Малинг подняла бровь и снова рассмеялась.

– Да нет же, – ответила она, – я и в самом деле отдыхаю, а не просто нахожусь без работы. Спектакль сошел неделю назад. Адриан объявил, что я обязательно должна прийти в себя, а я как раз прочитала божественную книгу о Скае, и вот я здесь.

– И как, соответствует Скай книге?

– Местами. Горы ужасно прелестные, и все остальное тоже, и вчера я видела оленя с очаровательнейшим олененком, но вся беда в том, что здесь совершенно невозможно передвигаться. Вы любите прогулки, долгие пешие прогулки?

– Да.

– А я не люблю. А Фергус просто-напросто отказывается водить машину по некоторым из этих дорог.

– Фергус? Значит, вы здесь со своим мужем?

Я безуспешно попыталась вспомнить, кто на сей раз является мужем Марши Малинг.

– Милочка! Я вообще не замужем в данный момент. Правда, блаженство? Ради разнообразия. – Она издала розовыми губками очаровательный смешок, и я непроизвольно улыбнулась. Ее очарование было осязаемо, словно нечто ослепительное и полное жизни, ее наиглупейшие банальные фразы и устаревшая манера преувеличивать грели душу, как и пылающий огонь в гостиной. – Нет, Фергус мой шофер.

– Марша! – Я назвала ее по имени, не успев осознать этого; по сути, с моей стороны это было данью ее очарованию. – Неужели вы привезли сюда машину с шофером? И это вы называете прийти в себя?

– Но я очень не люблю ходить пешком, – рассудительно ответила она, – да мы и не собираемся проводить здесь весь отпуск. Я как бы совершаю турне по горной Шотландии и островам. Давайте выпьем еще. Нет, я и впрямь попала в тяжелое положение. – Она протянула руку и позвонила в колокольчик. – Отчасти мы попали сюда из-за Фергуса. Он родом из этих мест. Не то чтобы его волнуют стародавние времена, просто нам показалось, что здесь может быть неплохо.

Я уставилась на нее. Не смогла удержаться.

– Какая вы… внимательная. Ваши служащие…

Она взглянула на меня. На этот раз знаменитая улыбка была определенно заимствована из очень озорного спектакля «Да, моя дорогая».

– Разве я не праведница? Но Фергус… ах да, херес, правильно? И еще одну порцию розового джина. – Сделав заказ, она повернулась ко мне. – Знаете, если бы я стала разговаривать подобным образом с каким-нибудь другим постояльцем гостиницы, он бы застыл на месте, как… как чучело.

– А кто еще отдыхает здесь?

– Так, давайте вспомним… Полковник и миссис Каудрей-Симпсон. Они скучные, но милые. Они все время ловят рыбу, и днем и ночью, и поверьте, ни разу ничего не поймали.

– Кажется, я их видела. Пожилая пара с пустой корзиной.

– Ну да, это они. Потом, если и дальше продолжать о рыбе, мистер и миссис Корриган и мистер Брейн.

– Случайно не Аластер Брейн?

– Кажется, да… – Она посмотрела на меня с любопытством. – Ваш друг?

– Знакомый. Он занимается рекламой.

– Да, он отдыхает вместе с Корриганами. И знаете, – задумчиво добавила она, – если бы я была способна найти в себе жалость к женщине, вышедшей замуж за привлекательного мужчину, такого как Хартли Корриган, то пожалела бы именно эту.

– Почему? – удивилась я.

Взгляды Марши Малинг на брак, высказанные лично, стоило выслушать.

– Рыба, – просто ответила она.

– Рыба? А, понимаю. Вы имеете в виду рыбалку?

– Совершенно верно. Он и Аластер Брейн такие же, как Каудрей-Симпсоны. Утром, днем и ночью они ловят рыбу. А она не делает ничего, совсем ничего, чтобы бороться с этим, хотя явно пребывает в ужасном состоянии, причем уже давно. Она слоняется с несчастным видом совершенно одна, засунув руки в карманы.

Я вспомнила унылую женщину, протащившуюся вверх по лестнице в кильватере Каудрей-Симпсонов.

– По-моему, я видела ее. Она действительно не похожа на счастливицу. Но я вообще сомневаюсь, – задумчиво произнесла я, – что есть на свете такая женщина, которая могла бы соперничать с рыбалкой, если мужчина по-настоящему увлечен этим занятием.

Марша Малинг поглубже уселась в кресло и произнесла:

– Вот как?

– Ладно, – ответила я. – Ну, может, только вы. Да еще Рита Хейворт. И все.

– Но она даже не пытается! – возмутилась Марша. – А он… Ну хорошо, кто там дальше?

– Я видела двух женщин… – начала я.

– Ах да, две… как это называется?.. Schwärmerinen[3], – произнесла Марша своим красивым, хорошо поставленным голосом. – Они…

– Марша, нет! Не нужно этого говорить!

Но дух обличения оказался неожиданно силен в мисс Малинг. Ее прекрасные глаза засверкали.

– Эта девочка! – воскликнула она. – Ей, наверное, еще и девятнадцати нет, а она повсюду таскается с этой невозможной усатой женщиной! Ах, дорогая, она ее наверняка запугивает!

– Если эта женщина ей не по нраву, – резонно заметила я, – зачем же она приехала с ней?

– Я же сказала. Они…

– Нет, Марша. Это явная клевета. Не забывайте, мы находимся в шотландской рыбацкой гостинице, а не на театральной вечеринке с коктейлями.

– Наверное, вы правы, – вздохнула она. – На самом деле они, кажется, работают в одной и той же школе. Малышка только-только начала преподавать, а другая ведет там ПК, или РТ, или что-то в этом роде. Я слышала, как она сама призналась.

– Призналась в чем? – изумилась я.

– Что обучает этому самому РТ или как его там. Что это такое, кстати?

– По-видимому, «мускулистые христиане»[4].

– Совершенно верно, – мрачно ответила Марша.

– Кто еще здесь отдыхает? Я познакомилась по пути из Элгола с мужчиной…

– Это, наверное, Родерик Грант. Он практически живет здесь. Высокий, привлекательный, с пышной шевелюрой?

– Он самый. С голубыми глазами.

– И с какими! – пылко воскликнула Марша. – Он определенно представляет интерес, вот только…

Она запнулась и сделала глоток джина.

Чувствуя, что неизвестный Фергус вызывает у меня все большее любопытство, я сказала равнодушным тоном:

– Судя по всему, Родерик Грант тоже рыболов.

– Что? О, они все тут рыболовы, – с горечью произнесла Марша. – Но надо признать, он занимается этим нерегулярно. Большую часть времени он гуляет или что-то в этом роде. Его никогда нет в гостинице.

– Значит, он альпинист, – сказала я с улыбкой.

– Возможно. Здесь есть еще один скалолаз, по имени Бигл.

– Роналд Бигл?

– Кажется. Еще один ваш знакомый?

– Нет. Мы с ним никогда не встречались, но я слышала о нем. Он – знаменитый альпинист.

Марша выказала некоторый интерес:

– Вот как? Да, теперь, когда вы сказали… Он действительно проводит все ночи, изучая какие-то карты, или сидит как приклеенный у радиоприемника, слушая о восхождении на Эверест.

---

[3] Фанатички *(нем.)*.

[4] Религиозно-этическое учение, согласно которому здоровое тело является необходимым условием истинной веры и моральной чистоты, при этом большое значение придается занятиям спортом.

– Тогда это точно он. Он написал книгу о Нангапарбате[5].

– Да? – произнесла Марша, поскучнев. – Так вот, он повсюду бродит с другим мужчиной, забавным коротышкой, которого зовут Хьюберт Хэй. Кажется, они приехали не вместе, но, по-моему, Хьюберт тоже писатель. Он маленький, кругленький и совершеннейшее сорбо.

– Сорбо?

– Да. Не ущипнешь.

– Понятно. Но какое странное слово! Сорбо… это по-итальянски?

Она очаровательно хмыкнула:

– О боже, ведь таким образом можно вычислить, сколько мне лет, правда? Надо за собой следить. Нет, милочка, это не по-итальянски. Когда-то давно, в тридцатые годы, когда вас еще возили в коляске, продавались твердые резиновые мячики для детей. Они назывались «сорбо-попрыгунчики».

– И вы в них играли?

– Милочка, – повторила Марша, – вы так добры… Все равно, этот коротышка – явное сорбо по характеру и по внешности и носит фантастические жилеты. Здесь есть еще один мужчина, не знаю, как его зовут, он приехал вчера вечером. Но у меня такое чувство, что он тоже писатель.

– О господи!

– Я понимаю. Настоящая плеяда талантов, да? Хотя, скорее всего, они ничего не стоят. Сорбо так наверняка. Но этот парень выглядит, словно он действительно… весь такой темный и роковой, – мечтательно произнесла Марша, а потом нахмурилась своему джину. – Только… он тоже рыбачит.

– Создается впечатление, что здесь собралась интригующая компания, – высказалась я.

– Не правда ли? – откликнулась она без особой убежденности. – Да, еще пожилая дама, которая, по-моему, является матерью Каудрей-Симпсона, она все время вяжет, милочка, причем нитками ужасных цветов. И еще три юнца с голыми коленками, они живут в палатках около реки, ходят сюда питаться и постоянно бродят с молотками, серпами и тому подобной ерундой.

– Вероятно, студенты-геологи, – догадалась я. – Однако я очень сомневаюсь насчет серпов. По-моему, из всего этого есть только один выход: вам самой следует начать ходить на рыбалку. Я, к примеру, собираюсь. Мне говорили, что это успокаивает нервы.

Марша бросила на меня взгляд, полный ужаса, смешанного с восхищением.

– Боже мой! Вы поразительный человек! Но… – Она перевела глаза на мою левую руку и кивнула. – Я должна была догадаться. Вы замужем. Наверное, он вас заставляет. Так вот, эта несчастная миссис Корриган…

– Я не замужем, – вставила я.

Она на мгновение замолчала.

– О, простите, я…

– Я разведена.

– А!.. – Почувствовав облегчение, Марша ослепительно улыбнулась мне. – Вы тоже? Дорогая, и я разведена.

– Я знаю.

– Трижды, радость моя. Ужасно утомительно, доложу я вам. Ну разве они не подонки?

– Прошу прощения?

– Мужчины, дорогая. Подонки.

– А, понимаю.

– Только не говорите, что ваш не был подонком.

– Был, – ответила я. – Совершенно точно.

---

[5] *Нангапарбат* – гора в Гималаях, восьмитысячник.

– Так я и знала, – обрадовалась Марша. Я подумала, что впервые вижу, какое действие могут произвести две порции розового джина. – Как его звали?

– Николас.

– Животное, – кровожадно произнесла она. Было очевидно, что в ней снова проснулся инстинкт обличения. – Выпьем еще, Жанетта, дорогая, и расскажите мне все.

– За мой счет, – твердо сказала я и позвонила в колокольчик. – И мое имя Джанетта. Джанетта. Итальянского происхождения, как и сорбо.

– Очень мило, – согласилась она. – Откуда у вас итальянское имя?

– О, это старая история. – Я заказала напитки, радуясь возможности переменить тему. – Мою прабабушку звали Джанеттой. Она относится к типу предков, чье существование стараются спрятать в наглухо закрытом фамильном буфете, только моя прабабушка не из тех, кто позволит себя спрятать даже на секунду.

– Чем она занималась? – спросила заинтригованная Марша.

– О, она пошла обычным путем, чтобы погубить свою репутацию. Натурщица, любовница художников, потом вышла замуж за баронета и…

– Я тоже как-то раз была замужем за баронетом, – оживилась Марша. – Хотя я его бросила. А она?

– Естественно. Она убежала с молодым многообещающим художником в Париж, где сколотила изрядное состояние – не спрашивайте меня как, – а потом умерла в монастыре в прекрасном возрасте восьмидесяти семи лет.

– Да, были времена… – В голосе Марши прозвучал легкий оттенок сожаления. – Я имею в виду не монастырь, а все остальное. Как мудро иметь достойную прабабушку, особенно с состоянием и титулом.

Я засмеялась:

– Ничего не сохранилось. Мама была единственной внучкой, и Джанетта завещала все свои деньги монастырю, чтобы застраховать его от пожара, по-моему. – Я поставила пустой стакан. – Таким образом, в отличие от моей прабабушки я, чтобы заработать себе на жизнь, ношу одежду.

Сквозь стеклянные двери мне были видны спускающиеся вниз по лестнице Каудрей-Симпсоны. Через холл по направлению к столовой промчалась горничная. Снаружи, между крутыми склонами полумесяца Сгурр-на-Стри, красное небо стало цвета меди, на его ярком фоне зубчатые скалы приняли форму возвышающегося рельефа. Я увидела троих молодых людей, без сомнения геологов, идущих от реки; они прошествовали мимо окон гостиной, и через миг я услышала, как открылась и хлопнула входная дверь.

Где-то часы пробили семь.

– Есть хочется, – сказала я. – Слава богу, наступило время обеда.

Поднявшись, я подошла к окну, выходившему на восток. Напротив гостиницы простиралась вдаль широкая равнина – почти миля ровного, объеденного овцами дерна, нарушаемого лишь торфяными струйками, которые, извиваясь, тянулись к морю. Через равнину петляла узкая и неровная дорога, потом она шла вдоль береговой линии, а затем поднималась вверх через вереск и исчезала из виду. Справа бормотало море, теперь оно было цвета темного олова и тусклое, так как на него падала тень гор. Вдали слева у подножия Блейвена блеск воды отливал медью небес.

Запоздавший тетерев крикнул: «Вернись!» – и замолк. Чайка на берегу расправила крылья и сложила их. Море, казалось, замерло. Вид был довольно диким и безотрадным; ни звука, лишь птичий зов да стенания овец; ни движения, лишь дрожь крыла чайки да широкие шаги запоздавшего постояльца, торопливо идущего по траве.

Потом его шаги раздались на гравийной дорожке. Скрип ботинок нарушил тишину. Рядом с ним вспорхнула бекасиха с гнезда и, словно молния, полетела зигзагами в горную

долину. Лишь дважды вдали, на фоне грозной выси Блейвена, блеснули серебряным отливом ее крылья, потом я потеряла ее из виду.

– Блейвен, – задумчиво сказала я. – Интересно…

За моей спиной Марша произнесла резким, прерывистым голосом:

– Больше ни слова об этом, прошу вас. Вы не против?

Я удивленно обернулась.

Она допивала свой третий джин и довольно странно глядела на меня поверх бокала. Смутившись и слегка расстроившись, как всегда при проявлении грубости, я пристально посмотрела на нее. Я понимала, что, переведя разговор на Джанетту и ее деяния, поступила достаточно своевольно, но мне не хотелось говорить о Николасе. К тому же Марша вроде бы проявила интерес. Если бы ей было скучно… но, судя по ее виду, она не скучала, совсем наоборот.

Она виновато улыбнулась:

– Ничего не могу с собой поделать. Но давайте не будем. Пожалуйста.

– Как пожелаете, – ответила я сухо. – Извините.

Я снова повернулась к окну. Моим глазам предстала огромная и грозная гора. И тут меня вдруг озарило. Блейвен! Это мое упоминание о Блейвене, а вовсе не Джанетта вынудило Маршу укрыться в стакан с джином, как улитку в раковину. Родерик Грант, и Мурдо, и вот теперь Марша Малинг… или у меня разыгралось воображение? Я уставилась в сгущающиеся сумерки, в которых запоздавший гость как раз проходил последние двадцать ярдов до входной двери. Мой взгляд сосредоточился на нем. Я замерла, потом снова посмотрела на него…

– О господи! – воскликнула я и отпрянула от окна, как камень, пущенный из пращи.

Остановившись на коврике у камина прямо напротив вытаращившей глаза Марши, я сделала глубокий-глубокий вдох и повторила:

– О господи!

– Что случилось? Это потому что я…

– Вы тут совершенно ни при чем, – устало произнесла я. – Это все человек, который только что подошел к входной двери.

– Человек? – в замешательстве повторила Марша.

– Да. Полагаю, это и есть ваш безымянный, темный, роковой писатель… вот только для меня он совсем не безымянный. Его зовут Николас Друри.

Она раскрыла рот:

– Не может быть! Неужели…

Я кивнула:

– Именно. Мой муж.

– По… подонок?

Я грустно улыбнулась:

– Совершенно верно. Как вы и сказали. Отпуск обещает быть весьма забавным, – добавила я совершенно неубедительно.

Глава 3
Камасунари (1)

Да, там она и была, огромная, как жизнь, высокомерная черная подпись в книге посетителей: *«Николас Друри, Лондон, 29 мая 1953 г.»* Секунду я глядела на нее, кусая губы, потом мое внимание привлекла другая запись той же рукой в начале предыдущей страницы: *«Николас Друри, Лондон, 28 апреля 1953 г.»*

Значит, он уже приезжал сюда этой весной. Я нахмурилась, гадая, что занесло его на Скай. Должно быть, он собирал здесь материал для какой-нибудь книги; вряд ли он выбрал бы это место для отдыха.

Насколько я помнила Николаса, горные края, форель и вереск в тумане плохо с ним согласовывались. Я взяла ручку, ощущая, что моей руке не хватает уверенности. Всего моего тщательно выработанного самообладания не хватит, чтобы снова встретиться с Николасом Друри, да еще с видом шутливого дружелюбия, какое, несомненно, модно среди разведенных пар лондонского света.

Я окунула ручку в чернильницу, помедлила и наконец написала: *«Джанетта Брук, приход Тенч-Аббас, Уорикшир».* Затем с трудом стащила с пальца обручальное кольцо и положила его в сумку. Придется объяснять майору Персимону, владельцу гостиницы, каким образом миссис Друри внезапно превратилась в мисс Брук: я опасалась, что может возникнуть множество затруднительных ситуаций, если в одной гостинице окажутся мистер и миссис Друри. Марша Малинг обещала молчать. А Николас вообще не знает, что я не стала снова мисс Брук четыре года назад. Скорее всего, он так же, как и я, почувствует досаду и неловкость, когда мы встретимся, и наверняка постарается избегать случайных встреч. Во всяком случае, я почти сумела убедить себя в этом, когда, поставив кляксу, захлопнула книгу посетителей, хотя, насколько я помнила своего красивого и непредсказуемого мужа, полагаться на приличное поведение Николаса Друри не стоило.

И тут я подпрыгнула, как нервная кошка, так как позади мужской голос произнес:

– Джанет Друри, чтоб меня!

Быстро обернувшись, я увидела, что по лестнице спускается мужчина.

– Аластер! Как я рада тебя видеть! Где ты пропадал столько лет?

Аластер взял меня за руки и просиял. Это был большой нескладный человек с мощными плечами, вечно растрепанными каштановыми волосами и обезоруживающей улыбкой, за которой скрывался исключительно проницательный ум. Он походил на кого угодно, только не на того, кем он был в действительности – одним из многообещающих деятелей в области рекламы.

– В основном в Америке, с заездом в Бразилию и Пакистан. Тебе известно, что я работаю на «Пергамон»?

– Да, я помню. Давно ты вернулся?

– Около шести недель назад. Мне дали отпуск на два месяца, вот я и приехал сюда с друзьями половить рыбу.

– Я очень рада видеть тебя, Аластер, – сказала я, – и должна признать, что загар тебе к лицу.

Он ухмыльнулся.

– Жаль, что не могу ответить тебе таким же комплиментом, Джанет, малышка. Это не значит, – спохватился он, – что я не рад тебя видеть, но ты выглядишь несколько по-лондонски, если можно так выразиться. Что случилось с твоим обликом школьницы? Ник тебя не бьет?

Я уставилась на него, но он явно не заметил ничего странного в выражении моего лица, потому что весело продолжил:

– Он даже не упомянул, что ты приехала с ним, подлый тип.

– О господи, – простонала я. – Аластер, только не говори, что тебе ничего не известно. Мы развелись.

Аластер был изумлен и даже потрясен:

– Развелись? Когда?

– Четыре года назад. Да неужели ты не слышал?

Он отрицательно покачал головой:

– Ни слова. Я же был за границей все это время, а я самый отвратительный писатель писем в мире, на втором месте Николас, так что видишь… – Он запнулся и присвистнул. – Ну ладно. Прости, Джанет. Я… э… не очень-то и удивлен, в конце концов… Ты не обижаешься на мои слова?

– Ну что ты, – сказала я. Мой голос прозвучал легко и звонко и сделал бы честь любой из лондонских милашек Николаса. – Просто наш брак относился к тем событиям, которые не имеют будущего. Никто ни в чем не виноват: он принял меня за другую. Понимаешь, когда занимаешься моей профессией, то имеешь тенденцию выглядеть… сильной и безупречно отлакированной, что ли, даже если на самом деле ты не такая.

– А ты не такая.

– Не была такой тогда, – пояснила я. – Сейчас я приобрела определенный лоск.

– Три года проживания с моим дражайшим другом Николасом Друри развратят и весталку, – сказал Аластер. – Не повезло тебе, Джанет. Но что ты тут делаешь, позволь тебя спросить?

– Отдыхаю, как и ты, и прячусь от толпы, приехавшей на коронацию. Едва ли нужно говорить, что я не имела понятия о намерении Николаса приехать сюда. Я немножко устала и захотела чего-нибудь спокойного и тихого, а об этой гостинице я услышала от друзей нашей семьи.

– Чего-нибудь спокойного и тихого, – хмыкнул Аластер. – Ах, мои усики и ушки![6] И ты наткнулась прямо на Ника!

– Пока не наткнулась, – мрачно ответила я. – Это удовольствие нам обоим еще предстоит.

– Боже, боже! – сочувственно произнес Аластер, потом снова ухмыльнулся. – Не бойся, дорогая. Ник тебя не съест. Это ему следует нервничать, а не тебе. Послушай, Джанет, можно за обедом я сяду за твой стол? Я с парой, которая, вероятно, сможет обойтись обществом друг друга.

– Буду рада, – с благодарностью согласилась я. – Но как так случилось, что Николас ничего тебе не сказал?

– Вообще-то, я редко его вижу. Очевидно, он приехал на Скай собирать материал по фольклору и тому подобному для своей книги, и он все время где-то ездит, а это место – его основная база. Он постоянно отсутствует. Я, конечно, спросил его о тебе, а он просто сказал: «У нее все прекрасно. Она по-прежнему работает у Хьюго, как тебе известно. Скоро у них очередной показ». Мне и в голову не пришло.

– Когда это было?

– Когда я приехал сюда в первый раз. Кажется, десятого мая.

– Дело в том, что мы действительно готовили показ. Но откуда он это узнал?

– Почем я знаю? – весело ответил Аластер и повернулся поприветствовать подходившую к нам пару.

Женщина была худощавой, темноволосой и почти невыразительной, исключение составляли необыкновенно красивые карие глаза с удлиненными веками и с золотистыми брызгами. Но платье тоскливого зеленоватого оттенка было скроено кое-как. Тусклые волосы, недовольно поджатые губы. Мужчина, бывший с ней, являл собой полную ей противоположность. Он тоже

[6] Реплика Белого Кролика из «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла.

был темноволосый, но его худоба производила впечатление огромной выносливости и жизненной силы. У него были голубые глаза цвета темной ирландской лазури, и он был поразительно красив, несмотря на то что складки вокруг его чувственного рта свидетельствовали о характере, который приходится обуздывать.

Я быстро произнесла:

– Аластер, зови меня Брук, а не Друри. Не забудь. А то может показаться странным…

– Не могу не согласиться. А…

Тут они подошли.

– Харт, Альма, познакомьтесь с Джанеттой Брук. Джанет, это мистер и миссис Корриган.

Мы вежливо что-то пробормотали. Я заметила, что миссис Корриган внимательно изучает мое платье. Синие глаза ее мужа на мгновение озарились легким интересом, а потом с ожиданием устремились к двери гостиной.

– Прости, Альма, но я собираюсь бросить вас на время обеда, – извинился Аластер. – Мы с мисс Брук старые друзья, и нам есть о чем поговорить.

Миссис Корриган слегка обиделась, и на минуту мне показалось, что она хочет пригласить меня к их столу, но потом я поняла, что она колеблется между двух зол: между риском пребывания другой женщины близ ее мужа и потерей общества друга мужа. Собственно говоря, у нее было такое выражение лица, словно ее жизнь уже давно представляла собой постоянный подсчет различных случайностей, подобных этой. Мне стало жаль ее. Во время потока ничего не значащей вежливой болтовни Аластера я бросила короткий взгляд на Хартли Корригана как раз в ту минуту, когда выражение его глаз изменилось – дверь в гостиную открылась и к нам, благоухая «Шанелью № 5», подошла Марша Малинг. Мне стало еще больше жаль Альму Корриган. Казалось, она совершенно не умеет защищаться. Она просто стояла, безвкусно одетая, потерявшая дар речи и явно обиженная, в то время как Марша, обратившись ко всем нам с веселым: «Ну как рыбалка, дорогие?», окутала нас избытком теплоты своего обаяния. Да, нас всех… но все же, когда я наблюдала за ней и слушала, как она рассказывает какую-то нелепую историю о рыбалке, мне показалось, что она выделяет Хартли Корригана из стада и загоняет его так искусно, словно она – чемпионка в состязании среди овец, а он – помеченный кастрированный баран. Что же касается высокого ирландца, он, несмотря на наше присутствие, вел себя так, словно они с Маршей находились наедине.

Мне не хотелось встречаться взглядом с Альмой Корриган, и я старалась не смотреть на нее. Я с нетерпением ждала гонга. В холле теперь было полно народу; по-видимому, собрались все, кого перечислила Марша. Тут находились Каудрей-Симпсоны, вежливо беседующие с древней седовласой леди, тугой на ухо; в углу, обособившись от остальных, стояли две на удивление разные учительницы, молчаливые и чуточку мрачные; мой друг по лодке Родерик Грант серьезно обсуждал механизм барометра с коренастым мужчиной, судя по всему Роналдом Биглом; а с головой погрузившись в газету, сидел, несомненно, Хьюберт Хэй, элегантный и округлый, в наижелтейшем жилете эпохи Регентства.

И тут на лестнице появился Николас и стал спускаться вниз. Он сразу же увидел меня. На мгновение остановился, потом прошел последние несколько ступенек и двинулся через холл прямо ко мне.

– Аластер, – выдохнула я, ненавидя себя за то, что у меня пересохло в горле.

Аластер повернулся, увидел Николаса и ринулся навстречу опасности с той же легкостью, с какой ныряет в воду олимпийский пловец.

– Привет, Ник! – воскликнул он. – Посмотри-ка, кто тут есть… Ты помнишь Джанет Брук?

Он сделал еле заметное ударение на фамилии, Николас чуть приподнял черные брови, и что-то блеснуло в его глазах. Потом он сказал:

– Ну конечно. Привет, Джанетта. Как поживаешь?

Внезапно и совершенно неуместно мне пришло в голову, что Николас – единственный, кто никогда не сокращал мое имя.

Я с трудом заставила себя взглянуть ему в глаза и достаточно спокойно ответила:

– Хорошо, спасибо. А ты?

– Замечательно. Ты приехала сюда отдохнуть, как я понимаю?

– Ненадолго. Хьюго отправил меня в отпуск.

Момент неловкости миновал, момент страха незаметно перешел в зыбь банальных фраз, в ту удобную автоматическую вежливость, которая гораздо больше, чем пустая болтовня, – она представляет собой броню, защищающую обнаженный нерв. Теперь мы могли с облегчением отвернуться друг от друга и присоединиться к группе, где центром притяжения все еще являлась Марша Малинг. Она разговаривала с Хартли Корриганом, но я заметила, что она наблюдает из-под ресниц за Николасом. Повернувшись ко мне, она спросила:

– Еще один старый друг, милочка?

На секунду я забыла, что она актриса, и уставилась на нее с изумлением, настолько естественно прозвучал ее вопрос. Затем, увидев затаившийся смех в ее глазах, я хладнокровно ответила:

– Да, еще один старый друг. Лондонская жизнь и здесь преследует меня. Николас, позволь представить тебе мисс Маршу Малинг – ту самую Маршу Малинг, конечно. Марша, это Николас Друри.

– Тот самый Николас Друри? – проворковала Марша глубоким мягким голосом, пытаясь поразить его всей силой своего обаяния, как лазерный луч поражает цель.

Но Николас не проявил ни малейших признаков распада. Он лишь взглянул на нее слегка настороженно и пробормотал что-то незначительное. Я поняла, что он тоже заметил веселье в глазах Марши. Он всегда быстро соображал. Потом к Марше обратился Хартли Корриган, и через какое-то время, столь короткое, что рассказывать о нем займет гораздо больше времени, все говорили о рыбе. По крайней мере, все мужчины. Марша наблюдала за Хартли Корриганом, Альма Корриган наблюдала за Маршей, а я обнаружила, что изучаю Николаса.

За четыре года он изменился. Ему сейчас должно было быть тридцать шесть, а выглядел он старше. Его темная мрачная красота не очень изменилась, но он похудел, и, несмотря на то что выглядел он прекрасно, его плечи были как-то напряжены, а глаза казались утомленными, лицо осунулось. Интересно, о чем он думает? Подобное напряжение не могло возникнуть из-за начала работы над новой книгой, хотя мне было известно, что временами ему приходится адски трудно. Хорошо изучив его, я понимала, что тревожит его что-то иное, о чем я не догадываюсь, но тревога явно присутствовала. Ладно, во всяком случае, не я виновата в том, что у него такое настроение, и на этот раз мне волноваться ни к чему.

Я как раз бодро поздравляла себя с тем, что меня это больше не касается, когда прозвучал гонг и все мы отправились обедать.

Глава 4
Предмет спора

После обеда стало более чем очевидно, что неловкая ситуация, в которой я оказалась, несомненно, не единственная неприятность среди специфического общества отеля «Камасунари». Я вовсе не преувеличивала. По настроению отдыхающих чувствовалось, что они что-то скрывают; правда, сначала я этого не поняла. И мне, конечно, и в голову не пришло, что поблизости таится опасность.

После обеда я вернулась в гостиную. Обособленные группки людей нарушились, и, как обычно происходит в маленьких деревенских гостиницах, разговор стал общим. На меня нашел легкий приступ веселья, когда я увидела, что Марша Малинг покинула Корриганов и уселась рядом с Николасом. Что ж, может, это и к лучшему. Ее притягивал каждый интересный мужчина, для нее это было так же естественно, как и дышать, а мне хотелось, чтобы она оставила Хартли Корригана в покое. Пусть лучше потратит свое время на Николаса: он в состоянии приглядеть за собой.

Аластер, усадив меня на стул в углу, извинился и пошел посмотреть, как взвешивают и разделывают лосося, которого он сегодня поймал. Корриган тут же встал и отправился вслед за ним, не вымолвив ни слова своей жене. Альма Корриган сидела, не поднимая глаз, и все помешивала и помешивала свой кофе.

– Хотите кофе? Черного или с молоком?

Подняв глаза, я встретилась взглядом с одной из учительниц, той, что моложе. Она стояла около меня с чашками в руках. На ней было платье цвета сухого хереса, с приколотой у ворота брошью из дымчатого кварца. Цвет платья был довольно изощренным и, по идее, не должен был идти молодой женщине, но тем не менее оказался ей к лицу; создавалось впечатление, что очаровательная девочка надела одежду старшей сестры. Она выглядела еще более юной, чем раньше, и казалась трогательно беззащитной.

Я ответила:

– Черный, пожалуйста. Большое спасибо. Но разве вы обязаны прислуживать мне?

Она протянула мне чашку.

– Да ведь кофе никому не подают. Его приносят на огромном подносе, и каждый сам берет себе чашку. Вы, наверное, только что приехали?

– Как раз перед обедом. – Я указала на стул возле моего локтя. – Может, посидите вместе со мной? А то меня покинули ради рыбы.

Девушка помялась и бросила быстрый взгляд на свою компаньонку, которая сидела на другом конце комнаты, поглощенная журналом в блестящей обложке. Затем она села, но на самый край стула, словно оставаясь в постоянной готовности к немедленному броску.

– Рыба действительно стоит у них на первом месте, – сказала она. – Кстати, меня зовут Роберта Саймс.

– А меня Джанетта Брук. Я так понимаю, что вы не увлекаетесь рыбалкой?

– Нет. Мы ходим, Мэрион и я… Мэрион Брэдфорд, вон там. Мы вместе. По крайней мере, мы вместе поднимаемся в горы, некоторым образом.

– Что значит «некоторым образом»? – удивилась я.

Горы Ская не произвели на меня такого впечатления, что на них можно подниматься «некоторым образом».

– Ну, Мэрион – альпинистка, а я нет. Я это имела в виду. Поэтому мы просто карабкаемся по горам – такое вот половинчатое решение. – Она посмотрела на меня чистосердечным взглядом. – Но я прямо-таки умираю, до чего хочу научиться. Я мечтаю быть такой, как мистер Бигл, и забраться на каждую скалу Куллина, включая Неприступный пик!

– Совершенно недостойные стремления, – произнес голос над нами.

К нам подошел Родерик Грант и остановился рядом с чашкой в руке.

Глаза Роберты округлились.

– Недостойные? И это говорите вы? Почему, мистер Грант?

Он отвернулся и взмахом руки обвел пространство за окнами гостиной.

– Посмотрите на них, – сказал он. – Посмотрите. Тридцать миллионов лет назад они пробили свой путь бог знает откуда, чтобы ветер, лед и бури разрушали их и высекали из них скалы, по которым вы сегодня бродили. Они существуют здесь бесчисленное количество веков, те же самые скалы стоят у того же океана и разрушаются теми же ветрами. А вы, прожив ничтожные двадцать лет, говорите об их покорении, словно они…

– Зубы? – хихикнула Роберта. – Хотя я понимаю, что вы хотите сказать. При виде их ощущаешь свою бренность, правильно? Но ведь они бросают нам вызов, разве вы не чувствуете? Какие-то мужчины или, хуже того, какие-то женщины побеждают исполинов времени, забираясь на…

– Эверест!

Восклицание полковника Каудрей-Симпсона раздалось так неожиданно, что я подпрыгнула, а Роберта снова хихикнула. Прошелестев страницами «Таймс», полковник перевел взгляд на Николаса, стоящего около радиоприемника.

– Друри, будьте добры, включите радио. Послушаем, как у них идут дела.

Николас повиновался. Новости уже подходили к концу. Мы, по счастью, пропустили конференции, забастовки, новейшие достижения в области атомной энергии, последние слухи из СССР и попали как раз вовремя, чтобы услышать болтовню по поводу рассаживания приглашенных в Вестминстерском аббатстве, описание арок на Мэлле и намек на то, что за три дня до коронации общее волнение в Лондоне достигло наивысшей точки кипения. И ничего конкретного об Эвересте…

Николас выключил радио.

– Но я уверен, что они возьмут его, – прокомментировал он.

– Очень волнующе, правда? – утешила всех Марша.

– Великолепная попытка, – сказал полковник Каудрей-Симпсон. – Они заслуживают удачи. А что вы скажете, Бигл? Повезет им с погодой?

– Погода довольно хорошая.

Бигл выглядел слегка смущенным оттого, что к нему обратились при всех. Я с интересом вспомнила, что этот скромный человечек участвовал в последней экспедиции на Эверест. Но по-видимому, ему не захотелось продолжать разговор на эту тему. Похлопав по карманам пиджака, он вынул трубку и резко переменил тему:

– Во всяком случае, у них больше шансов на хорошую погоду, чем у нас. Мне не нравится, как выглядит небо. Там вдали идет дождь.

– Тем лучше для рыбалки, – спокойно сказала миссис Каудрей-Симпсон.

Но Роберту это сообщение огорчило.

– О нет! – простонала она. – А я-то хотела начать завтра настоящее восхождение!

– Значит, вы окончательно решили покорить Куллин? – спросил Родерик Грант.

– Окончательно!

– И когда вы намерены приступить?

– Не знаю. Пусть Мэрион решает.

– Гарсвен не трудный, – произнес кто-то, кажется Альма Корриган. – Есть проход вверх от оконечности Коруиска…

Вмешалась Мэрион Брэдфорд:

– Поначалу лучше подниматься на Бруах-на-Фрит и на Сгурр-на-Банахдих, но они очень далеко. Гарсвен под рукой, но он, конечно, скучный.

Из-за ее монотонного голоса и безапелляционной манеры говорить казалось, что она груба. Альма Корриган откинулась на стуле, поджав губы. Роберта, чуть покраснев, подалась вперед.

– Но, Мэрион, я не сомневаюсь, что миссис Корриган права. Он не трудный, и с него, должно быть, открывается прекрасный вид…

– Прекрасный вид открывается с любой горы Куллина, – мрачно заметила Мэрион.

– Вы побывали на всех вершинах? – вкрадчиво спросил Родерик.

– Если вы имеете в виду, знаю ли я, о чем говорю, то мой ответ – да, – отрезала Мэрион Брэдфорд.

Наступила небольшая пауза, все явно чувствовали себя неловко, и я задумалась о том, что заставляет людей без всяких причин вести себя подобным образом. Полковник и миссис Каудрей-Симпсоны снова занялись кроссвордом в «Таймс», а Родерик Грант закурил и сразу стал выглядеть невероятно отстраненным и благовоспитанным. Николас принял скучающий вид, что, как мне было известно, означало, что он раздражен. Марша Малинг подмигнула мне и что-то ему сказала, от чего он скривил рот. Роберта просто сидела и молчала, огненно-красная и несчастная. Как упражнение в умении преодолевать тяжелые ситуации все это было великолепно.

И тут впервые заговорил Хьюберт Хэй, проигнорировав и грубость Мэрион Брэдфорд, и брешь в общей беседе. Я вспомнила, как Марша назвала его сорбо, и мне стало смешно.

– На вашем месте, – весело сказал он Роберте, – я бы попытался влезть на Скверную Кручу. Дождитесь прилива, и тогда не сломаете шею, если упадете. Всего лишь утонете. Это гораздо приятнее, как говорят.

У него был на удивление нежный высокий голосок, что в сочетании с необычной внешностью производило комический эффект. Роберта засмеялась:

– Я умею плавать.

– В тяжелых ботинках и с рюкзаком?

– О, пожалуй, вы правы!

– Что еще за Скверная Круча? – поинтересовалась я.

Хьюберт Хэй показал на окна, выходящие на запад.

– Видите ту гору за устьем реки, между нами и Куллином?

– Да.

– Это Сгурр-на-Стри. Тот высокий гребень у подножия Гарсвена между нами и заливом. Если хотите сделать вылазку, через него можно быстро перейти. Но если вы пойдете вдоль берега к Лох-Коруиску и Куллину, вам придется пересечь Скверную Кручу.

– Звучит ужасно. Что-то вроде скалы Влюбленного?

– Нет. Всего лишь габбровая плита, наклоненная под кошмарным углом примерно в шестьдесят градусов.

– Не так много, – заметил Родерик Грант.

– Да? Возможно, вы правы. Как бы там ни было, она нависает над морем, и преодолеть ее можно только благодаря трещинам в скале, где ваши когти находят опору.

– Когти? – с ужасом воскликнула Марша. – О господи! Вы хотите сказать, что ползете, цепляясь ногтями?

Николас усмехнулся.

– Нет, леди. Он говорит про шипы на ботинках.

– Кажется, это как раз для меня, – жизнерадостно заявила Роберта. – В конце концов, кто возражает против того, чтобы утонуть? Мэрион, давайте пойдем туда, а вернемся через Сгурр-на-Стри.

– Я уже решила, куда мы пойдем, – ответила Мэрион монотонным твердым голосом, который действовал на всех удручающе. – Мы идем на Блейвен.

Наступила внезапная тишина.

Я быстро оглядела всех. Значит, я была права, когда полагала, что именно это название каждый раз вызывает столь странную реакцию. На сей раз ошибки быть не могло. И я вовсе не вообразила, что в голосе Мэрион Брэдфорд звучат оборонительные нотки. Она знала, что ее заявление вызовет такой отклик.

Наконец Роналд Бигл робко произнес:

– Э… мудро ли это, мисс Брэдфорд? Вам не кажется, что подобное восхождение трудновато для начинающего?

– С этой стороны довольно легко подняться на хребет, – резко ответила она.

– Да, конечно. Но если будет плохая погода…

– Капелька дождя нам не повредит. А если нависнет туман, мы не пойдем. На это у меня хватит мозгов.

Бигл ничего не сказал, и снова в комнате воцарилась тишина. Я увидела, как беспокойно пошевелился Николас, и задумалась, чувствует ли он, как и я, что атмосфера стала еще более неловкой.

Очевидно, Мэрион сама что-то ощутила, так как внезапно она злобно ткнула сигарету в пепельницу и встала.

– В любом случае, – проговорила она своим жестким агрессивным тоном, – уже пора, чтобы кто-то нарушил чары этой проклятой горы. Ты идешь, Роберта?

Она прошествовала из комнаты. Роберта неловко улыбнулась мне и пошла вслед за ней. На мгновение мне захотелось посоветовать ей остаться, но потом я решила не добавлять ничего к подводным течениям, нарушающим покой компании. Я лишь улыбнулась ей в ответ.

Наступила неминуемая неловкая пауза, каждому ужасно хотелось обсудить Мэрион Брэдфорд, но, естественно, это было невозможно. Потом Марша, которую, как я быстро успела заметить, ничто не сдерживало, сказала:

– Вот уж действительно! Хочу вам доложить…

Полковник Каудрей-Симпсон поспешно прокашлялся и обратился к Роналду Биглу:

– А куда вы собираетесь идти завтра, Бигл?

– На Сгурр-нан-Гиллеан, сэр, если позволит погода. Только я боюсь…

Я поднялась на ноги. С меня было достаточно, к тому же после путешествия я чувствовала себя закостеневшей. Если окажется, что Мурдо с Биглом были правы и завтра пойдет дождь, неплохо бы часок прогуляться. Поставив чашку на поднос, я увидела, что Николас тоже встал и идет ко мне. Я испугалась. Он явно готовился поговорить со мной или предложить погулять, а тет-а-тет с Николасом в ту минуту мог стать последней каплей. Я быстро повернулась к ближайшей женщине – ею оказалась Альма Корриган.

– Хочу немножко прогуляться, – проговорила я, – но не знаю дороги. Не будете ли вы столь добры составить мне компанию?

Она удивилась, но, по-моему, ей было приятно. Потом на ее лице появилось знакомое выражение обиды, и она отрицательно покачала головой.

– Я бы с удовольствием, – вежливо отказалась она. – Но я немножко устала. Мы целый день ходили.

Так как перед обедом она сообщила мне, что целый день провела, сидя на валуне, пока мужчины рыбачили на Страт-на-Крейтеах, подобный отказ звучал крайне нелепо.

– Ну конечно, – быстро сказала я, чувствуя себя идиоткой. – Как-нибудь в другой раз, может быть.

Повернувшись, я обнаружила рядом с собой Родерика Гранта.

– Может, я?.. – предложил он, застенчиво глядя на меня. – Красивые места по дороге к озеру, если вы позволите мне быть вашим гидом. Но возможно, вы предпочитаете идти одна?

– Ни в коем случае, – заверила его я.

Когда Родерик Грант заговорил, Николас остановился и нахмурился. Я улыбнулась мистеру Гранту:

– Большое спасибо. Буду рада, если вы составите мне компанию.

Николас продолжал стоять не двигаясь. Мне пришлось пройти мимо него по пути к выходу. Наши глаза встретились. Пристально посмотрев на меня целых три секунды суровым равнодушным взглядом, он криво усмехнулся и медленно повернулся к Марше Малинг.

Я пошла надевать пальто.

Глава 5
Лох-на-Крейтеах

Летним вечером на Гебридах в половине десятого только-только начинает смеркаться. Когда блеск дня угасает, чистые краски песка, травы и скал приобретают безрадостный оттенок, но таким образом природа всего лишь возвещает о приближении вечера. В действительности ночь представляет собой слабое притупление дня, струю серебра, пробивающуюся сквозь горячее золото полудня.

Вечер стоял тихий, и, несмотря на то что на юге высоко над нами медленно скучивались тучи, грозящие дождем, остальная часть неба была чистой и ясной. Над хребтом Сгурр-на-Стри, над и за зубчатыми скалами Куллина солнечное тепло все еще согревало порозовевший воздух. Над этим плывущим озером света печально нависла кромка облака – тонкая багровая линия, чья краска полиняла от прорезающих ее лучей почти невидимого солнца.

Мы свернули к северу долины, и наши шаги по объеденному овцами дерну стали беззвучными в тишине. Ровное пастбище в дельте тянулось вверх по долине примерно полмили, потом начался крутой и ломаный подъем, отвесный и бугристый, – мы дошли до предгорья Блейвена. Прямо перед нами, перегораживая долину, высился небольшой, одетый в вереск крутой холм, он упирался в южный берег озера. Слева от него змеилась река, а с востока к нему тянулась гряда скал, граничивших с Блейвеном.

– Есть ли тропинка вдоль реки? – поинтересовалась я.

– Да, но если вы хотите забраться на Ан’т-Срон – вон на тот холм, – чтобы полюбоваться озером, лучше идти по долине со стороны Блейвена. Чуть подальше около реки болото, по нему не очень-то приятно разгуливать.

– Вы имеете в виду, что это опасно или просто мокро?

– И то и другое. Не уверен, что вас туда затянет, но земля чертовски качается, и если вы остановитесь, то начнете тонуть. Олени избегают этого места.

– В таком случае, – содрогнулась я, – будем и мы держаться от него подальше. А ведь я должна поблагодарить вас за то, что вы составили мне компанию!

Грант засмеялся:

– Я просто-напросто эгоист. Когда сильно любишь какие-либо края, то доставляет наслаждение их показывать. Мне не хотелось упустить возможность создать себе репутацию знатока этих мест. Здесь один из самых прелестных уголков на земле.

– Вы имеете в виду конкретно это место или Скай и острова в целом?

– Этот кусочек Ская. – Его руки были засунуты глубоко в карманы, и он быстро окинул взглядом дальние пики и огромные голубые выси Блейвена, вставшие на пути долины. – Их.

– Это ваша родина, мистер Грант?

Он отрицательно покачал головой:

– Я родился в горах, но совершенно других. Мой отец был священником крохотного прихода в Каирнгорме, в затерянной деревушке на задворках северного ветра. Аухлехти, у подножия Бхейнн-а’Бхуирд. Вы слышали о ней?

– Нет.

Он усмехнулся:

– Ни разу не встречал человека, который бы слышал… Так вот, горы я научился почитать именно там! Матери у меня не было, отец был замкнутым человеком, на меня у него не хватало времени. До школы было далеко, поэтому я частенько носился по холмам.

– Вы, должно быть, чувствовали себя одиноким?

– Возможно. Я не помню. Не думаю, что мне было одиноко. – Он снова усмехнулся. – Так мы жили до смерти дяди, он оставил нам кучу денег, и отец заставил меня надеть ботинки и отправиться в школу изучать манеры.

– Не повезло.

– Я, естественно, терпеть их не мог. Особенно ботинки.

– А теперь вы лазаете по горам?

– В основном. Я немного путешествую, но каждый раз заканчиваю свой поход здесь, во всяком случае в мае и июне… когда здесь, на западе, лучше всего, хотя… – он кинул взгляд через плечо, – по-моему, наш друг Бигл не ошибся, предрекая плохую погоду. Завтра наверняка пойдет дождь, а когда Куллин вплотную встречается с бурей, он неохотно расстается с ней.

– О боже! – воскликнула я. – А я мечтала о прогулках. Теперь я начинаю понимать, почему все здесь так увлечены рыбалкой. Должно быть, в порядке самообороны.

– Вполне возможно. Смотрите под ноги. Темнеет. Можно покалечиться.

Добравшись до подножия холма Ан’т-Срон, мы стали подниматься по вересковому склону. Из-под ног выпорхнул самец куропатки и, возмущенно вереща, спланировал к реке. День угасал на глазах. Над долиной, напоминая огромную тучу, проступал Блейвен, близ его гигантского хребта повисла призрачная белая луна.

Родерик Грант на секунду остановился и задумчиво посмотрел на грозные вершины, подпиравшие небо.

– Неужели эти две глупые женщины и впрямь полезут завтра туда?

– Это очень опасно?

– Нет, если знаешь дорогу. Можно пройти вверх по южному гребню, но и там есть неприятные участки.

– Мисс Брэдфорд сказала, что знает дорогу, – напомнила я.

Он слабо улыбнулся:

– Так она сказала? Что ж, нам тут делать нечего.

– Полагаю, что так.

Мы прошли уже больше половины пути вверх по холму. Склон становился все круче и бугристее.

– Мистер Грант, – обратилась я к нему, чуточку запыхавшись.

– Да?

Помявшись, я чистосердечно спросила:

– Что такое говорила мисс Брэдфорд о чарах на Блейвене? Что в нем плохого?

Он остановился и удивленно, почти озадаченно взглянул на меня.

– Что в нем плохого? – почти механически повторил он.

– Да. Почему все смущаются при упоминании о Блейвене? Уверена, что не ошибаюсь. И уж если мы коснулись этой темы, что происходит с людьми в гостинице? Потому что что-то происходит, и если вы этого не заметили…

– Так вы не знаете?

– Да откуда мне знать! – возмутилась я. – Я только что приехала. Но даже мне ситуация кажется неуютной, как в начале пьесы с запутанной ситуацией.

– Вы не слишком заблуждаетесь, – ответил Родерик Грант. – Только мы сейчас находимся в середине пьесы, и похоже, что ситуация не будет разрешена.

Он замолчал, мрачно глядя на меня в сгущающейся тьме.

– К тому же ситуация отвратительная, – выговорил он. – Наиотвратительнейшая из всех. Убийство.

Я сделала резкий вдох:

– Убийство?

Он кивнул. При вечернем освещении его голубые глаза под нахмуренными бровями казались темными.

– Это произошло две с половиной недели назад, тридцатого мая. На Блейвене убили девушку, родом из этих мест.

– Понятно… – Я с недоверием взглянула на огромную гору, возвышающуюся впереди. Потом вздрогнула и двинулась дальше. – Давайте дойдем до вершины холма, – предложила я, – и там, если не возражаете, вы мне все расскажете.

Усевшись на камень, мы закурили.

Далеко внизу в багровой впадине покоилось, словно в люльке, озеро Лох-на-Крейтеах, оно переливалось подобно отполированному серебру. Над ним летели две утки, примерно в футе от собственных отражений.

– Кто была эта девушка? – спросила я. – И кто убийца?

Сначала он ответил на последний вопрос.

– До сих пор неизвестно, кто убийца. Именно это я и имел в виду, говоря, что ситуация отвратительная. Полиция… – Он, нахмурясь, посмотрел на свою сигарету. – Лучше я начну сначала.

– Да, пожалуйста.

– Девушку звали Хизер Макри. Ее отец – фермер, он иногда продает молоко отдыхающим в отеле. Возможно, вы с ним познакомитесь. Его ферма находится в трех-четырех милях вверх по Страт-на-Крейтеах, реке, что впадает в дальнюю часть озера… Так вот, ходили слухи, что Хизер Макри водит компанию с парнем из деревни, Джеймси Фарлейном, и поэтому, когда долгими весенними вечерами ее подолгу не было дома, родители не волновались. Они считали, что знают, с кем она.

– А это в результате оказался не Джеймси?

– Джеймси говорит, что нет. Он объявил об этом громко и ясно. Но в конце концов, – произнес Родерик Грант, – что еще он мог сказать?

– Если это не Джеймси, то кто тогда?

– Джеймси говорит, что они с Хизер поссорились… да, он открыто в этом признался. Он говорит, что она стала избегать его, а когда он потребовал от нее ответа, она взорвалась и сказала, что гуляет с парнем получше. С джентльменом – так она сказала Джеймси. – Грант взглянул на меня. – С джентльменом из отеля.

– Не может быть! – воскликнула я.

– Боюсь, что так.

– Но… это же не значит, что человек из отеля и был…

– Убийцей? Может, и так, но есть сильное подозрение, что его вообще не существовало. Об этом имеются только показания самого Джеймси Фарлейна. Известно лишь то, что вечером тридцатого мая Хизер Макри пошла на свидание. Она сказала родителям, что у нее «свиданка».

– И… на Блейвене, вы сказали?

Голос его погрустнел.

– Дальнейшая часть моего рассказа не очень приятна, но лучше я расскажу вам все. Около полуночи несколько человек, которые находились на озере Лох-Скавайг – подозреваю, что они браконьерствовали, – увидели на полпути к вершине Блейвена яркое пламя. Они были озадачены, но, естественно, не забеспокоились. Блейвен – голая скала, и огонь не мог распространиться дальше. Они занялись своим делом, каким бы там оно ни было, и продолжали поглядывать на огонь. Один из них посмотрел туда в ночной бинокль и сообщил, что видит, как из-за крутой скалы поднимается столб огня, похожий на огромный костер.

Он сделал паузу.

– Ну вот, они удивлялись все больше и больше. Кому пришло в голову зажечь костер на вершине горы и что там может гореть? Не знаю, поумнели ли они после происшедшего или нет, но один из них, Родри Макдауэлл, говорит, что, наблюдая за столбом огня, вздымающимся там, где огню быть не положено, они постепенно стали волноваться, потом забеспокоились, потом прямо-таки испугались. И когда парень с биноклем объявил, что видит темную фигуру на фоне пламени, они решили пойти проверить.

Грант хмуро взглянул на мерцающее внизу озеро.

– К тому времени, когда они туда добрались, огонь, естественно, погас, лишь дым лизал скалу, служившую им ориентиром. Они обнаружили широкую площадку, на которую достаточно легко забраться, с остатками обгорелого и почерневшего сплавного леса, березы и вереска – они были как будто специально разбросаны по скале. В центре почерневшего пятна лежало на спине тело Хизер. – Он глубоко затянулся сигаретой, и его голос стал ровным и бесстрастным. – Она не сильно обгорела. Убийца положил ее в костер уже мертвой. Она вся была покрыта пеплом, а горло у нее было перерезано.

– О боже, – выговорила я.

– Полностью одетая, – продолжал Родерик все тем же ровным, равнодушным голосом, – она спокойно лежала, сложив руки на груди. Самым странным было то, что она была босиком, а ее драгоценности были сняты с нее.

– Драгоценности? – поразилась я. – Но ради всего святого…

– Да нет, их не украли, – быстро ответил он. – У бедняжки не имелось ничего такого, из-за чего ее стоило убивать. Все ее вещи были сложены в кучку на краю площадки. Туфли, кожаный ремень и все украшения: кольцо, дешевые браслет и брошка, серьги… даже заколки для волос. Правда, странно?

Но я не думала о том, странно это или нет. Меня душил гнев.

– Бедняжка надела для него все самое лучшее!

Грант бросил на меня взгляд:

– Да, все это крайне неприятно.

– Не то слово. – Я взглянула на возвышающийся гребень на юге Блейвена. – А что полиция? Какую версию они поддерживают: Джеймси или джентльмена из отеля?

Он пожал плечами и кинул окурок на землю:

– Бог его знает. С тех пор они время от времени посещают нас, всех допросили, спокойно и ненавязчиво, но тем не менее скрупулезно. Теперь вам понятно, почему все на грани срыва?

– Понятно, – мрачно ответила я. – И все же мне кажется странным, что майор Персимон не предупреждает новых гостей о том, что здесь происходит. Возможно, они предпочли бы не приезжать сюда.

– Вы правы, – согласился Родерик Грант. – Но он, естественно, считает, что Джеймси городит чепуху, чтобы спасти себя, и отель здесь совершенно ни при чем. Тяжкие допросы окончились, и полиция ведет себя спокойно. Едва ли можно ожидать от Билла – майора Персимона, – что он погубит свой сезон и, возможно, даже отель.

– Да, наверное.

Потушив сигарету, я встала. Грант тоже поднялся и стоял, глядя на меня.

– Надеюсь, вы не очень расстроились? – спросил он как-то неловко.

– Даже если и расстроилась, – сказала я, – разве это имеет значение? Главное – эта бедняжка, которая отправилась в горы навстречу своей смерти, нарядившись, как только могла…

Я закусила губу, пнула ногой вереск, потом подняла голову и взглянула в глаза Родерику Гранту.

– Ответьте мне, – попросила я, – кто из «джентльменов» находился в гостинице тридцатого мая?

Голубые глаза спокойно смотрели на меня.

– Все, кто и сейчас, – ответил он бесстрастно, – за исключением шофера мисс Малинг.

– И у кого из вас есть алиби? – упрямо продолжала я, чувствуя себя одновременно несчастной и смешной.

– Ни у кого, насколько мне известно. – Ничто в его голосе не выдало, что он почувствовал, как употребление местоимения «вас» придало разговору ужасную прямоту. – Двое из этих ребят, что живут у реки, клянутся, что были вместе, третий отсутствовал. За полковника Каудрей-Симпсона и Билла Персимона поручились их жены, но это, само собой, не считается. Корриган и Брейн рыбачили вместе на озере Лох-на-Атаин.

– В полночь?!

– Многие ночью рыбачат. В это время года ночью не темно.

– Значит, они были вместе?

– Нет. Они разошлись где-то после одиннадцати и вернулись в гостиницу поодиночке. Миссис Корриган говорит, что ее муж явился до полуночи.

В его голосе звучала странная нотка, и я тут же спросила:

– Вы ей не верите?

– Я этого не говорил. Я только думаю, что для того, чтобы вернуться в «Камасунари» до полуночи, нужно нестись на огромной скорости. Лох-на-Атаин в миле пути от конечности Крейтеаха, и дорога трудная.

– И он смог войти в отель?

– Гостиница открыта всю ночь.

– Как удобно, – заметила я. – А мистер Хэй?

– Спал. Подобное алиби трудно опровергнуть.

– Или доказать.

– Как скажете. У меня, кстати, такое же алиби.

– П-простите. – Внезапно я почувствовала себя беспомощной. – Это… чудовищно, да? Никому нельзя доверять… и все же я не имею никакого права расспрашивать вас так, словно вы подозреваемый номер один. Простите, очень вас прошу.

Он усмехнулся:

– Ничего. Вас это тоже касается, если вы хотите здесь остаться. Вам придется решать, с кем вы будете чувствовать себя в безопасности – если такой человек вообще найдется.

Я схватилась за щеку и вскрикнула:

– Боже мой! Действительно. Я… я не подумала об этом.

Грант произнес голосом, полным раскаяния:

– А я сделал глупость, что заговорил об этом до того, как мы вернулись к свету и людям… Пойдемте. – Он взял меня за руку и повел, помогая ступать по камням и вереску. – Нам пора возвращаться в гостиницу. В конце концов, все, что вам обо мне известно, это то, что я могу быть подозреваемым номер один. Сюда, здесь есть тропинка вдоль гребня. Немножко пройдем по ней, потом спустимся.

Я последовала за ним, испытывая смятение оттого, что у меня сильно колотится сердце. Тьма становилась все ощутимее. За нашими спинами светлел запад, а перед нами призрачная луна плыла в потемневшем небе, где, ссутулившись, словно гора Фауста, громадный Блейвен готовился упасть на нас.

И его угрожающий контур загадочно повторила тень, чьи очертания вырисовывались прямо перед нами на тропинке, – какая-то высокая куча, сложенная на вереске словно для того, чтобы специально обозначить вершину холма. Родерик Грант провел меня мимо, даже не взглянув на нее, но я невольно обернулась:

– Что это? Пирамида?

Он бросил небрежный взгляд через плечо:

– Это? Нет. Костер.

Я замерла и вырвала руку из его руки. Он с удивлением повернулся ко мне. Я тут же обратила внимание, как тихо в долине, тихо и пустынно. Огни гостиницы сияли где-то очень далеко.

– Ко… костер? – хрипло произнесла я.

Грант посмотрел на меня.

– Да. А что? – Но тут его голос изменился. – О господи, опять я… Я не думал, не хотел вас напугать. Я дурак… – Шагнув ко мне, он положил руки мне на плечи. – Мисс… Джанет… – Мы оба даже не заметили, что он обратился ко мне просто по имени. – Не бойтесь. Это всего лишь местное празднование коронации. Топливо для костра собирали несколько недель! Ничего страшного! – Он осторожно потряс меня. – И клянусь вам, я не убийца!

– Я и не думала, что вы убийца, – сказала я дрожащим голосом. – Это я дура. Простите.

Родерик Грант опустил руки, и в темноте я увидела его улыбку.

– Тогда пойдем в гостиницу? – предложил он.

И мы двинулись к огням отеля «Камасунари».

Оказалось, что еще не так уж и поздно. В отеле было светло, тепло и безопасно, и еще не все отправились наверх. Сквозь дверь гостиной мне были видны Хартли Корриган и Аластер, принимающие стаканчик на ночь, а поблизости безмятежно читал Роналд Бигл.

И мысль о том, что любой мужчина, с которым я встречалась, может быть виновником преступления, в ту же минуту стала казаться столь отталкивающей, столь эксцентричной, столь фантастичной, что граничила с умопомешательством. С легким оттенком стыда я пожелала Родерику Гранту спокойной ночи и пошла наверх, в свою комнату.

Верхняя площадка лестницы выходила в центр главного верхнего коридора, построенного в виде большой буквы Е, чьи ответвления кончались окнами, выходящими на восток. Моя комната располагалась в дальнем южном углу нижнего ответвления Е. Обнаружив, что ванная поблизости занята, я закуталась в белый бархатный халат и отправилась на поиски другой ванной, которую и обнаружила в дальнем конце главного коридора. Я мылась долго, и к тому времени, как я закончила, весь отель уже погрузился в ночной сон. Я тихо вышла из ванной и пошла по темному коридору.

Неслышно ступая, я пересекала лестничную площадку и вдруг заметила, что на противоположном ее конце кто-то стоит. На фоне плохо различимого окна вырисовывался чей-то силуэт. Я чуть не вздрогнула.

Их было двое. Они меня не видели, и на это была своя причина. Обнявшись, они страстно целовались.

Женщиной была Марша Малинг, я узнала ее светлые волосы еще до того, как запах ее духов достиг моего носа. «Фергус?» – рассеянно подумала я и тут по развороту плеч и по форме головы узнала и мужчину.

Не Фергус. Николас.

Поспешно отвернувшись, я беззвучно двинулась по коридору в свою комнату.

Где-то позади меня, на другом конце коридора, тихо закрылась дверь.

Глава 6
Камасунари (2)

Было без двенадцати два, когда я окончательно решила, что не в состоянии заснуть. Я села и стала на ощупь искать выключатель. Крошечный светящийся циферблат моих дорожных часов неумолимо смотрел на меня с тумбочки. Один час сорок восемь минут. Сердито поглядев на часы, я нажала на выключатель. Ничего не произошло. Тогда я вспомнила, что в отеле своя электрическая станция, которая на ночь отключается. Ах да, в комнате есть свеча… Я протянула руку и тотчас же наткнулась на нее. Чиркнув спичкой, я зажгла свечу.

Бросив еще один сердитый взгляд на часы, я выскользнула из кровати. Меня охватили усталость и уныние, так как я понимала, что перевозбудилась, сильно мечтая о сне, и сон стал невозможным. Хуже того, мне было прекрасно известно, что я нахожусь на грани ослепляющей мигрени, которая так часто изматывала меня последние три-четыре года. Я ощущала ее предвестие: казалось, что перед глазами вибрирует тоненькая электрическая проволочка. Слабая боль грозила перейти в сильную.

Усевшись на край кровати, я сильно потерла лоб, пытаясь укротить боль, пульсирующую в голове. Кружились и толклись видения, которые сговорились не подпускать ко мне сон и болезненно колотили по нервам. Костер в ночи… костер на Блейвене… и джентльмен из гостиницы. Корриган? Родерик? Аластер? Николас?

Меня передернуло от боли, и я поднялась с постели: не стоит и пробовать выходить из этого положения собственными силами, нужно немедленно принять лекарство. Спасительные таблетки лежали в сумке. Я нерешительно стала на ощупь передвигаться по комнате, чьи очертания были искажены гротескными тенями. На туалетном столике сумки не оказалось. Не было ее ни на камине, ни на полу около раковины, ни возле кровати, ни под кроватью, куда я полезла от отчаяния. Сумки вообще не было в комнате.

Я снова села на кровать, пытаясь вспомнить, где я ее оставила. На прогулку с Родериком Грантом я ее не брала. Значит, бросила ее в гостиной. Я вспомнила, что сумка лежала на полу рядом со стулом, а в ней драгоценные таблетки, столь далекие от меня, как если бы я оказалась на плоту посреди Красного моря. Потому что ничто, твердо сказала я себе, морщась от нового приступа боли, ничто не заставит меня выйти из комнаты в эту ночь. Если кто-то и готов совершить классическую глупость и отправиться на ночную прогулку по набитой кровожадными джентльменами гостинице, то это не я.

На этой в высшей степени здравой мысли я залезла в кровать, задула свечу и устроилась поудобнее, приготовившись заснуть.

Через семнадцать минут я села, снова зажгла свечу, вылезла из кровати и схватила халат. За семнадцать минут боли я пришла к еще более здравому решению. Насколько оно было результатом размышления и насколько – отчаяния, теперь можно судить гораздо определеннее, чем тогда. Решение было простым и крайне убедительным. Я пришла к выводу, что Хизер Макри убил Джеймси Фарлейн. А так как Джеймси Фарлейн в гостинице не живет, я могу идти за таблетками в полной безопасности.

В полной безопасности, уверяла я себя, засовывая ноги в шлепанцы и завязывая пояс халата, если только я буду идти очень быстро и очень тихо и начну неистово вопить, как только что-нибудь увижу или услышу.

Даже не задумываясь над тем, сколь логичен мой вывод, я взяла свечу, открыла дверь и двинулась в путь.

В ту же минуту стало ясно, что классическая прогулка по дому, населенному убийцами, мне не грозит: хотя свет в коридоре, разумеется, не горел, слабого света из восточных окон было вполне достаточно, чтобы осветить дорогу и подчеркнуть спокойную и ободряющую

пустоту коридоров, по стенам которых располагались закрытые двери. Я тихо ступала по главному коридору, прикрывая рукой свечу, пока не дошла до лестничной площадки.

Площадка была погружена во тьму, и я на секунду остановилась, невольно бросив взгляд на окно, возле которого я видела Маршу с Николасом. На этот раз там никого не было; продолговатое окно обрамляло бледную ночь. На фоне туманного, почти светлого неба отчетливо вырисовывались очертания отрога Блейвена. Луна скрылась.

И тут я услышала шепот. Должно быть, я неосознанно слышала его все те несколько секунд, которые провела здесь, так как, когда мое сознание внезапно восприняло тот факт, что за дверью справа шепчутся двое, я тут же поняла, что шепот продолжается давно.

Я должна была обрадоваться тому, что кто-то не спит, и, конечно, не должна была волноваться или пугаться, но со мной произошло именно это. Действительно, не было ничего странного в том, что кому-то тоже не спалось, как и мне. Если полковник Каудрей-Симпсон со своей женой или Корриганы проснулись и решили поболтать, им, разумеется, приходится говорить тихо, чтобы не потревожить остальных отдыхающих. Но что-то в этом шепоте вызывало тревогу. Тихий, почти беззвучный шелест, в котором сквозило отчаяние, вызванное то ли гневом, то ли страхом, то ли страстью, внушал и мне тревогу, доносясь через дверь из темноты, и шевелил волоски на руках, словно порыв промозглого ветра пробрался сквозь трещину в двери.

Я двинулась дальше, и под моей ногой скрипнула половица. Шепот прекратился.

Он прекратился так резко, словно двигатель перестал спускать пары. Тишина нависла наподобие дымовой завесы. Через несколько секунд мне стало казаться, что шепот всего лишь приснился, а сама тишина вибрирует миллионами несуществующих звуков. Но чувство отчаяния все так же пронизывало тишину. Мнилось, что безмолвие только затаило дыхание и в любую минуту может издать вопль.

Я быстро пошла прочь и споткнулась о пару туфель, стоявших в коридоре в ожидании утренней чистки. Я ступала по толстому ковру, но даже этот чуть слышный звук в такой тишине произвел эффект, подобный грому. За дверью раздалось приглушенное восклицание, перешедшее в стаккато, шипение, недоуменное бормотание. Более глубокий голос что-то произнес в ответ.

Пара туфель принадлежала женщине. Поспешно схватив туфлю, о которую я споткнулась, я поставила ее на место. Туфли были ручной работы Лафорга, изысканные до нелепости, на каблуках в четыре дюйма. Туфли Марши Малинг.

За дверью наступила тишина. Почти бегом я понеслась вниз по лестнице, не обращая внимания на струящееся пламя свечи и погружаясь во все более темные глубины коридора. Я испытывала злость, стыд и тошноту, будто меня застали за сомнительным занятием. Бог знает, горько размышляла я, проходя через холл и открывая стеклянную дверь гостиной, меня это не касается, но все же… В конце концов, она только сегодня вечером познакомилась с Николасом. И где тогда Фергус? Я уверена, что не ошиблась в отношении тех намеков, которые она бросала насчет Фергуса. И куда делся Хартли Корриган, гадала я, вспомнив выражение его глаз и куда более определенное выражение глаз его жены.

Тут я поплатилась за свою поспешность и беспечность, так как вертящаяся дверь хлопнула за моей спиной и пламя свечи превратилось в длинную струйку дыма с резким запахом. Нахлынувшие тени бросились ко мне из углов сумрачной гостиной. Я споткнулась и остановилась, положив руку на дверную ручку, готовая бежать назад в свою безопасную комнату. Но гостиная благодаря этим теням казалась безобидной и необитаемой; она ясно просматривалась при почти погаснувшем огне в камине. Затравленно оглянувшись на холл за стеклянной дверью, я медленно пошла к тому месту, где должна была находиться сумка.

Марша и Николас… Эти два имени снова всплыли у меня в голове. Самое странное во всем этом то, что Марша Малинг не вызывала неприязни, хотя, по идее, я должна была, как и миссис Корриган, думать иначе, ведь у меня отнимают мужчину. Предположим (я осторожно

обогнула кофейный столик)… предположим, что она не в состоянии удержаться. Для такого типа женщин существует длинное и отвратительное название, но, вспомнив, как она сидела напротив меня в этой комнате, такая живая и прекрасная, я не смогла взрастить в себе чувство ненависти к ней. Она была невозможной, распутной, но веселой и очаровательной и, по-моему, доброй. Возможно, таким своеобразным способом она проявляла ко мне доброту, переключив внимание Николаса на себя, потому что поняла, что я избегаю его… но, вероятно, я чересчур уж доверяю бескорыстному энтузиазму мисс Малинг.

Криво усмехнувшись, я наклонилась и стала на ощупь искать драгоценную сумку. Пальцы мои наткнулись на пустоту. В растерянности я стала шарить по полу, от отчаяния описывая руками все более и более широкие круги… и тут я заметила слабое поблескивание металлического замка моей сумки, но не на полу, а на уровне глаз. Кто-то поднял ее и поставил на книжный шкаф. Схватив сумку, я выдернула вместе с ней несколько журналов и книг и понеслась обратно с такой скоростью, что полы халата развевались вокруг меня.

Я как раз толкала плечом стеклянную дверь, когда услышала, что входная дверь на веранду тихо раскрылась. Я застыла, прижав к внезапно застучавшему сердцу сумку, книги и погасшую свечу.

Кто-то крадучись вышел на веранду. Я услышала скрип его ботинок и шорох, когда человек пробирался сквозь висящие в беспорядке туристские и рыболовные снасти. Я ждала. Родерик Грант говорил, что отель открыт всю ночь. Это наверняка – не стоит и сомневаться – всего лишь рыбак, берущий свои снасти. И все.

Тем не менее я не собиралась выходить в холл и подниматься по лестнице у него на виду, кем бы он ни был. Поэтому я ждала, стараясь успокоиться, только отпрянула от стеклянной двери, вспомнив, что я в белом халате.

Затем входная дверь снова раскрылась и закрылась так же тихо, как и прежде, и в безмолвной ночи я отчетливо услышала, как дважды проскрипели по гравию его ботинки. Секунду поколебавшись, я толкнула плечом стеклянную дверь и, пулей пролетев через холл, выскочила на веранду и выглянула из окна.

По долине стелился туман, сквозь который проступали лишь неясные очертания, но его я увидела. Перейдя с гравийной дорожки на траву, человек быстро шел, пригнув голову, вдоль дороги, ведущей к Стратэйрду. Он был тонким, высоким и слегка раскачивался при ходьбе. Один раз он остановился и оглянулся, но лицо его плохо было видно. Потом он растворился во мраке.

Отойдя от окна, я оглядела веранду. Глаза уже привыкли к темноте. На веранде стоял стол с весами и белыми эмалированными подносами для рыбы; на плетеных стульях лежали рюкзаки, горные ботинки и рыболовные сети; с крючков свешивались светлые круги веревок; плащи и макинтоши, шарфы и кепки, палки для ходьбы…

Позади беззвучно распахнулась дверь, и из ночи тихо вышел человек.

Все-таки я не закричала. Очевидно, не смогла. Я просто уронила все, что держала в руках, с грохотом, от которого, казалось, содрогнулся весь отель. Онемев, я застыла, словно парализованная, и раскрыла рот.

За человеком с шумом захлопнулась дверь. Он изумленно выругался, затем раздался щелчок, подобный выстрелу, и меня ослепил луч света.

Человек сказал:

– Джанет! – Потом расхохотался. – О господи, как ты меня напугала! Что тебя занесло сюда в этот час?

От света я замигала.

– Аластер?

– Он самый. – Сняв с плеча сумку, он стал стаскивать с себя непромокаемый плащ. – Что ты уронила? Прямо атомная бомба взорвалась.

– В основном книги, – ответила я. – Не могла заснуть.

– А… – Он снова рассмеялся и повесил плащ на стул. – Ты совсем как привидение в этом белом одеянии. Я вел себя не как мужчина, но на то была причина. Я чуть было не закричал.

– Я тоже. – Наклонившись, я стала собирать свои вещи. – Лучше пойду спать.

Он поставил ногу на стул.

– Если ты задержишься еще на полминутки, Джанет, и посветишь мне, я смогу развязать эти проклятые шнурки. Они мокрые.

Я взяла у него фонарик.

– Дождь идет?

– Время от времени.

– Ты, по-видимому, ходил на рыбалку?

– Да. Вверх по Страту.

– Удачно?

– Сносно. Я поймал две-три отличные рыбины, а Харту досталась красотка в полтора фунта.

– Харту? А… Хартли Корригану.

– Гм. Не дергай фонарем, девочка.

– Прости. А мистер Корриган еще не вернулся?

– Да нет, вернулся. Он ушел два часа назад. А у меня как раз начался клев, поэтому я остался. Я, конечно, занимался противозаконными действиями, но ты же меня не выдашь?

– Почему противозаконными?

– Сегодня же воскресенье, дорогая. Ты что, забыла? Я должен был, как и Харт, остановиться в полночь.

Сняв второй ботинок, он выпрямился.

– А на подносе нет его улова, – заметила я.

– Что? – Аластер проследил за лучом фонарика, упирающимся в поднос. – И правда, нет… Странно.

– Аластер.

Он резко повернул голову, среагировав на интонацию в моем голосе.

– Что?

Я ответила прямо:

– Пять минут назад кто-то приходил на веранду, повозился немножко и снова ушел.

– Что? А… – Он засмеялся. – Не волнуйся! Это, должно быть, Джеймси.

– Джеймси?

– Джеймси Фарлейн; он был с нами. Он ходит быстрее меня, и он спешил. Он живет по дороге к Стратэйрду.

– Понятно, – сказала я и с трудом сглотнула.

– Ты что, подумала, это вор? Нет, Джанет, всех этих городских ужасов здесь не происходит. На островах никто не закрывает двери. Здесь не воруют.

– Не воруют. – Положив фонарик на стол, я собралась уходить. – Только убивают.

Аластер издал глубокий вздох.

– Кто тебе сказал?

– Родерик Грант.

– Понятно. И ты испугалась?

– Естественно.

Он проговорил в ответ:

– Я бы не стал. Что бы там ни произошло, тебя это не касается.

– Я испугалась не за себя.

– Тогда за кого? – устало спросил Аластер.

Я резко ответила:

– За Хизер Макри, конечно. За девушку… за ее родителей. Что она такого сделала, что этот грязный мерзавец ее схватил? В чем дело? Это убийство не просто странное, Аластер. Я не могу тебе объяснить, но у меня оно вызывает… особое чувство отвращения.

Он ответил нелогично:

– Убийства никогда не бывают приятными.

– Но они бывают обыкновенными, – объяснила я, – а это не просто обычное убийство. Ее не ударили, не зарезали, не задушили в порыве ярости. Ее убили специально, а потом разукрасили. Это хладнокровное, расчетливое и… и порочное убийство. Да, порочное. И именно здесь, где, по твоему разумению, столь извращенных преступлений и существовать не может. Я не перестаю думать об этом, Аластер.

Он проговорил, чуть запинаясь:

– Полиция продолжает вести расследование и не собирается его прекращать.

Я спросила:

– Как ты думаешь, кто это сделал?

– Джанет…

– Ты наверняка размышлял об этом. Кто? Джеймси Фарлейн?

– Я… Послушай, Джанет, я бы не стал распространяться об этом…

– Ты хочешь сказать, на тот случай, если это кто-то из отеля?

Аластер смутился:

– Ну…

– Ты считаешь, это кто-то из отеля?

– Не знаю. Я не знаю. Если ты боишься, дорогая, переезжай в другое место. В Брадфорд, или Портри, или…

– Я остаюсь здесь, – ответила я. – Я хочу находиться здесь, когда этого дьявола выследят, кем бы он ни оказался. Кем бы он ни оказался.

Он молчал.

Я сказала:

– Спокойной ночи, Аластер, – и пошла наверх, к себе.

Таблетки я так и не приняла. По-видимому, ночная прогулка среди убийц послужила чем-то вроде шоковой терапии, в которой нуждалась моя головная боль, потому что, когда я добралась до своей комнаты, мигрень прошла.

Забравшись в кровать, я изучила свои трофеи. Обнаружилось, что у меня два экземпляра журнала «Автомобиль», «Ламмермурская невеста» Вальтера Скотта и сокращенный вариант «Золотой ветви» Фрэзера.

«Ламмермурская невеста» усыпила меня через десять минут.

Глава 7
Сгурр-на-Стри

Утром действительно пошел дождь, непрерывный жидкий дождичек. Овцы, пасущиеся в долине возле отеля, выглядели мокрыми и несчастными, а дальше все терялось в тумане. Даже Сгурр-на-Стри за рекой был затянут серой пеленой.

К завтраку я немножко опоздала. Когда я спустилась, обитатели гостиницы проводили время спокойно, правда благодаря воскресному дню, а не из-за плохой погоды. Аластер Брейн и Корриганы читали в гостиной газеты, а миссис Каудрей-Симпсон и пожилая леди вязали. Тем не менее признаки того, что в Нагорье даже мокрое воскресенье не в состоянии ослабить энтузиазм, были налицо: полковник Каудрей-Симпсон близ дверной решетки кабинета директора вел скучную дискуссию о наживке с мистером Персимоном и крупным местным жителем, одетым в костюм респектабельного черного цвета; Мэрион Брэдфорд и Роберта сидели на веранде, разглядывая мокрый горизонт; Родерик Грант был поглощен починкой рыболовного сачка.

Он поднял голову, увидел меня и улыбнулся:

– Привет. Правда, плохо, что сегодня воскресенье? Ведь вам бы понравилось рыбачить под дождем?

– Нет, спасибо, – с сомнением ответила я. – Наверное, именно такую погоду ваши рыбаки-маньяки считают идеальной?

– Восхитительной. – Он многозначительно подмигнул, намекая на мрачную перспективу. – Хотя непрофессионалу такой денек покажется унылым. Но проясниться может в любой момент. И мисс Саймс удастся совершить свое восхождение.

– Вы действительно так считаете? – с готовностью откликнулась Роберта.

– Шанс есть. Но… – он бросил осторожный взгляд на Мэрион Брэдфорд, упорно не обращавшую на нас внимания, – будьте осторожны, если все-таки пойдете, и не забирайтесь высоко. Туман может опуститься так же внезапно, как и растаять.

Он говорил тихо, но Мэрион Брэдфорд его услышала. Она бросила на него уничтожающий взгляд и спросила своим напряженным вызывающим голосом, из-за которого все сказанное ею казалось грубостью:

– Снова хорошие советы?

Роберта быстро произнесла:

– Мистер Грант просто волнуется за нас, Мэрион. Ему же известно, что в горах я ничего не смыслю.

Мэрион Брэдфорд явно хотела сказать в ответ что-нибудь язвительное, но лишь поджала губы и уставилась в окно. Родерик улыбнулся Роберте и вновь занялся сачком. А на веранде появился Роналд Бигл с рюкзаком на спине.

– Ну и ну, – удивилась Роберта, – мистер Бигл собирается в поход. Вы и впрямь пойдете на Сгурр-нан-Гиллеан в такую погоду, мистер Бигл?

– Думаю, что дождь скоро кончится, – объяснил Бигл. – Я все равно туда пойду, и если примерно через час прояснится, а я считаю, что так оно и будет, то я уже буду готов к восхождению.

Рассеянно помахав нам, он вышел в дождь.

– Ну вот, – обратилась я к Роберте, – оба оракула высказали свое мнение, так что, надеюсь, вам удастся совершить восхождение.

– А вы тоже пойдете гулять?

– Дорогая, я еще даже не завтракала! И если не потороплюсь, то мне ничего не достанется!

Но в холле на полпути к столовой меня остановил голос майора Персимона, призывающий меня из-за решетки кабинета. Я подошла. Высокий кряжистый крестьянин еще не ушел, он осторожно перебирал объедки на подносе.

Билл Персимон перегнулся через стойку:

– Я так понял, мисс Брук, что вам нужна удочка, чтобы порыбачить?

– Да, но не сейчас. Я хочу подождать денек-другой, осмотреться.

– Как хотите, конечно, только… – Он бросил взгляд на другого человека. – Если вы и впрямь захотите, чтобы вам показали, как рыбачить, вам лучше договориться с Дугалом Макри заранее. Я уверен, что он с радостью поможет вам.

Большой человек посмотрел на меня. У него было квадратное загорелое лицо, изборожденное глубокими морщинами, и маленькие голубые глазки, которые в обычных условиях, наверное, всегда излучали веселье. Но сейчас они ничего не выражали.

Он произнес мелодичным голосом островитянина, удивительным для такого крупного человека:

– Я буду рад показать леди, как ловить рыбу.

– Вы очень добры, – ответила я. – Может быть… скажем, в среду?

– Среда – свободный день, – кивнул Дугал Макри своей большой головой. – Да, совсем свободный.

– Большое спасибо, – поблагодарила я.

– Как мне записать, куда вы пойдете? – спросил майор Персимон.

Дугал Макри сказал:

– На Камасунари, верхней тропой. Если мы ничего там не поймаем, то день будет совсем плохой.

Он выпрямился и взял со стойки хорошо вычищенную шляпу-котелок внушительного размера.

– Мне пора, а то опоздаю в церковь. До свидания, миссис. До свидания, мистер Персимон.

И он вышел в серое утро. Я смотрела ему вслед. Обычный разговор, но я впервые познакомилась с прекрасной до простоты вежливостью горца; естественным, но почти по-королевски церемонным поведением фермера, прожившего всю свою жизнь на островах. Этот спокойный человек произвел на меня огромное впечатление. Дугал Макри. Отец Хизер Макри…

Кивнув майору Персимону, я отправилась к своему позднему завтраку.

Я страшилась (что довольно глупо, по-моему) встречи с Маршей, поэтому была рада, что ее нет в столовой. Не успела я допить первую чашку кофе, как мимо окна проплыла огромная машина кремового цвета и плавно подъехала к двери веранды. Марша, восхитительная и очень городская в ярко-синем одеянии, поспешно вышла из отеля в сопровождении красивого юнца, заботливо кутавшего ее в плед. Окруженный аурой богатства и беспечности, автомобиль отъехал от гостиницы.

Я продолжала пить кофе, мечтая о газете, потому что таким образом я могла бы сделать вид, что не замечаю Николаса, который был, если не считать Хьюберта Хэя, единственным, кто сидел в столовой.

Но именно Хэй встал и подошел ко мне.

Он шагал странной подпрыгивающей походкой, которая напомнила мне резиновые мячики Марши и самодовольную малиновку. Последняя ассоциация возникла из-за круглых объемов алого свитера, который оживляли веселенькие зеленые твидовые штаны. Лицо у него тоже было круглым, с маленьким самонадеянным ртом и бледно-голубыми глазами, от которых расходилось лучами множество морщинок. На маленькой руке красовалось огромное золотое кольцо с черным камнем.

Он улыбнулся мне, блеснув полным золота ртом.

– Мисс… э… Брук? Меня зовут Хэй.

– Здравствуйте, – вежливо пробормотала я.

– Надеюсь, вы не против того, что я подошел к вам, мисс Брук, но дело в том… – он запнулся и застенчиво посмотрел на меня, – дело в том, я хочу попросить вас об одолжении.

– Ну конечно, – ответила я, гадая, что последует дальше.

– Понимаете, – продолжал он с тем же застенчивым выражением лица, которое так комично сочеталось с его круглым обликом, – понимаете, я свободный человек.

– Что-что? – удивилась я.

– Свободный человек.

– Да, я так и услышала. Но…

– Это мой nom de plume[7], – пояснил он. – Я писатель. – Алый свитер ощутимо раздулся. – Свободный человек.

– А, понимаю! Писатель… но вы, оказывается, очень умный человек, мистер Хэй. Э… вы пишете романы?

– Книги о путешествиях, мисс Брук, книги о путешествиях. Вы узнаете от меня о красотах мира, сидя у камелька, – так пишут на обложках. «Вам, сидящим в кресле, я рассказываю о достопримечательностях Англии». И, – добавил весело он, – Шотландии. Вот почему я здесь.

– Понятно. Собираете материал?

– Предпринимаю прогулки, – откровенно пояснил Хьюберт Хэй. – Я хожу на прогулки и рассказываю о них, прилагая карты. Потом я обозначаю их буквами А, В или С, в зависимости от сложности, и помечаю их одной, двумя или тремя звездами, в зависимости от красоты.

– Очень… очень оригинально, – запинаясь, прокомментировала я, сознавая, что Николас все слышит. – Очевидно, это занимает много времени.

– Это очень легко, – честно признался Хьюберт Хэй. – Конечно, если вы умеете писать так, как я. У меня есть сноровка. И платят хорошо.

– Я поищу ваши книги, – пообещала я, и он склонился надо мной.

– Я пришлю вам одну, обязательно. Последняя называется «Прогулки по Сомерсету». Вам понравится. Вообще-то, это не совсем книги, это брошюры. Лучшая, по-моему, «Как я бродил по Уэльсу». Ее я вам тоже пришлю.

– Очень вам признательна.

Я заметила, что он держит старые номера «Тэтлера» и «Сельской жизни». Положив журналы на стол, он постучал по ним пальцем и сообщил:

– Я видел здесь ваши фотографии. Ведь это вы?

– Да.

Он нашел фотографию в «Сельской жизни». Это и в самом деле была я, в твидовом костюме, с парой очаровательных ирландских сеттеров – гвоздем фотографии Дэвида Гальена. Хьюберт Хэй снова смутился.

– Я делаю фотографии для своих книг, – нерешительно сообщил он.

Чувствуя себя беспомощной, я ожидала продолжения. Краем глаза я увидела, что Николас встал и неторопливо ищет в карманах сигареты. Хьюберт Хэй поспешно проговорил:

– Когда эти ребята, геологи, фотографируют скалу, они кладут рядом молоток для сравнения масштабов. И я подумал, что было бы здорово, фотографируя горы Куллин, поставить рядом леди, чтобы было видно, какие эти горы большие и высокие.

Николас улыбался. Я скорее почувствовала это, чем увидела. Хьюберт Хэй взглянул на меня поверх рекламы Дэвида Гальена с чудесной композицией и задумчиво добавил:

– А вы хорошо получаетесь на фотографиях.

Николас небрежно вмешался:

– Вы бы лучше выяснили, сколько она стоит. Не сомневаюсь, что очень дорого.

---

[7] Литературный псевдоним *(фр.)*.

Хьюберт Хэй перевел взгляд на него, потом с озадаченным видом посмотрел на меня:

– Я… не должен был?..

Он был так смущен, так непривычно робок, что, забыв о собственном чувстве неловкости и о том, что Хьюго Монтефиора может хватить удар, я бросила на Николаса яростный взгляд.

– Мистер Друри шутит, – быстро ответила я. – Ну конечно, вы можете сфотографировать меня когда пожелаете, мистер Хэй. Мне будет приятно оказаться в вашей книге. Когда приступим?

Он радостно вспыхнул, и его алый свитер вновь раздулся до свойственных ему круглых размеров малиновки.

– Вы очень любезны, ну просто очень любезны. Это большая честь для меня. Если прояснится, то, может быть, сегодня на Сгурр-на-Стри на фоне Куллина?

– Отлично, – согласилась я.

– У Билла Персимона есть спаниель, – невинно заметил Николас.

– Правда? – Ремарку Николаса Хьюберт Хэй с восторгом принял за чистую монету. – А это отличная идея. Пойду попрошу его одолжить мне собаку.

И радостной рысью он выбежал из столовой.

Николас же продолжал стоять, глядя на меня с выражением сардонического веселья, которое я так ненавидела.

– И что скажет Хьюго, когда увидит тебя в роли звезды в «Побродим по Скаю», или как там будет называться его шедевр?

– Он не увидит, – резко ответила я, вставая из-за стола. – Единственное путешествие, которое привлекает Хьюго, это полет на «Эйр Франс» в Париж и обратно.

Я двинулась вслед за Хьюбертом Хэем, но Николас преградил мне путь:

– Мне надо с тобой поговорить, Джанетта.

Я возразила ему очень холодно:

– Нам не о чем говорить с тобой.

– И все же я хочу поговорить.

– О чем?

– О нас.

Я подняла брови:

– Никаких «нас» не существует, Николас. Ты что, забыл? Нас больше ничто не связывает. Есть отдельно ты и отдельно я, и ничто не связывает нас. Даже фамилия.

Он сжал губы:

– Мне это прекрасно известно.

Прежде чем я успела осознать, что говорю, я спросила:

– Прошлой ночью ты был с Маршей Малинг?

Глаза его блеснули, а затем снова стали непроницаемыми.

– Да, – прозвучало в ответ.

Я вышла из комнаты.

Оракулы оказались правы. К одиннадцати часам дождь перестал, и тучи стали рассеиваться с неожиданной быстротой. Через полчаса Мэрион Брэдфорд и Роберта отправились в путь вверх по долине. Вскоре вслед за ними по тропинке, ведущей к Стратэйрду, ушел и Николас.

Около полудня пробилось солнце, и моментально небо стало чистым и голубым, а на горных вершинах подобно снегу стал таять туман. Осока и вереск переливались, словно драгоценные камни, а легкая паутинка повисла между веточек вереска под грузом бриллиантов – выкупом Титании.

После ланча вышли и мы с Хьюбертом Хэем и спаниелем Билла Персимона. Через небольшой березняк мы стали спускаться к каменистой переправе через Камасунари. Старые, покрытые лишайником березы легко качались на ветру и, словно ладаном, окуривали чистый воздух дождевыми каплями. Мы шагали по мокрым листьям черники, мху и грибам чаги, упавшим с деревьев, пытаясь укрыться от солнечных лучей, пробивающихся сквозь ветки.

Перейдя по камням реку, мы после часа крутого, но нетрудного подъема добрались до гребня Сгурр-на-Стри. Хьюберт Хэй, несмотря на свою округлость, оказался хорошим ходоком и на удивление занимательным собеседником. Выяснилось, что его осведомленность и любовь к природе совсем не поверхностные, как я полагала после нашего предыдущего разговора; он со знанием дела рассказывал о птицах, оленях и гималайских лисицах и прекрасно разбирался в растениях. Несмотря на то что, выбирая «вид» и устанавливая фотоаппарат, он беспрерывно болтал, произнося одни шаблонные фразы, я почувствовала, что его любовь к тому, что он называл «огромным миром на свежем воздухе», глубока и неподдельна. Его сходство с петушком малиновки с каждой минутой становилось все более удивительным, однако то качество его характера, которое Марша называла «сорбо», объяснялось его неиссякаемым весельем, интересом в совокупности с восхищением ко всему окружающему, но никак не самодовольством. На самом деле он оказался очень привлекательным человечком.

Мы сделали три фотографии. С вершины Сгурр-на-Стри была видна цепь гор Черного Куллина, грозной дугой тянувшаяся с юга на север от Гарсвена к Сгурр-нан-Гиллеану, у подножия которого лежала чаша озера Лох-Коруиск, черного, как чернильница. Я позировала со спаниелем, аристократическим, но безмозглым животным на фоне гор, неба и озера по очереди, а Хьюберт Хэй возился с фотоаппаратом и метался от одного места к другому с криками вежливого восторга.

Когда он закончил свою работу, мы уселись на камень и закурили. Казалось, он хочет что-то мне сообщить, потому что курил как-то судорожно.

Наконец он заговорил:

– Мисс Брук, вы не… не возражаете, если я вам кое-что скажу?

– Разумеется нет. Что?

– Вы ведь здесь одна отдыхаете?

– Да.

Он серьезно посмотрел на меня, лицо у него было обеспокоенным.

– Не ходите никуда ни с кем, мисс Брук. Со мной вы, естественно, в безопасности, но ведь вы этого не знали. – Его нелепый голосок наводил ужас своим пылом. – Но больше ни с кем никуда не ходите. Это небезопасно.

Я мгновение молчала, осознав, что совершенно забыла об опасности, бродящей по этим горам.

– Вы не против того, что я сказал? – заволновался Хьюберт Хэй.

– Конечно нет. Вы совершенно правы. Обещаю, что впредь буду осторожна.

Была в этом какая-то ирония: он предупредил меня о том же, что и Родерик Грант. Значит ли это, что теперь я могу исключить двух подозреваемых из «джентльменов из гостиницы», или же они оба меня ловко обманывают? Если я так и буду продолжать прогуливаться с «джентльменами», я наверняка вскоре это выясню. Поежившись, я потрепала собаку за уши.

– Вы не считаете, что думать об этом не очень-то приятно?

Лицо Хэя приобрело багровый оттенок.

– Чертовски неприятно! Я… я должен извиниться. Но это единственное слово, которое в подобном случае приходит на ум, мисс Брук, – он сделал странный, почти яростный жест, – эта девушка, Хизер Макри… ей было всего восемнадцать лет!

Я промолчала.

– Был как раз ее день рождения. – Его забавный высокий голосок зазвучал чуть ли не свирепо. – Ей исполнилось восемнадцать… – Затянувшись сигаретой, он заговорил более спокойно: – Я немного переживаю из-за нее. Понимаете, я был с нею знаком.

– Знаком? Хорошо?

– О боже, нет. Лишь поверхностно, как говорят. Я пару раз заходил на ферму, и она угощала меня чаем. Она была хорошенькой, веселой, чуточку развязной и полной жизни. В ней ничего не было дурного. Ничего, чтобы напроситься… на то, что она получила.

– А вам она не намекала, с кем гуляет?

Это был, конечно, глупый вопрос, ведь полиция тщательно всех допросила, но Хэй ответил спокойно:

– Нет, не намекала.

Но в его голосе прозвучала какая-то неуловимая интонация, поэтому я посмотрела на него:

– Вы что-то знаете?

– Совсем немножко, – осторожно ответил он. – Я, разумеется, сказал ей, что пишу книгу, и она заинтересовалась. Людям всегда интересно… Она сказала, что много людей приходят на ферму и задают вопросы о местных обычаях, суевериях и тому подобном. Я спросил ее, знает ли она какие-нибудь специфические суеверия – так, ради шутки. А она ответила, нет, что вы, она же современная девушка. Тогда я полюбопытствовал, не знает ли она какие-нибудь магические обряды, которые до сих пор совершают на островах, и она, – он взглянул на меня своими светлыми глазами, – захлопнулась, словно устрица, и почти что вытолкнула меня из кухни.

– Магия? – вопросила я. – Но это же абсурд!

Он кивнул:

– Я знаю. Но понимаете, я никак не могу перестать думать об этом убийстве. Оно было явно запланировано. Убийца, должно быть, специально приносил туда топливо для костра, ветку за веткой. Там были сильно обгоревшие вереск, торф, березовые ветки, огромное дубовое полено и куча сухих пластинчатых грибов – тех, что растут на березах.

Я вскрикнула, но он не услышал.

– Потом, когда все было готово, он привел туда девушку… Вы только представьте себе на минуту… простите, что снова говорю об этом. Костер, туфли и одежда – все сложено аккуратной кучкой, все чистое, а девушка лежит с перерезанным горлом, со сложенными на груди руками и с лицом, посыпанным пеплом… Видите ли, это напоминает… жертвоприношение!

Последнее слово он выкрикнул. Я вскочила, не отрывая от него глаз, мурашки бежали у меня по спине.

– Но это же сумасшествие!

Он поднял на меня обеспокоенный взгляд:

– Правда? Вы согласны? Кто бы это ни совершил, он, должно быть, просто сумасшедший. А выглядит он и ведет себя совершенно обычно, как вы или я… но иногда… – Он встал, печально глядя на меня. – Так что на вашем месте я бы не ходил ни с кем на прогулки.

– Я не буду, – лихорадочно ответила я. – Надо признаться, что у меня появилась мысль, не возвратиться ли в Лондон.

– Что ж, это неплохая идея.

Он поднял фотоаппарат и стал вслед за мной спускаться с холма.

Глава 8
Камасунари (3)

Я все еще размышляла, не уехать ли мне, когда произошло нечто, заставившее меня остаться.

После обеда, когда все сидели в гостиной, внезапно возникло ощущение тревоги, которое постепенно становилось все сильнее и сильнее.

Аластер Брейн, несший поднос с кофе, вдруг остановился и произнес с легкой ноткой удивления:

– А что, наши скалолазы еще не вернулись?

– Их не было за обедом, – сообщила Альма Корриган.

Полковник Каудрей-Симпсон добавил:

– О господи, их действительно не было. Надеюсь, ничего страшного не произошло.

– Эта женщина – полоумная! – заявила миссис Каудрей-Симпсон. – Ей не следовало лезть в горы в такой день.

Аластер неуверенно сказал:

– Я бы не стал волноваться. Наверное, они поднялись выше, чем предполагали, да и, в конце концов, еще светло.

Николас поднял глаза от письма, которое писал.

– Когда они выходили, погода улучшалась и на Блейвене тумана не было. С ними все в порядке.

– Если только, – вступила Марша Малинг, – если только эта кошмарная женщина не совершила какой-нибудь глупости исключительно для того, чтобы всех поразить! Бедная деточка Роберта…

Родерик Грант спокойно произнес:

– Мисс Брэдфорд – очень опытная альпинистка. Она не станет рисковать с новичком. И Друри совершенно верно охарактеризовал погоду. Да и Роналд Бигл пошел на Сгурр-нан-Гиллеан, а он не стал бы этого делать, если бы было опасно.

– Его тоже еще нет, – заметил Хьюберт Хэй.

На мгновение наступила тишина. Все начали беспокоиться.

– Действительно нет, – глупо подтвердила Альма Корриган. – Ну, я думаю…

– А где ваш муж? – спросила миссис Каудрей-Симпсон.

Хотя вопрос прозвучал неожиданно, было непонятно, почему он заставил Альму покраснеть.

– Он… он пошел погулять.

Она была так очевидно смущена, что смутились и все остальные.

Аластер быстро объяснил:

– После ланча мы поднялись вверх по гребню, чтобы полюбоваться озером Лох-Слапин. Мы с миссис Корриган вернулись, а Харт пошел дальше.

– А, так вы туда ходили? Значит, вы видели женщин на Блейвене? – спросил полковник Каудрей-Симпсон.

– Их мы не видели. Кого-то мы видели вдалеке, кажется Друри, но больше ни души.

– Я не ходил на Блейвен, – заявил Николас, – поэтому я их тоже не видел.

Поставив чашку, Родерик Грант поднялся:

– Сейчас всего лишь половина девятого, и, хотя я лично считаю, что причин для беспокойства нет, они все-таки должны были уже вернуться. Пойду поговорю с Биллом. Может, они предупредили его, что вернутся поздно.

Он вышел в холл, перегнулся через стойку и стал разговаривать с майором Персимоном.

– Разумный человек, – заключил полковник Каудрей-Симпсон. – Нет никаких причин поднимать шум.

Но Маршу было не так-то легко заставить замолчать.

– Это же ужас. Как вы думаете, что с ними могло случиться?

– Много чего может случиться на Куллине, – резко заявила Альма Корриган, – к тому же много чего уже произошло, причем не так давно.

– Вы имеете в виду это происшествие? – спросил Аластер. – Вряд ли есть какая-нибудь связь…

– Я не имею в виду убийство, – грубо ответила Альма.

Марша тихонько ахнула.

– Я имею в виду несчастные случаи, – продолжила Альма. Она оглядела всех серьезным и чуточку испуганным взглядом. – Вы отдаете себе отчет в том, сколько людей погубил Куллин только в этом году?

То, что она говорила о горе́ как о неком одушевленном существе, придало этой фразе зловещий оттенок, и Марша оглянулась в ту сторону, где среди сгущающихся вечерних туч высились огромные горы.

– Вы хотите сказать, что их много?

В ее голосе звучал благоговейный страх.

– Четыре, – ответила Альма Корриган и добавила каким-то отстраненным голосом: – Пока…

Я ощутила, как волосы зашевелились у меня на голове, и была благодарна полковнику за его немедленное вмешательство.

– Что ж, – произнес он разумным тоном, – если люди идут в горы, не имея ни малейшего представления, как их покорять, они крайне рискуют. Причем почти всегда несчастье происходит с ними из-за их собственного невежества или беспечности, а я уверен, что и Бигл, и мисс Брэдфорд этим не страдают. Мы поднимаем ненужный шум, и, по-моему, лучше прекратить говорить на эту тему и пугать самих себя.

Он спросил у Аластера что-то насчет рыбалки, и через несколько минут напряжение спало и все заговорили ни о чем.

Я спросила Маршу Малинг:

– Куда вы сегодня ездили?

– В Портри, дорогая, – ее лицо приняло знакомое очаровательное выражение, – по этим кошмарным дорогам, и бедный дорогой Фергус все время ворчал, как мартовский кот, потому что только что вымыл машину.

– Мне казалось, что из Брадфорда идет превосходная дорога.

– Да. Но она все время извивалась, да еще эти кошмарные крутые повороты, да скалы, да все эти…

– Но, Марша, зато виды…

Виды были зачеркнуты взмахом сигареты.

– Они, конечно, божественны, – быстро согласилась она, – только шел дождь. А уж Портри в воскресенье просто предел. Но в пятницу я купила там прелестный твидовый костюм. Вечером покажу. Он дымчато-багрового цвета и чрезвычайно величествен.

Тут в гостиную вернулся Родерик, и все замолчали и уставились на него.

– Билл Персимон говорит, что причин для волнений нет, – заверил он всех.

Но, направляясь в мою сторону, он посмотрел на небо снаружи, и мне показалось, что в его взгляде мелькнула нерешительность.

Кто-то включил радио, и в беседу вкрался мрачный прогноз погоды. Полковник Каудрей-Симпсон придвинулся поближе к приемнику.

– Ждет новостей об Эвересте, – объяснил мне Родерик, усмехаясь. – Это да еще ощутимое отсутствие рыбы в реках волнует полковника больше всего.

– Он очень милый, – сказала я. – Не хотелось бы его разочаровывать, но, знаете, по поводу Эвереста у меня свое мнение… Мне будет жалко, если его завоюют.

– Жалко? – с любопытством взглянул он на меня. – Почему?

Я засмеялась:

– Ну, не то чтобы жалко. Просто я всегда считала, что он – последнее не оскверненное место, которое еще не загадил своей самонадеянной поступью человек. Эверест всегда казался мне далеким, белым и недосягаемым. Безупречным – вот верное слово. И порой я думаю, что будет жаль увидеть следы человека на его снегах.

– Я и не знал, что ты такой поэт, Джанетта, – раздался надо мной лениво-насмешливый голос Николаса, подошедшего к окну как раз за моим стулом.

Я почувствовала, что краснею, а Родерик удивился:

– А почему вы должны были это знать? Разве вы знакомы с мисс Брук? Я об этом не знал.

Его голос звучал резко. Николас пристально поглядел на него.

– А почему вы должны были это знать? – передразнил он Родерика неприятным тоном и снова повернулся к окну. – Послушайте, если я не ошибаюсь, это наконец-то наш друг Бигл.

– Один? – спросила миссис Каудрей-Симпсон.

– Да. Странно…

– Что странно? – поинтересовался Аластер, присоединяясь к нему.

– Он возвращается долиной от озера Лох-на-Крейтеах. А я думал, что он пошел на Сгурр-нан-Гиллеан, – задумчиво объяснил Николас. – Не легче ли ему было спуститься по западной стороне долины и перейти через реку по камням?

– Какая разница? – возразил Аластер. – Это, конечно, кратчайший путь, но дорога ужасная, а вдоль подножия Блейвена со стороны Крейтеах тянется тропа.

Родерик сказал:

– Если он шел долиной, он мог видеть женщин. Еще достаточно светло, и на южном гребне вполне можно разглядеть людей.

Но Бигл отрицал, что видел кого-либо. И обеспокоенное выражение, которое появилось на его лице, когда он услышал, что обе девушки до сих пор не вернулись, немедленно вызвало в нас те опасения, которые мы пытались изгладить из своей памяти. Он отправился переодеться и поужинать, а мы продолжали сидеть, разговаривая урывками, стараясь в последующие полчаса не выглядывать часто в окно, а тревога все росла и росла.

В половине десятого стало совсем темно. На небе собралась гряда огромных темно-синих дождевых туч, и солнечные лучи, еще задержавшиеся на западе, никак не могли пробиться сквозь них. Под плывущей в самой вышине тучей летели клочья мокрой дымки. Порывистый ветер царапал пальцами окно, судорожно швыряя в стекло дождь горстями. Теперь никто не сомневался в том, что с женщинами что-то произошло. И все почувствовали почти облегчение, когда ровно в половине десятого в гостиную вошел Билл Персимон и без предисловий объявил:

– Я считаю, нам следует идти на поиски. Только что вернулись мистер Корриган с Дугалом, и они говорят, что в долине женщин нет.

Все мужчины вскочили на ноги.

– Вы уверены в том, что они отправились на Блейвен?

Персимон ответил:

– Разумеется. Они…

– Они могли передумать, – вмешался Николас.

Билл Персимон посмотрел на него, как мне показалось, странным взглядом. Он медленно проговорил:

– Они точно отправились на Блейвен. Их там видели.

– Видели? – воскликнул Родерик. – Когда? Где?

– На Спутан-Дху, – сухо ответил Персимон.

Роналд Бигл дернулся вперед:

– На… о боже, но ведь это место не для начинающего! Черная Труба! Чертовски трудная гора для восхождения! Вы уверены, Персимон?

Мы все уставились на Билла Персимона. Воображаемый страх стал медленно превращаться в ужасную реальность.

– Кто их видел? – торопливо спросил Николас.

Билл снова посмотрел на него:

– Дугал Макри. Он видел, как они брели по лощине примерно в четыре часа. Все трое.

У меня внезапно пересохло в горле. И я услышала, как спрашиваю необычным голосом:

– Все трое?

Он кивнул и обвел взглядом окружающих, на чьих лицах появилось выражение страха иного рода.

– Дугал говорит, их было трое, – уточнил он. – А… все остальные вернулись. Правда, странно?

– Очевидно, у них был проводник, – предположил Николас.

– Они ушли одни, – возразил Родерик.

Билл Персимон подошел к вертящейся двери и стал открывать ее плечом.

– Обсудим этот вопрос после того, как найдем их и приведем домой, – решил он. – Женщинам советую оставаться в доме. Мужчины, вы будете готовы через пять минут? Тогда зайдите на кухню, моя жена приготовит вам бутерброды и кофе.

Я встала:

– Можно предложить ей помощь?

– Это будет замечательно, мэм. Думаю, она обрадуется, если ей помогут.

И он вышел. Остальные мужчины последовали за ним.

Когда они исчезли в ветреной мгле, я медленно вернулась в гостиную. У меня в голове беспрестанно вертелась мысль о том, что поведал нам Дугал Макри. Три альпиниста? Три?

Разумеется, здесь не было никакой видимой связи, но неожиданно я обнаружила, что гадаю, как выглядит Джеймси Фарлейн.

Альма Корриган ушла спать, а миссис Каудрей-Симпсон со своей свекровью поднялись наверх.

Мы с Маршей остались в гостиной одни. Опустили шторы, чтобы спрятаться от бури, но в окна хлестал дождь, и злобно завывал ветер. Между его порывистыми приступами ярости было слышно, как непрерывно гудит море.

Марша вздрогнула и протянула ноги к огню. Ее глаза были огромными и испуганными.

– Какой ужас, правда?

Эту избитую фразу она произнесла дрожащим голосом.

– Похоже, что-то случилось, – отозвалась я. – Марша, а давайте выпьем.

– Вы ангел. – Взяв стакан, она сделала огромный глоток. – О господи, именно этого мне и не хватало! – Она выпрямилась, а ее глаза стали еще больше, чем обычно. – Джанет, как вы думаете, на этой горе действительно лежит заклятие?

Я рассмеялась, правда неубедительно.

– Конечно же нет. Просто они забрались в такое место, откуда не могут выбраться. Такое случается. Они обязательно вернутся.

– А как же… другой альпинист?

– Кем бы он ни был, – здраво ответила я, – он явно не привидение.

Она тихо вздохнула:

– Что ж, чем скорее их найдут, тем быстрее мы пойдем спать. Я молю Бога, чтобы ничего не произошло с малышкой Робертой. Она такая славная… такая трогательная. Интересно…

– Мне трогательной казалась другая, – выпалила я и только потом поняла, что говорю о ней в прошедшем времени.

Но Марша ничего не заметила.

– Эта ужасная Брэдфорд? Но, дорогая, она невозможная! Я, разумеется, не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось, но послушайте…

– Она, должно быть, очень несчастный человек, – продолжала я, – раз она такая. Ей наверняка известно, что она сама виновата в том, что все ее не любят, но в ней сидит черт, который побуждает ее вступать в конфликт с каждым, кого она ни встретит.

– Разочарованная, – жестко произнесла Марша. – И еще как! Она влюблена в Родерика Гранта.

С грохотом поставив стакан, я заговорила почти сердито:

– Марша! Ну что за чушь!

Она хихикнула. В тот момент она была очень похожа на красивую кошечку.

– Никакая не чушь. Разве вы не заметили, как она на него смотрит?

Я резко возразила:

– Не говорите ерунды. Она была отвратительно груба с ним и вчера вечером, и сегодня утром. Я слышала.

– Угу, – насмешливо подтвердила Марша. – Тем не менее последите за тем, как она на него смотрит. Это настолько же очевидно, как и то, как он на нее не смотрит… потупляет взор в этакой очаровательно-учтивой манере, а как только ему представилась возможность пригласить на прогулку вас, он прямо-таки подпрыгнул! На вашем месте я бы держалась от нее подальше.

– Чушь, – повторила я, чувствуя себя крайне неловко, и встала. – Пожалуй, я пойду спать.

Марша потянулась и осушила свой стакан.

– Я тоже пойду. Не хочу оставаться здесь одна. Думаю, мы услышим, когда они вернутся, тогда все и узнаем.

Когда мы начали подниматься по лестнице, она взяла меня под руку и улыбнулась:

– Надоела я вам?

– Нет. Да и почему вы должны мне надоесть?

– Да потому, милочка, что я говорю о том, о чем не говорят. Кстати… боюсь, я вас сегодня выдала. Я не хотела.

– Выдали меня? Каким образом?

– Я проболталась Родерику Гранту, что вы с Ники развелись. Не помню, как это получилось… Все произошло во время той шумихи, вы тогда торчали на кухне. Я очень сожалею, честное слово.

– Ничего.

«Ники, – подумала я. – Ники. Держу пари, она произнесла его имя как Никки…»

– Надеюсь, ничего страшного я не сделала, – заволновалась Марша.

Я засмеялась:

– Что тут может быть страшного? Думаю, он никому не проговорится.

– Что ж… – сказала она, когда мы дошли до лестничной площадки. – Тогда все в порядке. Пойдемте посмотрим мое платье.

Я пошла за ней к ее комнате. Сегодня окно в конце коридора изображало лишь серую грозу, и наши бледные тени на ее фоне расплывались и принимали странные очертания. Толкнув дверь, Марша вошла внутрь и стала на ощупь искать выключатель.

– Секундочку, я…

Загорелся свет.

Марша ахнула и застыла на месте, схватившись за горло. Потом она закричала высоким надрывным криком. От ужаса меня на мгновение парализовало. Я окаменела, затаив дыхание. Затем она снова закричала и повернулась ко мне лицом, с ужасом размахивая одной рукой и вцепившись в горло другой. Рванувшись вперед, я схватила ее за руку и воскликнула:

– Марша, ради бога, в чем дело?

Она прерывисто дышала:

– Убийца. О боже мой, убийца…

– Марша, здесь никого нет.

Ее всю колотило. Схватив меня за руку, она крепко вцепилась в нее и указала на кровать. У нее так дрожали губы, что она не могла связно говорить.

Я уставилась на кровать, и по моей спине поползли мурашки.

На покрывале лежала кукла, хорошенькая кукла в юбке с оборочками – таких кукол Марши всего мира обожают сажать на диваны среди сатиновых подушек. Я видела таких кукол – с тряпичными головами, голубоглазых, розово-белых и мягких.

Но эта кукла была не похожа на других.

Эта кукла распростерлась на кровати, вытянув ноги и сложив руки на груди. Она была посыпана пеплом из пепельницы, а на шее ее зияла рана, потому что горло у нее было перерезано от уха до уха.

Глава 9
Спутан-Дху

В ту ночь не было найдено ни следа Мэрион Брэдфорд и Роберты.

Из-за бури ночью было очень темно, и после нескольких бесплодных и изматывающих часов хождения по горам и криков среди мрака искатели, усталые и с красными глазами, побрели домой, чтобы перекусить и чуточку поспать, а потом снова двинуться на поиски.

Билл Персимон дозвонился до местной спасательной команды, и в девять часов утра новые силы, числом в двадцать здоровяков, тронулись в путь на поиски места, где, как было теперь очевидно, произошел несчастный случай.

На этот раз я отправилась вместе с ними. Пусть я не умею лазать по горам, но у меня, по крайней мере, есть пара глаз, с помощью которых я могу осмотреть каменистые склоны и заросли вереска, окружающие Черную Трубу.

Утро – со смутным удивлением я вспомнила, что сегодня канун дня коронации, – стояло серое и мрачное. Среди камней и вересковых холмов дул порывистый ветер, и ливневые струи были тяжелыми и острыми, как стрелы. Закутавшись так, что только глаза оставались открытыми, мы пробивались по мокрой долине сквозь злобное бичевание дождя.

У холма, где мы с Родериком разговаривали два дня назад, было поспокойнее, но, как только мы стали с трудом подниматься на него, ветер с новой силой обрушился на нас. Струи дождя впивались в лицо подобно гвоздям, и я повернулась к ветру спиной, чтобы немножко передохнуть. Порывы ветра обдували меня, рвали на мне плащ и уносились по равнине к морю.

Вдали виднелся отель, крошечный и одинокий, за ним белел морской залив, над которым гонял ветер. Я увидела, как от крыльца медленно отъехала машина и поползла в сторону Стратэйрда по дороге, по которой колотил дождь. Большущий автомобиль кремового цвета, с откидывающимся верхом.

– Машина Марши Малинг, – пробормотал кто-то рядом со мной.

Это оказалась Альма Корриган; в непромокаемом плаще, алом шарфе и огромных башмаках она походила на деловую женщину. Она выглядела на удивление привлекательной, так как ветер добавил краски ее лицу и блеска ее красивым глазам.

Когда мы снова двинулись в путь вдоль вершины отрога, она произнесла с легким оттенком презрения:

– Вряд ли стоило ожидать, что она присоединится к нам, но зачем же забирать шофера? Нам необходим каждый мужчина…

– Она уезжает совсем, – объяснила я.

Альма глянула под ноги.

– Уезжает совсем? Вы хотите сказать, домой?

– Да. Возвращается в Лондон. Она сказала мне об этом вчера.

– Я думала, что она собирается погостить по меньшей мере еще неделю! По-видимому, это событие да еще все остальное…

– По-видимому.

Само собой разумеется, я не собиралась объяснять кому-либо причину внезапного отъезда Марши. Миссис Персимон она была известна, да и миссис Каудрей-Симпсон тоже, но если истерика Марши не разбудила прошлой ночью Альму Корриган, тем лучше. К тому же я была больше чем уверена, что завтра сама уеду домой. Но поскольку меня не предупредили, как Маршу, чтобы я убиралась, я чувствовала, что не могу уехать, прежде чем не выясню, что произошло с Мэрион и Робертой.

– Что ж! – воскликнула миссис Корриган со странной интонацией, в которой на три четверти звучало облегчение, а на четверть что-то еще, чего я не смогла определить. – Не скажу,

что у меня разбито сердце. Она была здесь всего пять дней, и… – Она запнулась и искоса взглянула на меня из-под своих длинных ресниц. – Если бы вы были замужем, мисс Брук, вы бы поняли меня.

– Несомненно, – ответила я и тихо добавила: – Понимаете, она не в состоянии удержаться… Полагаю, ее избаловали, ведь она такое прелестное существо.

– Вы гораздо снисходительнее меня, – чуть мрачно заметила Альма Корриган. – Но вам-то нечего терять.

Я не стала делать вид, что не понимаю ее.

– Все мужское внимание должно принадлежать ей, – продолжала я, – постоянно, вне зависимости от того, что кто-то может обидеться. Я… простите, но на вашем месте я бы не обращала на это внимания. Вы способны сделать вид, что этого никогда не происходило?

Она с трудом выдавила улыбку.

– Вы, я вижу, ничего не смыслите в мужчинах.

На секунду я замолчала, раздраженно дивясь тому, как часто замужняя женщина принимает тон удовлетворенного превосходства, говоря о своих страданиях. Но потом я сказала себе, что она, вероятно, права. В конце концов, мое замужество потерпело полный крах, так кто я такая, чтобы давать ей совет?

Тут я подумала, что вообще никому не нужен чужой совет, так как по большей части люди ждут подтверждения собственному мнению.

Мы шли мимо костра для коронации, и я переменила тему.

– Вряд ли теперь зажгут костер. Думаю, что празднество отменят, если с двумя нашими девушками что-то случилось.

Альма угрюмо ответила:

– Все равно ветки уже мокрые, – и добавила с мрачной решимостью мыши, возвращающейся на привычную натоптанную дорожку: – Но чего Харт надеялся добиться своим поведением? С тех пор как она появилась, он ходил вокруг нее, высунув язык, как собака, и делал из меня дуру. Ах, вы многого не видели. Вчера она переметнулась к этому Друри, но на самом деле… я хочу сказать, что наверняка все это заметили. Предположим, она не в состоянии удержаться, но он-то? Почему Харт позволил себе увлечься? Мне ужасно хочется…

Я резко перебила ее:

– Вы хотите сохранить своего мужа или нет?

– Я… конечно, я хочу его сохранить! Глупый вопрос!

– Тогда оставьте его в покое. Разве вам не известно, что в браке нет места для гордости? Вам придется выбирать из двух зол. Если вы не в состоянии молчать, тогда будьте готовы к тому, что потеряете мужа. А если вы предпочитаете его сохранить, то забудьте о гордости и заткнитесь. Все уладится, потребуется только время и чуточку спокойствия.

Она открыла рот, вероятно, чтобы спросить, откуда мне это известно.

– Не будем больше обсуждать эту тему, – почти грубо заявила я. – Лучше поторопимся.

Оторвавшись от нее, я с трудом стала подниматься по тропе, которая становилась все круче и круче.

Мы уже забрались на приличную высоту, и, когда мы начали прокладывать себе путь по оленьим следам на западной стороне Блейвена, я с облегчением заметила, что ветер стихает. Его порывы стали не такими частыми и яростными, а когда мы добрались до подножия первых каменистых осыпей, дождь перестал лить так внезапно, словно его выключили.

Наш отряд растянулся вереницей и карабкался по крутому склону. Большинство мужчин несли с собой рюкзаки, у некоторых были веревки. Подъем становился все труднее, а оленьи тропы все уже и круче. Размытая дождем тропа, шириной не более ступни, вилась в густом, достигавшем колена вереске. Время от времени приходилось огибать обнаженную

породу скальных выходов и с риском для жизни цепляться за корни и ветки, ноги скользили и скатывались на узкой полосе глины – все, что осталось от тропы.

Над нами возвышались огромные черные скалы южного хребта. Блестящие от дождя, они грозно вздымались вверх из крутой каменистой осыпи, словно чудовищный медведь гризли из волн. Сама осыпь наводила ужас. Она падала на сотни футов вниз – сплошной камень, скользкий, неустойчивый, предательски скрывающий проломы; казалось, один неверный шаг – и горный склон обрушится смертельной лавиной.

Место, где Дугал Макри видел альпинисток, находилось примерно посередине западного склона Блейвена. Гигантский гребень острых пиков тянулся над осыпью. Суровая голая скала в две тысячи футов высотой подпирала бегущее небо. Я остановилась и поглядела наверх. Несомые ветром потоки тумана рвались о грозную скалу; у ее обрывистого склона кружились водоворотом облака. И над потоком бури, и за бешеным бегом серых туч то возникали, то исчезали, то появлялись вновь огромные, черные, наводящие ужас пики, они пронзали небо и крушили ветра. Буря над Блейвеном развевалась, словно знамя.

И откуда-то с вышины, из черной впадины между пиками, тоненькой струйкой текла вода, которая образовывала болото Спутан-Дху. Далеко наверху на страшном сером лике скалы видна была лишь тонкая белая линия – прямая черта, которая при порывах ветра дрожала, как паутина. Эта медленно, век за веком падающая паутинка белой воды прорезала в породе у подножия горы темную трещину. Пробиваясь сквозь нее, вода то пропадала, то появлялась вновь, шумный поток становился все шире и сильнее. Добравшись до подножия скал, он с грохотом исчезал из виду в трещине на краю обрыва над осыпью.

Затем поток снова высвобождался из камня. Он бил фонтаном из глубокой расщелины примерно в ста футах от земли – узкая струя бурлящей воды выскакивала прямо из скалы и белой пеной за одно мгновение пробегала оставшиеся сто футов. Потом она пропадала в шумящем глубоком ущелье, которое сама же пробила в камне.

По краю этого ущелья осторожно шагал спасательный отряд. Время от времени кто-нибудь из них подавал голос, но в ответ раздавался лишь крик потревоженного ворона, который взлетал со скалы и кружил, яростно каркая среди насмешливого эха.

Я шла, цепляясь за мокрые камни, скользя на липких пучках травы и армерии, прерывисто дыша. Несмотря на постоянные порывы холодного влажного ветра, пот стекал у меня со лба, лицо горело. Люди с трудом, но непоколебимо двигались вперед. Подъем был тяжелый, но шли они на удивление быстро. Я же запыхалась и сильно отстала.

Грозные черные скалы, неумолимо суровые и далекие, парили над бурей, конец которой близился. На дне ущелья, словно в адских котлах, ревела и бурлила вода. Эта черная трещина в семьдесят футов глубиной, рассекающая осыпь надвое, воистину напоминала местопребывание дьявола. Ее монолитные стены были черными и мокрыми, а на дне вода сражалась с валунами.

Внезапно я впервые отчетливо осознала, что где-то здесь, среди необузданных жестоких гор и бушующей воды, лежат две девушки, скорее всего мертвые. Или же, в лучшем случае, живые и покалеченные, но из-за непрерывного рева ветра и воды они не в состоянии докричаться до помощи.

Задыхаясь, я стала глупо, не переставая, повторять шепотом: «Роберта… Роберта…» Прямо передо мной шел Аластер. Он обернулся, ободряюще улыбнулся и протянул мне свою большую руку, чтобы помочь подняться по склону.

– Не подходи близко к краю, Джанет… Мы их скоро найдем. Если Дугал их видел. Эти спасатели изучили здесь каждый метр.

– Но… Аластер… – От усталости я не могла говорить членораздельно. – Вряд ли они еще живы. Они, должно быть… должно быть…

– Если им удалось добраться до укрытия, они могли вполне остаться в живых, если, конечно, серьезно не покалечились при падении. Ночь вчера была теплой.

– Ты веришь в то, что они были втроем?

– Дугал Макри не тот человек, что подвержен полетам фантазии, – ответил Аластер.

– Не пропал ли кто-нибудь из местных?

– Говорят, что нет.

– Тогда, если их действительно было трое, то третий наверняка из гостиницы. А среди них тоже никто не пропал.

– Совершенно верно, – произнес Аластер несколько уклончиво.

– А если никто из отеля не сообщил о несчастном случае, то это значит…

– Совершенно верно, – повторил Аластер.

Он замолчал и взял меня за руку. Другой рукой он указал наверх, чуть вправо от того места, где мы стояли, и объявил:

– Ночью там горел костер.

Потом отпустил мою руку и снова двинулся в путь.

Я тупо следовала за ним.

Убийство? Опять? Кому потребовалось убивать Мэрион и Роберту? Абсурд. Но кому потребовалось убивать Хизер Макри, да еще таким образом? Но я снова повторила себе, что эти два несчастья не связаны между собой. Исчезновение двух альпинисток, пусть даже необычное, ничем не походит на фантастическое, почти ритуальное убийство другой девушки. Или походит? Когда найдем тела…

Убрав дрожащей рукой мокрые волосы со лба, я посмотрела наверх.

Передняя группа остановилась и собралась на краю ущелья, у того места, где с высоты падал водопад, чтобы пробежать последние сто футов. Кто-то указал рукой вниз. Размотали веревки.

Поднявшись наверх, я остановилась. Потом медленно пошла к ним.

Мне было страшно, ужасно страшно. Я чувствовала, что никакая сила на земле не заставит меня взглянуть вниз и увидеть незрячие глаза Роберты, лежащей с перерезанным, как у тряпичной куклы Марши, горлом и яркую, порозовевшую от дождя кровь, струящуюся среди кустов цветущей армерии.

Но ни Роберты, ни Мэрион там не оказалось, хотя все очень внимательно оглядели глубины черного ущелья. Дугал Макри показал то место, где он видел альпинистов, – правда, он видел их не на самой скале, а на ее склоне, что означало, что они намеревались либо взобраться по Черной Трубе, либо пересечь ее над водопадом.

Родерик Грант обернулся, увидел меня и подошел, вытаскивая из внутреннего кармана помятую пачку сигарет. Он протянул мне сигарету, и мы закурили, что было нелегко, так как сильный ветер еще не стих.

– Что они собираются делать? – обеспокоенно спросила я.

– Если Дугал прав и они начали взбираться по Спутан-Дху, то придется тоже лезть туда. Над ущельем могут остаться следы, а кроме того, спасателям удастся посмотреть, что там за водопадом.

– Вы были здесь ночью?

– Да, но было темно. Мы могли лишь кричать.

Я заглянула вниз, где бурлила и пререкалась белая вода. Стены ущелья сверкали и сочились водой. Свисающие пучки папоротника и вереска трепал ветер, который ревел, словно в аэродинамической трубе. При его порывах водопад то прижимался к скале, то снова выравнивался. Жутко звучало эхо.

Вздрогнув, я снова взглянула вверх на мрачную трещину над нами:

– Сюда опасно забираться?

Родерик нахмурился:

– Очень опасно, а для начинающего это подлинное сумасшествие.

– А можно спуститься в ущелье, если… если понадобится? – испуганно спросила я.

– Можно. Бигл сказал, что они с Родри Макдауэллом полезут туда. Родри – местный парень и очень хороший скалолаз.

Я снова уставилась в глубину, из которой звучало эхо.

– Разве ущелье не тянется дальше в гору? Я имею в виду, не лучше ли им начать оттуда и продвигаться вверх со дна?

– Здесь быстрее. Снизу придется карабкаться несколько часов. Поток спускается каскадами, видите – от семи до двенадцати футов за раз. Так что проще идти прямо отсюда.

Приготовления начались у подножия скалы. Трое мужчин, среди которых был Бигл, привязались друг к другу, перед тем как начать подъем через Черную Трубу. Остальная часть отряда разделилась. Среди маленьких трещин и расщелин в осыпи были раскиданы маленькие группки людей.

– А что делать нам? – спросила я Родерика.

– Я бы подождал здесь. Если они покалечились, вы можете пригодиться. – Он ободряюще улыбнулся мне. – Вероятно, не все так плохо, как представляется, Джанет. Скоро мы принесем их в отель живыми.

Потом он ушел, а я осталась с Альмой Корриган и небольшой группой мужчин, которые следили за вылазкой.

Глава 10
Гробница с эхом

Я ничего не понимаю в искусстве скалолазания. Но трое, взбирающиеся по склону Спутан-Дху, были профессионалами своего дела, они поднимались так легко и свободно, что трудно было поверить, будто это место настолько опасно, как говорил Родерик.

Я поднялась к тому месту, откуда они начали подъем, села и нервно закурила.

Альпинисты, не останавливаясь, медленно шагали вверх по мокрой скале. Тропа крутым углом тянулась по склону. В одном месте путь преграждала узкая трещина. Даже такому профану, как я, было понятно, что из-за мокрых камней и порывистого ветра альпинисты сильно рисковали, но они совершенно не обращали внимания на погоду.

Первым в связке шел Роналд Бигл, за спокойной выверенностью его движений было приятно наблюдать. Двое остальных, Родри Макдауэлл и парень по имени Иен, были из местного спасательного отряда. Все трое, как мне казалось, поднимались очень медленно и подолгу стояли, чтобы посмотреть, нет ли следов, оставленных пропавшими. Однако они, по-видимому, ничего не находили, так как продолжали не спеша двигаться вверх.

Позади меня голос Дугала Макри произнес:

– Красивое восхождение.

Роналду Биглу оставалось пройти половину того, что издали выглядело как вертикальная плита сверкающего камня, – ужасающе опасная высота, поскольку плита находилась прямо над ущельем. Бигл ритмично и легко поднимался к уступу в пятнадцати футах над ним.

– Он замечательный альпинист! – горячо воскликнула я. – Я ничего не понимаю в скалолазании, но это истинное искусство.

– Местечко наискверней шее, – продолжал Дугал. – А тот отрезок пути, где сейчас находится мистер Бигл, самый худший.

– Да, похоже.

– Должно быть, он как раз над ущельем. А, нет, он выше. Он страхует.

Бигл легко перескочил на уступ и стал закрепляться. Потом он обернулся и что-то крикнул стоящим ниже. Мне не было слышно, что он крикнул, но, по-видимому, он приказал им ждать, так как ни один из них не двинулся с места.

Я невольно воскликнула:

– Неужели они там, мистер Макри? Не может быть!

Он печально поглядел поверх своей трубки.

– Если они упали с этой стены, то вполне могут оказаться и там.

– О том я и говорю. – Окоченевшими пальцами я вытащила еще одну сигарету. – Они не сумели бы подняться по этой скале. Эта девушка, Роберта Саймс, впервые предприняла такое восхождение. Она раньше не лазала по горам!

Он нахмурился:

– Это вы так говорите?

– Так она нам сказала. А мисс Брэдфорд прекрасная альпинистка. Она не должна была вести сюда Роберту… не должна была!

– Да. Конечно. – Он снова поднял обеспокоенный взгляд к опасному провалу. – Да. Но именно здесь я их и видел. Я подумал, что они собираются подняться через Спутан-Дху… Ага, они снова двинулись.

Родри Макдауэлл, шедший посередке, находился теперь там, где раньше стоял Бигл, сам же Бигл исчез за выступом, нависшим над дальним концом ущелья. Иен, шедший в связке последним, поднимался вверх.

Нервно потушив сигарету, я встала на мокрый камень.

– Хотелось бы знать, увидели ли они что-нибудь внизу? – прошептала я испуганным голосом, который мокрый ветер унес в никуда.

– Будем надеяться, что вы правы и они не позволили девчушке подниматься здесь. Возможно…

– Они? – Я быстро повернулась к нему. – Это ведь вы сообщили, что альпинистов было трое? Вы не ошиблись? Вы уверены?

– Ну да, – решительно ответил мягкий голос. – Их точно было трое.

– А третий… был мужчина или женщина?

– Понятия не имею. На расстоянии я не мог их разглядеть, а в нынешние времена, кажется, все женщины в горах носят штаны. Я ничего не мог различить, кроме того, что на среднем была красная куртка.

– Это наверняка была мисс Саймс.

И я вспомнила с болью в сердце, как красная ветровка оттеняла кукольное фарфоровое личико и черные волосы Роберты.

– Тогда ее будет легче найти, – сказал Дугал.

– На… наверное.

Теперь и второй альпинист скрылся из виду. Блеснула веревка – бледная карандашная линия, тянущаяся от нижнего выступа к верхнему. Иен быстро добрался до выступа и стал закреплять веревку. Он что-то крикнул, и рядом с ним появился Роналд Бигл. Они стали готовиться к последнему переходу до широкой площадки над осыпью у дальнего конца ущелья, с нее было уже легко спуститься.

Через несколько минут все трое собрались вместе и, по-видимому, стали совещаться. Люди на нашем краю ущелья – Альма Корриган, Дугал Макри, я и кучка мужчин – следили за ними. Стояла мертвая тишина. Дурные предчувствия охватили всех нас. Я сидела, забыв о тлеющей в мокрых пальцах сигарете, навострив уши и вытаращив глаза в тщетном стремлении понять, о чем говорят и спорят альпинисты.

Дугал вдруг произнес:

– Наверное, они что-то увидели в овраге.

– Нет, – ответила я, и снова мои слова прозвучали глупо, словно этим «нет» я была в состоянии уйти от правды как можно дальше.

– Родри Макдауэлл куда-то указывает. Наверное, он что-то заметил.

Мигая из-за мокрого ветра, я увидела, что один из них действительно указывает на ущелье. Все трое освободились от веревки и стали быстро спускаться вниз по осыпи к дальнему краю ущелья. Они действовали настолько целеустремленно, что стало понятно: Дугал сказал печальную правду.

Альма Корриган резко отвернулась от группки, с которой она стояла, и большими шагами пошла к нам.

– Они внизу, – без обиняков заявила она.

Я уставилась на нее, не в состоянии произнести ни слова, и встала, задыхаясь. Хозяин гостиницы Билл Персимон быстро произнес:

– Точно неизвестно, но, кажется, они что-то там заметили.

– Значит, и вам теперь придется спускаться в ущелье, – заключил Дугал Макри.

– Вероятно. – И Билл Персимон перевел взгляд на альпинистов.

Позади нас раздался шорох скользящих по мокрому вереску ботинок. По склону спускался Николас, за ним следовал Родерик. Щурясь от дождя, Николас сосредоточил свой взгляд на Бигле, который приближался к нам с противоположного края ущелья.

– Очередь за остальными, – резко сказал Николас. – Если они внизу, я спущусь туда. А ты, Билл?

– Наверное, – начал майор Персимон, – нам следует…

– Они что-нибудь увидели внизу? – прервал его обеспокоенный голос Родерика. – Мы вернулись, потому что нам показалось… мы подумали…

Увидев выражение моего лица, он запнулся, потом быстро подошел ко мне, ободряюще улыбаясь.

Но я отрицательно покачала головой.

– Боюсь, они действительно что-то увидели, – прошептала я. – Дугал говорит, один из них что-то заметил.

– Да. Родри. Мы видели, как он туда указывал. Боюсь… – Он снова запнулся и прикусил нижнюю губу. – Джанет, может, вам лучше вернуться в гостиницу?

– О господи, – почти грубо ответила я, – не волнуйтесь за меня. Со мной все в порядке.

Альпинисты уже подошли к краю ущелья. Бигл стал что-то кричать, но из-за прерывистого шума ветра и воды до нас доносились лишь обрывки его слов.

– …Около воды… плохо видно… возможно… нога… спускаемся вниз…

Неожиданно для себя я снова села на камень. Странно, но теперь, когда все встало на свои места, я ощущала не ужас, а равнодушие.

К полному моему изумлению, я сосредоточилась на самой себе – на ничтожных неприятностях, которые изводили меня: на тупой боли в ногах, мокрых ботинках, промозглом дождичке, влажном носовом платке в кармане плаща. По-видимому, таким образом проявляется непроизвольная защитная реакция или разновидность нервного потрясения; во всяком случае, я просто сидела и молчала, растирая пальцы в мокрых перчатках, в то время как все вокруг меня готовились к окончательному трагическому походу.

Бигл с Родри Макдауэллом все-таки стали спускаться вниз. Они действовали с невероятной скоростью.

Меня по-детски поражало все происходящее. Я следила за ними почти с бесстрастным интересом.

Бигл продолжал кричать, а Родри с Иеном перекинули веревку через торчащий вертикально камень над ними.

Концы сдвоенной веревки, извиваясь, поползли в глубину, коснулись дна и повисли.

Родри что-то сказал Иену, пропустил веревку каким-то способом между ногами и поверх своего плеча, а потом стал просто спускаться вниз спиной к склону. Опускался он быстро, как бы опираясь на веревку, которая выполняла роль скользящей петли. Его действия казались простыми… и безумными. Я, должно быть, вскрикнула, так как позади меня хмыкнул Родерик.

– Это называется спуск дюльфером. – Сам он тоже возился с веревкой. – Обычный метод спуска и самый быстрый… Нет, Билл, пойду я. Мы крикнем, если понадобится подкрепление.

Родри скрылся из виду. Иен стоял у выступа, за который была закреплена веревка. Бигл уже спускался. Николас отошел от края.

– Я пошел, – буркнул он.

Родерик, крепивший свою веревку, бросил на него быстрый взгляд и запнулся:

– Вы? Не знал, что вы умеете.

– Вот как? – не слишком вежливо ответил Николас.

У Родерика блеснули глаза, но он лишь спокойно предложил:

– Может, мне лучше пойти первым?

И так же быстро, как Родри, но более плавно исчез. Николас, повернувшись ко мне спиной, следил за ним, а я сидела, съежившись, на своем мокром камне. Потом снизу раздался крик, и Николас тоже ухватился за веревку и начал спуск.

Ожидавшие рядом с нами мужчины подошли к краю ущелья, вглядываясь в гулкую бездну, и вновь их охватило дурное предчувствие, что худшие их страхи подтвердились. Я встала и пошла к ним.

Почти в ту же секунду снизу раздался крик – бессловесный крик, смысл которого был тем не менее ужасно понятным. Я рванулась вперед и почувствовала, как большая рука Дугала Макри схватила меня за плечо.

– Спокойно!

– Он их нашел! – закричала я.

– Да, вероятно.

Майор Персимон, стоя на коленях, склонился над обрывом; там продолжали обмениваться криками, которые ветер уносил в пустоту. Потом группа мужчин перешла от состояния неподвижности к быстрым и профессиональным действиям. Двое спасателей приготовились спускаться, остальные на огромной скорости бросились вниз по осыпи.

– Куда они бегут?

– За носилками, – ответил Дугал.

Надежда умирает последней. Моя страстная надежда, мое невежество сделали меня глухой к его интонации и восклицаниям остальных. Нетерпеливо вырвавшись из его хватки, я бросилась к краю ущелья.

– Носилки? Они живы? Могли они остаться в живых?

И тут я увидела то, что происходило на дне ущелья. Бигл и Николас, медленно ступая по опасным плитам, образовывавшим воронку у воды, что-то несли. Я уже не сомневалась в том, что они нашли за бахромой водопада… Я и забыла, что мертвый коченеет, съежившись в последнюю предсмертную минуту. Он становится подобен гротескной статуе, вырезанной из дерева. Флотские брюки и голубой свитер, ставшие от грязи и влаги почти черными, грязные желтые перчатки на кошмарно искривленных пальцах… Мэрион Брэдфорд. Но это была уже не Мэрион Брэдфорд; это была отвратительная деревянная кукла, которую держали люди, кукла, чья голова болталась на поникшей шее…

Я медленно вернулась к своему камню и села, уставившись на свои ноги.

Даже когда принесли носилки, я не шевельнулась. Заняться мне было нечем, и все-таки я решила не возвращаться в отель… да и Альма Корриган не выказывала желания уйти. Поэтому я оставалась сидеть, упорно курила и смотрела не в ущелье, а на серый горный склон, а откуда-то снизу было слышно, как идет спасательная операция, которая перестала быть спасательной. Скрип и шорох веревки; тихое бормотание на гэльском; напряженное ворчание; зов Родерика, искаженный и далекий; крик Бигла; восклицание где-то вблизи майора Персимона: «Что? О господи!»; снова непонятная гэльская речь неподалеку – на сей раз столь взволнованная, что я непроизвольно пошевелилась и огляделась вокруг.

Услышанное мною восклицание издал Дугал. Они с майором Персимоном стояли рядом на коленях, внимательно глядя вниз. Я услышала, как майор Персимон повторил: «О господи!», и они оба медленно поднялись, глядя друг на друга.

– Он прав, Дугал.

Дугал ничего не ответил. Его лицо напоминало гранит.

– Что случилось? Что они там кричат внизу? – резким голосом спросила Альма Корриган.

Билл Персимон ответил:

– Она поскользнулась и упала. На ней намотана веревка. Перерезанная.

– Что… Что вы имеете в виду?

Он повел плечом и устало произнес:

– Только то, что я сказал. Кто-то перерезал ей веревку, и она упала.

Альма прошептала:

– Убийство…

Я спросила:

– А Роберта Саймс?

Майор Персимон рассеянно посмотрел на меня и перевел взгляд на край оврага.

– Ее еще не нашли.

И они так и не нашли ее, хотя прочесали кошмарное ущелье из конца в конец и в оставшуюся часть дня тщательно осмотрели бескрайнюю осыпь.

Глава 11
Ан’т-Срон

Поиски продолжались целый день.

К вечеру ветер стих, лишь изредка он просыпался и дул порывами. Дождь перестал, но иссиня-серые тучи висели низко, спрятав Куллин и зловеще окружив гряду Блейвена. Вершина Марско, далеко на севере, была не видна, а озеро Лох-на-Крейтеах выглядело тоскливым и оловянным.

Наконец примерно в четыре часа тело Мэрион Брэдфорд принесли к выходу из ущелья. Сверху я следила, как печальная маленькая процессия, над которой нависли грустные тучи, с трудом пробирается сквозь мокрый вереск. Спустившись к самому низкому отрогу Ан’т-Срона, они усталой вереницей прошли вдоль его гребня, по трагической иронии миновали праздничный костер и исчезли за дальним концом горы.

Я удрученно повернулась к серой осыпи, вытаскивая очередную сигарету. Костер коронации… а завтра в Лондоне будут звенеть колокола и играть оркестры, в то время как здесь… здесь вообще не будет праздника завтра.

Одинокий булькающий зов кроншнепа, тоскливый свист золотистой ржанки, далекий гул моря – лишь этими звуками будет полна долина Камасунари завтра, как и сейчас. И если Роберту до тех пор не найдут…

Позади меня раздался шорох ботинок по камню. Взглянув вверх, я увидела, что по бесчисленным уступам, бегущим вниз к Спутан-Дху, спускается Родерик Грант. Он был без головного убора, и его светлые волосы потемнели от дождя. Он выглядел невыразимо усталым и печальным, одна рука кровоточила. Я вспомнила о том, что говорила мне Марша, и подумала, знал ли он о склонности, которую питала к нему Мэрион Брэдфорд; возможно, теперь его охватило сожаление.

При виде меня он чуточку просветлел, потом на его лице снова проступила усталость. При тусклом свете глаза его казались серовато-синими.

– Вам следует вернуться в гостиницу, – решительно заявил он. – Вы устали.

– Наверное, – равнодушно ответила я.

Мокрыми и холодными руками я попыталась нашарить в карманах спички. Осторожно взяв меня за плечи, Родерик заставил меня опуститься на валун. Я с благодарностью села, и он щелкнул зажигалкой и поднес ее к моей сигарете, а потом развязал свой ранец и достал пакет.

– Что вы ели?

– Бутерброды, кажется. Не помню.

– Потому что это было очень давно, – заметил он. – Вот… хватит на двоих. Помогите мне это съесть. Кофе вы пили?

– Да.

Он достал плоскую серебряную флягу.

– Глотните капельку, станет получше.

Я сделала глоток. Это оказалось чистое виски, и ровно через пять минут я пришла в себя. Устроившись удобнее на своем камне, я взяла еще один бутерброд.

Родерик пристально посмотрел меня:

– Теперь лучше. Но все равно я считаю, что вам лучше вернуться в отель.

Я отрицательно покачала головой:

– Не могу. Не сейчас. Я не в состоянии просто сидеть и ждать. Надо найти Роберту. Еще одну ночь в горах…

Его голос звучал ласково:

– Джанет, я сомневаюсь, что еще одна ночь в горах имеет значение для Роберты.

– Она должна быть жива, – упрямилась я. – Если бы она упала в овраг с Мэрион Брэдфорд, ее бы нашли. Дугал Макри сказал, что она могла упасть на выступ или в другое место. Наверху есть места…

– Я дважды тщательно осмотрел верховье ущелья, – устало сказал он. – Друри, я и Корриган проторчали там целый день. Ее там нет.

– Где-то же она должна быть, – с глупым упрямством твердила я. – Она наверняка покалечилась, иначе бы ответила на зов; а если она покалечена, то не могла уйти далеко. Если только…

Я почувствовала, как мои мускулы напряглись, так как впервые я полностью осознала, что означает отрезанный конец веревки.

– Родерик, – с испугом сказала я, не заметив, что обращаюсь к нему по имени, – вы спускались в ущелье. Вы видели веревку на Мэрион. Этот отрезанный конец может означать лишь одно, верно?

Сильно затянувшись, он выдохнул огромные клубы дыма.

– Да. Убийство… снова…

Я медленно проговорила:

– А Дугал клянется, что с ними был третий альпинист, он только не знает, мужчина или женщина.

Родерик раздраженно отмахнулся:

– Если ему можно верить.

– Я думаю, можно. Я бы сказала, что если и есть на свете человек, на кого можно положиться, так это Дугал Макри. Если третьего альпиниста не было, то остается предположить, что веревку обрезала Роберта, а это абсурд.

– Так ли?

У меня расширились глаза.

– Вы же не считаете, что Роберта…

– Она новичок. Если Мэрион упала и потащила ее за собой, она могла запаниковать и…

– Я в это не верю! И более того, вы сами в это не верите!

Он криво усмехнулся:

– Не верю.

– Значит, третий альпинист был, – настойчиво повторила я, – и он перерезал веревку, а значит, он и есть убийца. Он был там, когда упала Мэрион. А Роберту – упала она или нет – найти не могут. И если все сложить вместе, то что получится?

– Вы считаете, что убийца перенес Роберту в другое место?

– А что еще из этого следует? Найти ее мы не можем. Если бы она погибла, он бы спокойно оставил ее здесь. Но если она только ранена, ему придется заставить ее молчать. Возможно, он убил ее и спрятал, надеясь, что из-за поисков тела у него появится отсрочка. – Я вздохнула. – Не знаю. У меня в голове такая страшная неразбериха; я молюсь, чтобы с ней все было в порядке и… о господи, прекрасно знаю, что это невозможно.

Я вскочила на ноги.

– Давайте примемся за дело.

Стало темнеть, а неутомимые спасатели продолжали медленно шагать по горным склонам.

Бигл и Родри Макдауэлл, отнеся носилки в гостиницу, вернулись с едой, супом, кофе и фонариками.

Встав в круг, мы поели в сгущающейся тьме. Говорили мало: у людей были измученные лица, усталые движения. Обсуждались лишь размеры прочесанного пространства и дальнейшие поиски.

Я обнаружила, что стою возле Роналда Бигла, который, несмотря на то, что ему пришлось труднее всех, совсем не выказывал признаков усталости. Он пил из кружки горячий кофе, когда к нему подошел Аластер; в темноте казалось, что над маленьким человеком нависла огромная тень.

– Это ущелье под Спутан-Дху, – резко начал Аластер, – какое у него дно?

Бигл поднял на него глаза. В его голосе прозвучало легкое удивление:

– Очень неровное. Чертовы рытвины и валуны. Водопад падает к подножию осыпи каскадами. А что? Уверяю вас, мы не могли пройти мимо нее.

– А пещеры или расщелины там есть?

– Полным-полно. – Роналд Бигл положил кружку в корзину. – Но нас было четверо, и уверяю вас…

– Можете ли вы заверить меня, – ровным тоном продолжал Аластер, – что по крайней мере двое из вас обыскали каждую расщелину?

На мгновение воцарилась тишина. Я видела, как сигарета Аластера то вспыхивает, то гаснет, то вспыхивает, то гаснет. Затем близ нее вспыхнула другая сигарета. За ней раздался голос Родерика:

– И что? На что вы намекаете?

– Я намекаю на то, что один из здесь присутствующих – убийца, – грубо выпалил Аластер.

Вмешался голос Хартли Корригана:

– Как вы смеете такое говорить! Это все равно что обвинить Бигла, Гранта или Друри…

– Он совершенно прав, – возразил Бигл спокойно. – Убийцей вполне может оказаться один из нас. Но ради чего ему прятать другое тело, если первое уже найдено? В его интересах было бы первым найти Роберту, если она еще жива, чтобы заставить ее молчать. – Он снова поднял глаза на Аластера. – Но он этого не сделал. Я уверен, что каждая щель в этом ущелье была осмотрена нами, вместе и по одиночке.

– И это факт, – неожиданно раздался из темноты голос Родри Макдауэлла.

– Ну хорошо, хорошо, – сдался Аластер. Он посмотрел на Бигла. – Вы же понимаете…

– Я понимаю. Все в порядке.

Теперь все зашевелились, очертания группок стали распадаться и собираться, люди образовывали партии для поисков. Я обнаружила рядом с собой Николаса.

Хриплым от усталости голосом он резко сказал:

– Это идиотизм, Джанетта. Немедленно возвращайся в отель.

Я была слишком измотана, чтобы возмущаться его тоном.

– Сейчас не могу, – тупо ответила я. – Не могу просто сидеть и ждать, слушая с Каудрей-Симпсонами новости об Эвересте и непрерывно думая о том, что происходит в горах.

– Вам нет смысла оставаться здесь, – вмешался Роналд Бигл. – Вам надо вернуться и отдохнуть. И занять свои мозги чем-нибудь другим. Например, поговорить об Эвересте… – Он встряхнул свой рюкзак и повысил голос, обращаясь к неясным фигурам, столпившимся вокруг него. Его зубы блеснули в улыбке. – Я забыл вам рассказать, о чем недавно сообщили в новостях. Им удалось. О боже, им удалось! Они взяли Эверест!

Все заволновались и засуетились. На секунду кошмарные поиски были забыты, и на Бигла посыпался град вопросов. Он отвечал с присущим ему спокойствием, но вскоре ушел, и сразу же все, разбившись на группы, исчезли в темноте, чтобы возобновить поиски. Я слышала их удаляющиеся голоса, живо обсуждающие новость. Мне показалось, что Бигл специально приберег эту новость под конец, чтобы вдохнуть новые силы в уставших спасателей. Я зауважала его еще больше.

Николас снова сердито обратился ко мне:

– Послушай, Джанетта…

Вмешался Родерик:

– Оставьте ее в покое.

– Какого черта? Что вы хотите сказать?

Неподалеку загорелись фонарики, и при их мерцающем свете я увидела лицо Родерика. Оно было бледным и кипело нервной яростью. Его глаза были устремлены на Николаса и при свете фонариков казались черными и опасными.

– То, что сказал. Вас совершенно не касается то, чем занимается Джанет, и я полагаю, она предпочитает, чтобы вы оставили ее в покое.

Это была отвратительная, злобная ссора, причем она вспыхнула так быстро, что я стояла между ними, разинув рот, целых пятнадцать секунд, прежде чем поняла, что происходит. Проклятая Марша, это ее рук дело!

– Сейчас же прекратите, – резко вмешалась я. – Чем я занимаюсь, касается лишь меня одной и больше никого. – Взяв Родерика за руку, я слегка потрясла ее. – Но он прав, Родерик. Я здесь не нужна и возвращаюсь домой. Так что оставьте меня в покое оба. – Вытащив из кармана шерстяные перчатки, я стала натягивать их на замерзшие руки. – Мы все устали и раздражены, так что, ради бога, не устраивайте сцен. Я соберу термосы и посуду, отнесу их в гостиницу и лягу спать.

Опустившись на колени, я стала складывать кружки в корзину. На Николаса я даже не взглянула. Он не произнес ни слова, но я заметила, как он злобно швырнул сигарету вниз с обрыва и ринулся следом за Роналдом Биглом. Родерик неуверенно спросил:

– У вас есть фонарь?

– Да, – ответила я. – За меня не беспокойтесь, дорогу я знаю. Ступайте помогать остальным. – Я нерешительно посмотрела на него. – И… Родерик…

– Да?

Его голос все еще звучал устало и раздраженно.

– Обещайте мне, что найдете ее.

– Я постараюсь.

И он тоже исчез.

Я собрала весь мусор, какой смогла заметить при свете фонарика, потом села и закурила. Я только что курила, но у меня совсем сдали нервы, к тому же последняя сцена расстроила меня больше, чем я это сознавала.

Было уже совсем темно. Позади меня на горе мигали фонарики, время от времени ветер доносил до меня искаженные крики спасателей. Когда ветер на мгновение стихал, я слышала скрип ботинок, и дважды слева от меня раздавался резкий лай, который я приняла за тявканье горной лисицы.

Наконец я встала, потушила каблуком сигарету, подняла корзину и с трудом двинулась в путь. Обойдя ущелье как можно дальше, я стала пробираться через нагромождение упавших с осыпи валунов, освещая дорогу фонариком. Я знала, что внизу пролегает неровная, но безопасная оленья тропа, ведущая к нижнему отрогу Ан’т-Срона. Издалека с моря прилетела стая пререкающихся друг с другом сорочаев. Эхо разнесло над озером их бодрый грубый щебет, потом стало тихо. Пахнущий морем, травой и торфом ветер сильно дул мне в лицо. Осторожно спустившись на покрытый грязью уступ, я оказалась на оленьей тропе.

Дорога стала легче, но я ступала медленно и осторожно: у меня были заняты руки корзиной и фонариком. Прошел примерно час с того момента, как я начала свой путь, и я с облегчением обнаружила, что шагаю среди вереска гребня, соединяющего Блейвен с Ан’т-Сроном.

Я так боялась оступиться или потерять оленью тропу, что, не отрываясь, смотрела на клочок земли у моих ног, освещенный фонариком. Но когда дорога стала ровной, резкий ветер, дующий мне в лицо, донес до меня новый запах. И даже сообразив, что пахнет дымом, я продолжала идти вперед, не тревожась и ничего не понимая.

Когда я все-таки подняла глаза, то увидела примерно в ста футах впереди поднимающийся вверх бледный столб дыма.

Костер. Кто-то разжег костер. От мокрых веток вздымался и тянулся вверх на фоне черной ночи призрачный дым, но среди дыма мерцал яркий свет, и слышалось потрескивание.

Я, кажется, стояла там целых полминуты, глядя на костер и думая о том, что некто, ничего не знающий о несчастье, зажег праздничный костер. Но тут затрещала еще одна ветка, дым стал красным, и на фоне пламени возникла человеческая фигура. В моем сознании что-то щелкнуло, и на месте этой картины появилась другая – старая. Столб огня, на фоне которого движется в гротескном танце человеческая тень. Постепенно чернеющий погребальный костер, на котором лежит, словно принесенное в жертву, тело убитой девушки…

Роберта!

Так вот для чего убийца оставил в живых Роберту!

С грохотом уронив корзину, я ринулась, как сумасшедшая, к погребальному костру. Не знаю, на что я надеялась. Я действовала чисто инстинктивно. Я неслась, громко крича и судорожно сжимая в руке фонарик, словно молоток.

Откуда-то сзади, с холма – достаточно близко – до меня донесся ответный крик, но я едва ли обратила на него внимание. Всхлипывая и рыдая, я отчаянно летела вперед. Огонь принялся за дело. Дым, разносимый ветром в стороны, удушливыми клубами закружился вокруг меня.

Я добежала. Дым клубился вокруг меня, вздымаясь в черное небо. Слегка потрескивая, тянулись вверх языки пламени, и на его фоне выделялись, словно решетка, скрещенные ветки.

Скользя и задыхаясь, я подошла почти к самому подножию погребального костра и посмотрела вверх, прикрывая ладонью глаза.

Дым расходился веером из-под чего-то лежащего на куче. Блеснуло в красном пламени стекло наручных часов. Гвозди на подметке свешивающегося ботинка сверкнули подобно огненным стрелам.

Бросившись к горящему костру, я вцепилась в эту руку и эту ногу.

Тут позади меня из дыма возникла тень. Сильные мужские руки схватили меня и оттащили назад. Обернувшись, я взмахнула фонариком. Человек выругался и схватил меня парализующей хваткой. Я яростно боролась и, кажется, кричала. Он чуть не раздавил меня. Потом он оступился, и я полетела в мокрый вереск, а нападавший упал на меня.

Смутно я услышала крики, топот ног, хриплый голос, который произнес:

– Джанетта!

Затем кто-то оттащил от меня моего противника. Голос Аластера изумленно произнес:

– Джеймси Фарлейн! Ради бога, что тут происходит?

Мой приятель мертвой хваткой держал молодого человека. Дугал Макри поставил меня на ноги. Я дрожала и, по-видимому, плакала. Он спросил:

– С вами все в порядке, миссис?

Припав к нему, я прошептала дрожащими губами:

– В костре… Роберта… быстрее.

Он обнял меня. Его большое тело тоже била дрожь, и когда я поняла почему, жалость к отцу Роберты придала мне сил и помогла взять себя в руки. Я спросила почти спокойно:

– Она умерла?

Мне ответил другой голос. Я подняла затуманенный взгляд. Рядом с костром стоял человек. Это был Хартли Корриган, и он смотрел на то, что лежало у его ног.

Голосом, лишенным всякого выражения, он сказал:

– Это не Роберта Саймс. Это Бигл. И кто-то перерезал ему горло.

Глава 12
Камасунари (4)

Заснула я поздно. Когда я очнулась после ночных кошмаров, мир за окном был ярким. На вершинах все еще лежал туман в лощинах, напоминая снежный покров, но ветер стих, и сияло солнце. Блейвен казался голубым, а море сверкало. Тем не менее настроение мое не улучшилось, а когда я наконец спустилась вниз, меня встретили новостью, что Роберту так и не нашли и что прибыла полиция. Есть я была не в состоянии и пила кофе, глядя в окно пустой столовой до тех пор, пока не пришел усталый и мрачный Билл Персимон и не доложил мне, что полицейские хотят со мной поговорить.

Этим утром из Элгола, будто специально, прибыл следователь, занимавшийся убийством Макри. Поэтому расследование нового убийства началось по горячим следам, чего не ожидал убийца. Инспектор Маккензи из Инвернесса приехал в сопровождении огромного рыжего молодого сержанта по имени Гектор Мунро. Быстро позвонили доктору, и он осмотрел тела Мэрион и Бигла. На место нового пепелища послали констебля стоять на страже до той поры, пока инспектор, который сначала допросил постояльцев отеля, не придет туда на поиски улик.

Все это Билл Персимон поспешно рассказал мне по дороге к маленькой гостиной, которая находилась рядом с главной. Там инспектор временно оборудовал себе кабинет.

Я почему-то нервничала и не успокоилась, даже увидев инспектора – добродушного человека средних лет с седеющими волосами и глубоко посаженными спокойными серыми глазами, которые щурились, когда он смеялся. Как только я вошла, он встал, и мы официально пожали друг другу руки. Я села на предложенный мне стул, и мы оказались друг против друга. Рядом с инспектором уселся громадный рыжий сержант и с очень серьезным видом вытащил блокнот. Своими гигантскими размерами сержант затмевал стол, тщедушный стул, на котором сидел, да и вообще всю комнату.

– Итак, мисс Брук…

Инспектор перевел взгляд на кучу бумаг, лежащих перед ним. Я решила, что таким образом он пытается собраться с мыслями: ведь он видел меня в первый раз.

– Как я понимаю, вы приехали лишь в субботу днем?

– Да, инспектор.

– А до того, как вы приехали, слышали ли вы что-нибудь об убийстве Хизер Макри?

Я удивилась и не стала этого скрывать:

– Н-нет.

– Даже в газетах не читали?

– Нет.

– Так… – Он продолжал глядеть на стол. – А кто рассказал вам о нем?

Я отвечала осторожно, пытаясь понять, к чему он клонит.

– По нескольким намекам, брошенным разными людьми, я догадалась, что произошло что-то ужасное, поэтому я спросила об этом мистера Гранта, и он мне все объяснил.

– Вы говорите о мистере Родерике Гранте?

Он быстро просмотрел пару страниц, а сержант сделал пометку в блокноте.

– Да. А на следующее утро мне рассказал об убийстве мистер Хэй. – И я вежливо добавила, обращаясь к сержанту: – Мистер Хьюберт Хэй. Свободный человек.

– Совершенно верно. – Глаза инспектора тут же сощурились. – Ладно, оставим на время эту тему. Насколько я понимаю, именно вы нашли тело мистера Бигла прошлой ночью на костре?

– Да. По крайней мере, я первая там появилась. Но я не знаю, кто положил его в костер.

Впервые инспектор посмотрел прямо мне в глаза, и я увидела, что у него бесстрастный, отстраненный и холодный взгляд. Несмотря на его простое приятное лицо, этот взгляд вызывал смущение и страх.

– Когда вы впервые заметили костер?

– Когда подошла к нему совсем близко. Вам знакомо это место, инспектор Маккензи?

– Я не раз побывал там за последние три недели.

– Ну конечно. Я сказала глупость.

Он вдруг улыбнулся:

– К тому же у нас с Геки есть карта. Вот что, мисс Брук, расскажите мне своими словами, что произошло по дороге вниз.

И я все ему рассказала. Он слушал меня с безмятежным видом, его серые глаза спокойно изучали меня. А рядом с ним рыжий сержант – так же спокойно – профессионально стенографировал.

– …И тогда я заметила у костра тень, похожую на человека.

– Только одну?

– Да.

– Я так понимаю, что вы его не узнали?

– Да.

– Он засовывал или вытаскивал тело?

– Да нет. Он просто двигался в дыму… На ветру дым вздымался со всех сторон, ну, вы понимаете. Я вспомнила… другое убийство и подумала, что на этот раз убили Роберту…

– Роберту?

– Роберту Саймс, пропавшую девушку. Инспектор, а разве мы все не должны сейчас ее искать?

Он спокойно ответил:

– Ее ищут. Продолжайте.

– Это все. Я просто побежала к костру. Не знаю, что я собиралась делать. Я увидела, что там есть что-то… тело… на верху кучи, и тут, прежде чем я успела вытащить тело из костра, убийца напал на меня.

– На самом деле, – спокойно объяснил инспектор, – на вас напал Джеймси Фарлейн.

Я уставилась на него:

– Понимаю. Ну конечно…

Он прервал меня:

– Ладно. Давайте уясним картину. Вы, без сомнения, понимаете, что мистера Бигла убили незадолго до того, как вы его нашли. Вы никого не встретили или не заметили по дороге вниз к Ан’т-Срону?

– Никого.

– Вы что-нибудь слышали? Шаги или…

– Ничего. Мне было слышно, как время от времени кричат люди над осыпью, но больше ничего. Когда я увидела костер и закричала, кто-то вскрикнул поблизости, но до этого я его не слышала. Был сильный ветер, понимаете, и…

– Понятно. – Он снова стал созерцать стол. – В последний раз вы видели мистера Бигла в тот момент, когда весь отряд разбился на группы для дальнейших поисков?

– Я… А вам дозволяется задавать наводящие вопросы, инспектор?

Он усмехнулся:

– Я слышал ответ на этот вопрос уже много раз. Сократим время. Да или нет?

– Да.

– Вы видели, куда он пошел?

– Вниз.

– Один?

– Да.

– Вы уверены?

Я спокойно посмотрела на него:

– Вполне.

– Понятно. Вернемся к костру, хорошо? Вы побежали к нему и закричали. Вы узнали того, кто крикнул вам в ответ… поблизости, так вы сказали?

– Нет, не узнала. Но уверена, что это был Аластер, то есть мистер Брейн, потому что именно он оттащил от меня Джеймси Фарлейна. Он очень быстро оказался там. Дугал Макри тоже там был.

– Значит, первым появился Аластер Брейн… и очень кстати. – Его голос звучал задумчиво и тихо, но я почувствовала, как у меня стянуло мускулы. – Кто еще там был?

– Мистер Корриган. Он стоял у костра. Он… он, должно быть, вытащил тело. – Я глотнула и быстро добавила: – Он и Аластер, вероятно, прибежали вместе.

– Нет, – тихо сказал инспектор, обращаясь к столу. – Оба джентльмена сообщили мне, что прибежали по отдельности. – Его серые глаза внезапно стали жесткими и яркими. – Кто еще?

– Э-э… никто.

– Джеймси Фарлейн и Дугал Макри, мистер Брейн и мистер Корриган, причем через считаные секунды после вашего крика. Кто еще?

Я посмотрела на него:

– Все. Я больше никого не видела.

Его серые глаза внимательно изучали меня, потом опустились.

– Ладно, – неопределенно сказал инспектор, однако у меня возникло неприятное ощущение, что за последние пять минут он пришел к заключению, которое можно было бы назвать как угодно, но только не неопределенным. Он бесцельно переложил с места на место несколько бумаг и спросил, не глядя на меня: – Вы зарезервировали себе комнату неделю назад?

– Да.

– После убийства Хизер Макри.

– Наверное. Я не знала…

– Хорошо. У сержанта Мунро есть ваше заявление по этому поводу… Мисс Брук, вы зарезервировали комнату на имя Друри, миссис Николас Друри.

Я ответила виновато и одновременно вызывающе:

– Так меня зовут.

– Тогда почему вы сменили свое имя на Брук, как только приехали сюда? И почему вы с вашим мужем изо всех сил стараетесь игнорировать друг друга?

– Он… мне не муж. – Я обнаружила, что тороплюсь все ему объяснить. – Мы развелись четыре года назад. Я не знала, что он здесь. Когда я впервые тут его увидела, я очень смутилась и назвалась своей девичьей фамилией, чтобы избежать расспросов.

– Понятно. – Внезапно он улыбнулся. – Простите за беспокойство, мисс Брук. Вы нам очень помогли, по-настоящему помогли.

Как ни странно, я ничуть не успокоилась. Я резко спросила:

– Но какое все это имеет значение? Ведь все уже ясно? Вы поймали убийцу, и…

Инспектор поднял брови:

– Поймали убийцу?

– Джеймси Фарлейна! – закричала я. – Джеймси Фарлейна! Кого же еще? Он был у костра, и он напал на меня. Чего же вам больше?

– Еще чуть-чуть больше, – слегка улыбнувшись, ответил инспектор Маккензи. – Фарлейн рассказал, что он возвращался из гостиницы, после того как отнес туда носилки. Он был у подножия Ан’т-Срона, когда увидел наверху костер. Он стал быстро подниматься вверх и уже

почти на вершине услышал ваш крик, тут появились вы и, как он утверждает, чуть ли не влетели в костер. Он испугался, что вы обожжетесь, прыгнул за вами и стал вас оттаскивать. Вы ударили его, и потом вы оба покатились по вересковому склону… Правильно, Геки?

– Правильно, сэр, – кивнул рыжей головой Гектор Мунро.

– Видите? – обратился ко мне инспектор Маккензи.

– Возможно, это правда, – согласилась я.

Он усмехнулся:

– Возможно. Особенно если учесть, что с ним в это время находился Дугал Макри.

Внезапно наступила тишина. Потом инспектор поднялся и начал собирать бумаги. Я встала.

– Если разрешите, – заговорил он, – мы еще встретимся с вами попозже, а сейчас мне лучше подняться к Ан’т-Срону. – С официальной вежливостью он придержал для меня дверь. – Я так понимаю, что вы проведете весь день в гостинице?

– Я поднимусь в горы, – ответила я и добавила, не сумев удержаться от резкости: – Видите ли, кое-кого до сих пор не нашли.

– Я не забыл, – мрачно ответил он и закрыл за мной дверь.

Глава 13
Черная Труба

Две ночи и день в горах – слишком долгий срок.

С позиций сегодняшнего дня мне кажется, что тогда мы все были уже уверены, что Роберты нет в живых. Я-то еще надеялась, ведь ничто не указывало на то, что она была рядом с телом Мэрион Брэдфорд. Если бы она упала туда же, она бы разбилась насмерть. А так как поблизости ее не оказалось, можно было предположить, что она ранена несерьезно и сумела куда-нибудь заползти. Но если она до сих пор в сознании, она наверняка должна была услышать крики спасателей. А две ночи и день, даже летом, слишком долгий срок…

К этому моменту я перестала думать, что убийца – третий альпинист – спрятал Роберту, живую или мертвую, для своих собственных целей. Если убийца с кострами и убийца с перерезанной веревкой один и тот же человек (это предположение уже перешло в уверенность), тогда ему было ни к чему убивать бедного Бигла для второго костра, ведь у него под рукой было тело Роберты.

Я не верила в то, что у него имелся серьезный мотив для убийства Роналда Бигла. Было более чем очевидно, что мы имеем дело с маньяком. Бессмысленные, сумасшедшие убийства отличались своей тошнотворностью. Я с содроганием вспомнила слово «жертвоприношение», которое употребил Хьюберт Хэй.

Но каким образом эти два явно ритуальных убийства были связаны с гибелью Мэрион и Роберты, я не понимала. По крайней мере, думала я, снова пробираясь по оленьей тропе следом за Хьюбертом Хэем, мы можем хоть что-то сделать. Если мы найдем Роберту или ее тело, то немножко поможем полиции в ее охоте за человеком, который, несомненно, является психопатом.

Солнце все так же сияло в голубой выси. Вчера, когда небо было тяжелым и серым, горы выглядели как место трагедии, но сегодня солнце причудливыми золотыми узорами разукрасило молодые листья папоротника, а утесник стал благоухать ароматом горячего какао, и Блейвен перестал казаться зловещим. Он был полон лета. Коноплянки, щебеча и чирикая, резвились над яркими кустами утесника, и из всех щелей серого камня пламенели розовато-алые колокольчики вереска.

Поисковые отряды спустились наконец с Черной Трубы и, рассеявшись по горе, просматривали осыпи и лощины, поросшие высоким вереском. Хьюберт Хэй сказал, что один отряд поднялся высоко на скалы над Спутан-Дху и не виден за вершинами.

Изучая акр за акром крутую каменистую осыпь, ее изломы и трещины, я поняла, каким образом получается, что люди лежат в горах неделями, месяцами и их не могут найти. Хьюберт Хэй сообщил, что и по сей день ищут альпинистов, пропавших здесь много лет назад.

Когда мы дошли до того места, где вчера я встретила Родерика, спускавшегося с Черной Трубы, мы услышали крик и увидели вдали справа небольшой отряд людей. Кто-то – кажется, Хартли Корриган – махал нам руками и что-то кричал.

– Как вы думаете, они нашли ее? – спросила я.

– Не похоже, – отозвался Хьюберт Хэй. – Наверное, у них появился новый план поисков. Пойду поговорю с ними.

Он стал пробираться к ним, а я осталась стоять, разглядывая скалы над собой.

Я находилась как раз под тем местом, где нашли Хизер Макри.

Мгновение я тешила себя жуткой фантазией, что на этом почерневшем выступе лежит Роберта. Стряхнув с себя эту мысль, как ошметки ночных кошмаров, я стала высматривать более удобную тропу, по которой можно было взобраться на Черную Трубу.

Мне было известно, что эти окрестности уже тщательно осмотрели люди, больше смыслящие в горах, чем я. Но в каждом человеке сидит недоверие к чужим заверениям, что, мол, искали, но не нашли. И нельзя успокоиться, пока не посмотришь сам. Вполне возможно, сказала я себе, что пропущен какой-нибудь уголок, какая-нибудь трещина.

И я упрямо стала подниматься к скалам и вереску на склоне Спутан-Дху.

Подъем оказался кошмарным. Земля уже высохла, и ветра не было, но приходилось забираться на каждый валун, а между ними прятались коварные ямы, чуть прикрытые осокой и вереском. Вскоре пот покатил по моему лицу градом, а голова закружилась оттого, что приходилось все время нагибаться, чтобы заглянуть под плиты и скаты маленькой осыпи, которая тянулась туннелем под огромными скалами. Я двигалась вперед, не сознавая, как высоко забралась; наконец я так устала, что остановилась, выпрямилась и оглянулась, чтобы окинуть взглядом проделанный мною путь.

И почти в ту же секунду что-то бросилось мне в глаза – крошечная искорка посреди вереска, блеск микроскопической янтарной звезды. Я наклонилась, чтобы рассмотреть получше.

Это оказалась брошка, обычный сувенир, продаваемый в шотландских магазинах, – диск из серебристого металла с дымчатым топазом в виде вставки. Я подняла вещицу с земли, почувствовав внезапное волнение. Роберта… разве не на Роберте была эта брошь в тот первый вечер моего пребывания в отеле? Я стерла с брошки грязь, закурила и села, внимательно разглядывая ее. Значит, Роберта здесь была… впрочем, Дугал Макри об этом и говорил. Но при виде этой мигающей янтарной звезды я так сильно обрадовалась, что стала с новой надеждой осматривать пустынные склоны вокруг.

Отряда мне не было видно, и голоса спасателей тоже не доносились до меня. В летнем воздухе слышались лишь шум водопада и неожиданно низкий голос дрозда, которого я вспугнула. Нахмурившись, я попыталась представить, что могло произойти на этом крутом склоне два дня назад.

Вспоминая об этом теперь, я понимаю, что это был самый решающий момент во всей истории. Если бы я имела хоть капельку представления о том, как нужно вести себя в горах, если бы я старалась искать очевидные улики (как это делали остальные), я тоже ушла бы из ущелья и отправилась на поиски куда-нибудь в другое место, и вся история закончилась бы иначе.

Но я продолжала сидеть на солнце, курила, пытаясь суммировать все, что мне было известно, и думала о том, что будь что будет, но я сама стану искать Роберту на этом склоне Спутан-Дху. Потушив сигарету, я встала и начала поиски.

Понятия не имею, как долго я бродила. Я взбиралась вверх, скатывалась, тщательно всматривалась во все углы, раздвигала заросли вереска и тростника, заползала в самые невероятные места. Сначала я кричала, задыхаясь: «Роберта!» – и причудливое эхо с верхних скал приносило обратно мой зов. Вскоре я так устала, что перестала кричать, просто карабкалась в мрачной, удушливой тишине и все больше и больше склонялась к тому, что Родерик действительно осмотрел в этом месте каждый сантиметр и Роберты здесь нет.

В конце концов, когда я уже готова была сдаться, я поскользнулась на уступе. Он был довольно широким, и, скорее всего, опасность мне не грозила, но край его висел прямо над ущельем, поэтому я очень испугалась и села, прислонившись к камню, чтобы собраться с мыслями и силами.

Льющееся с неба солнце покрывало гору красными полосами. Среди высящихся скал был слышен лишь звук бегущей воды. Должно быть, я находилась в сотнях миль от цивилизации.

Стояла непроницаемая, пугающая, жуткая тишина. Я сидела, прислушиваясь к стуку собственного сердца.

И тут я услышала стон. Он звучал откуда-то слева.

Я мгновенно вскочила на ноги, забыв об усталости и страхе.

– Роберта! – задыхаясь, закричала я дрожащим голосом и стала ждать ответа.

Снова раздалось это животное хныканье. Казалось, оно шло из-за уступа, прямо из горы… Решительно повернувшись спиной к обрыву и лицом к стене, я торопливо двинулась по направлению к звуку.

Дойдя до выступа, образующего угол, я заглянула за него, чувствуя, как сердце колотится у меня в горле. Уступ, по которому я шагала, тянулся вдоль ущелья, постепенно повышаясь и сужаясь. Потом он переходил в трещину. С того места, где я стояла, мне было хорошо ее видно.

Там ничего не было.

Ничего.

Я снова крикнула:

– Роберта! – и подождала.

Молчание.

Солнце било в пустую гору.

– Роберта!

Раздался тихий стон.

Я осторожно пробралась за угол и двинулась по уступу вверх. Поначалу он был довольно широким, и даже мне, новичку в горах, идти было легко. Но когда он сузился и стал покатым, я испугалась и остановилась. На уступе ничего не было. И здесь определенно кто-то уже побывал: я заметила следы от ботинок, ведущие за угол. По-видимому, мне все просто показалось.

В этот миг я снова услышала тихий болезненный стон, но теперь позади и слева от меня.

Я изумленно обернулась, у меня кружилась голова от возбуждения, сердце колотилось, ноги и руки ослабели.

И вдруг я нашла ответ на эту загадку. Когда я продвигалась вперед, прижимаясь к выступу, образующему угол, я не заметила, как прошла мимо глубокой узкой расщелины. Ее прикрывала завеса сорняков и вереска, но под ней вполне можно было проползти…

Я отчаянно стала рвать вересковую подстилку. Она была жесткой, но отрывалась целыми пластами, которые я швыряла в овраг. Галька и торф сыпались на уступ. Сильно дернув огромный пучок травы, я бросила его вниз, и солнце устремилось внутрь маленькой пещеры.

Роберта была там. Она лежала, свернувшись клубком и прислонившись спиной к стене. Одна нога была вывернута под ужасным углом, исцарапанные руки были покрыты грязью и засохшей кровью.

Но она была жива.

Я бросилась к ней и опустилась на колени. У нее были закрыты глаза, а яркое еще недавно лицо стало пугающего серо-белого цвета, оно было покрыто испариной и напоминало целлофан. Девушка так осунулась, что выступивший нос стал острым, как у бекаса.

Я засунула руку под нарядную красную куртку, пытаясь найти сердце…

Человеческая тень упала на землю передо мной.

Глава 14
Грань неизвестности

Голос Родерика произнес:

– О боже, вы нашли ее!

Я с облегчением обернулась:

– Ох, Родерик… Слава богу, что хоть кто-то появился! Она жива, и…

– Жива? – В его голосе прозвучало недоверие. Он подошел к нам. – Жива?

– Да. Да, жива! Я услышала стон, поэтому и нашла ее.

Он опустился на колени рядом со мной и стал осматривать Роберту. У него было мрачное лицо.

– Да, она жива, но едва-едва жива, Джанет. Я очень боюсь…

Он запнулся, аккуратно ощупывая руками ее голову. Девушка застонала и шевельнулась.

Я сказала:

– Родерик, я останусь с ней. А вы идите за остальными. Вы ходите куда быстрее меня!

Занятый Робертой, он почти не слышал меня. Казалось, он был поглощен какими-то своими мыслями. Потом он заговорил с неожиданно бесстрастной властностью:

– Джанет, я оставил свой ранец на краю уступа. Там в кармане бренди. Принесите, пожалуйста.

И я отправилась за бренди. Когда я шагнула через порог пещеры, солнце встретило меня ослепительным светом и теплом. За моей спиной Роберта снова застонала и тоненьким голоском что-то произнесла в бреду. Я уловила слово «Мэрион…».

Это заставило меня резко остановиться, так как до меня только сейчас дошло все значение – ужасное значение – того, что мы нашли Роберту.

Я быстро обернулась.

Родерик посмотрел на меня, и его взгляд встретился с моими испуганными глазами. В его по-прежнему холодном, беспристрастном взоре сквозила та же мысль, от которой колотилось сердце у меня в груди.

– Родерик… – почти прошептала я. – Родерик, она… она знает, кто это сделал.

Он скривил губы:

– Конечно. И будем надеяться, что она успеет сообщить нам, кто это. Пожалуйста, принесите бренди.

– Сначала нам надо укрыть ее. Возьмите мой плащ. Надо согреть ее, потом позовем остальных.

Я стала стаскивать с себя плащ. Родерик последовал моему примеру. Встав на колени, я укрыла Роберту двумя плащами.

Родерик произнес все так же мрачно:

– Я не побегу за помощью: боюсь оставлять вас наедине с потенциальным динамитом; и вас не пущу бродить по этим горам в одиночестве, моя дорогая. Сходите за бренди, пока я осматриваю ее ногу, а потом идите до конца уступа и орите до хрипоты, пока кто-нибудь не откликнется. И если тот, кто придет, вам не понравится, вопите благим матом. – Он вдруг улыбнулся. – А я буду здесь. Поторопитесь.

– Хорошо, – ответила я.

Но когда я, аккуратно засунув холодные руки Роберты в рукава моего плаща, стала подниматься, она беспомощно задвигалась. Ее губы зашевелились, она застонала, ресницы у нее задрожали.

– Она приходит в себя, – прошептала я.

У меня сильно застучало сердце. Рука Родерика сжала мне плечо.

Роберта широко раскрыла глаза; они были темны и полны боли, но в них теплилось сознание. Какое-то мгновение она глядела на меня, словно в замешательстве, а потом перевела взгляд в сторону.

По уступу кто-то шел.

Роберта, как перепуганный зверек, попыталась слабыми руками схватить меня за руки. Ее глаза расширились, и в них появилось явное выражение ужаса. Потом она снова потеряла сознание.

Я оглянулась. В обрамлении узкого входа в пещеру стояли Хартли Корриган и Николас. За их спинами раздавался голос Аластера.

Позвали Альму Корриган. Она ждала их на уступе. С появлением остальных моя ответственность за судьбу Роберты уменьшилась, и напряжение начало спадать. В ту же минуту на меня волной навалилась усталость, и я была благодарна тому, что могу сидеть и ничего не делать, пока миссис Корриган помогает Родерику возиться с Робертой. Она быстро давала команды, как оказывать первую помощь. Родерик же резко приказал Николасу позвать остальных спасателей и принести носилки.

В пещере стало на редкость много народу, но я, помня об ужасе в глазах Роберты, решила не уходить. Я вышла на уступ и села, прислонившись к стене и наблюдая за происходящим внутри. Если кто-то из присутствующих и был убийцей, пославшим Роберту на смерть, ему вряд ли удалось бы довершить свою работу здесь и сейчас, пока она еще не успела уличить его, – но я не хотела рисковать.

Вскоре сверху раздался крик Николаса. Откуда-то издалека кто-то ему ответил.

Прошло немного времени, появился отряд с носилками, и я смогла наконец покинуть свой пост и освободить уступ.

Со спасателями пришли Дугал Макри, Иен и Хьюберт Хэй, который никак не мог быть убийцей, потому что в момент гибели Мэрион он находился вместе со мной на Сгурр-на-Стри. Теперь Роберте угрожала лишь смерть от переохлаждения.

Но ее все-таки нашли, и долго мучившее всех напряжение спало. Сидя в вереске в ожидании носилок, подняв лицо к солнцу и закрыв глаза, я чувствовала, что впервые за два дня могу расслабиться. Теплый, сладко благоухающий вереском день каждой нотой жаворонка, каждым зовом коноплянки возвещал, что жизнь прекрасна. Даже когда послышалось бормотание и осторожный шорох ботинок по камню и спасатели принесли носилки, маневрируя и стараясь держать равновесие на уступе, – даже тогда у меня почему-то было легко на сердце, как будто худшее осталось позади.

Я совершенно забыла, что, стоит Роберте открыть рот и заговорить, человек – человек, которого я знала, – будет повешен, а потом захоронен в негашеной извести во дворе тюрьмы.

Когда мы с носилками спустились вниз, инспектор Маккензи с огромным Геки и молодым местным констеблем Нейлом находились на Ан’т-Сроне. Геки остался на месте осматривать пепелище, а инспектор Маккензи, увидев Роберту, позвал молодого Нейла и пошел вместе с нами в гостиницу.

Как только ему сообщили, что Роберту нашла я, он отвел меня в сторону и стал задавать вопросы. Я постаралась как можно точнее рассказать ему о том, как я нашла девушку. Инспектор внимательно слушал, но, как только я закончила свой рассказ, заставил начать сначала, при этом задавал разные вопросы, и мне пришлось перечислить ему каждое свое действие с того момента, как я услышала стон, и до той минуты, как принесли носилки. Пока я на ходу устало рассказывала ему свою историю, я поняла, что необоснованное чувство покоя, которое на короткое время осветило мою жизнь на вершине, исчезло – снег, выпавший в пустыне, растаял, – и я опять бреду в одиночестве среди серых пустошей неуверенности и отчаяния.

Холодок ужаса снова зашарил по мне и стал дергать ледяными пальцами за рукав, поэтому я пару раз запнулась. Но я честно и прямо изложила все, что вспомнила, чтобы помочь инспектору сделать надлежащие выводы.

Потом он меня удивил. Посмотрев в сторону, он резко сказал:

– Я оставлю молодого Нейла охранять вашу девчушку и немедленно пошлю за сиделкой. Но до завтрашнего дня мы ее не получим, так как доктор сообщил мне, что сегодня сиделка занята. Поэтому до ее приезда необходимо, чтобы кто-то присмотрел за мисс Саймс. Вы знаете, как ухаживать за больным?

– Немножко, но…

– Отлично. Вы согласны? Посидеть с ней ночь и присмотреть за ней для меня?

– Ну конечно, – согласилась я. – Но наверняка кто-то еще… я имею в виду, можно найти человека более компетентного, более умелого, чем я. Миссис Корриган, кажется, знает свое дело, и мне кажется, что миссис Персимон…

– Не сомневаюсь, – сухо ответил он. – Но разве до вас не доходит, мэм, что вы – единственный человек в отеле, кого не было здесь во время первого убийства?

– Да, действительно… Но, инспектор, не можете же вы подозревать женщину? Я хочу сказать…

– Может быть, и так, – сказал он, – но у миссис Корриган и у миссис Персимон есть мужья. А я хочу, чтобы в эту комнату не проник никто, кто мог быть каким-либо образом… э… замешан. – Он кинул на меня странный взгляд. – Никто, ни под каким предлогом. Вы понимаете меня?

– Если вы подразумеваете Николаса, – взбрыкнула я, – я едва ли «замешана» с ним и, уверяю вас, его я не впущу.

Он чуть улыбнулся и произнес почти снисходительным тоном:

– Ну-ну, девочка, я ничего такого не подразумевал. Значит, вы согласны?

– Разумеется. – И я с любопытством посмотрела на него. – Вы хотите сказать, что не подозреваете одну меня?

– Скажем, так, – осторожно проговорил он, – я не подозреваю вас в желании убить Роберту Саймс.

С этими словами мы подошли к гостинице. Так как тело Мэрион Брэдфорд находилось в комнате, которую она делила с Робертой, а комната была опечатана полицией, я предложила положить Роберту на свободную кровать в моей комнате. Инспектор и Персимоны, уже безмерно уставшие, с одобрением и благодарностью встретили мое предложение. Миссис Персимон и миссис Каудрей-Симпсон в присутствии Нейла и инспектора стали заворачивать Роберту в одеяло, а я отправилась в душ.

Когда я наконец вернулась к себе, в камине горел яркий огонь, а чайник, висящий на перекладине, кипел. Для горячего питья было все готово. На тумбочке поблескивала бутылка бренди.

Инспектор ушел, но миссис Персимон все еще возилась у камина. Нейл, встав со стула, робко мне улыбнулся. Он был очень высокий, лет двадцати, с грациозными движениями жеребенка, черными волосами и синими глазами чистокровного кельта. Он доложил:

– Скоро придет доктор, мисс Брук. Инспектор Маккензи велел мне сказать вам об этом. Он спрашивает, побудете ли вы со мной пока?

– Конечно. А можем мы что-нибудь для нее сделать?

Миссис Персимон встала.

– Мы обложили ее бутылками с горячей водой, – сообщила она. – Так что согрели, как смогли, и теперь остается только ждать доктора.

Она обеспокоенно склонилась над Робертой и стала подтыкать под нее одеяла, что было явно излишним. Миссис Персимон была маленькой женщиной с круглым лицом, в обычное

время всегда жизнерадостным, и тонкими непослушными каштановыми волосами. В ее ясных красивых глазах того чистого серого цвета, который так редко встречается, затаилась тревога.

– Если ей станет лучше и она сможет глотать, дайте ей капельку сладкого чая… а я спущусь вниз и приготовлю крепкий бульон. Пока это единственное, что мы в состоянии сделать.

– И еще, – тихо добавил Нейл, – охранять ее.

Мы обе взглянули на него. Я неуверенно сказала:

– Все это звучит очень… очень страшно, Нейл. Инспектор действительно думает, что убийца попытается сюда проникнуть?

Он развел огромными, красивой формы руками.

– Если она заговорит, его повесят, – просто ответил он.

Я подошла к кровати и посмотрела на Роберту. Она лежала очень спокойно, и, хотя мне показалось, что ее кожа отчасти утратила свою льдистую прозрачность, девушка была ужасающе бледна. Лицо осунулось и стало крошечным; неподвижное тело, завернутое в одеяло, тоже как будто усохло. Казалось, что ни опасность, ни «потенциальный динамит», ни призрачный риск того, что есть кто-то, кому необходимо заставить ее молчать, не существуют. Трудно было поверить, что эти сухие губы когда-нибудь заговорят снова.

Но как только я отошла от кровати, Роберта пошевелилась и застонала, ресницы ее задрожали. Темная голова беспокойно заметалась на подушке.

– Вот, – отозвалась миссис Персимон, стоя у огня. – Чай готов.

Мы капнули несколько капель слабого сладкого напитка ей в рот и с радостью увидели, как слегка вздрогнули мускулы на ее шее – она глотнула. Я начала потихоньку вливать в нее с чайной ложечки животворную глюкозу, с тревогой глядя, как меняется ее восковое лицо.

– Пойду приготовлю бульон, – сказала миссис Персимон и вышла.

Зазвенел телефон, и я испуганно подскочила, пролив чай на простыни.

Нейл поднял трубку, послушал, а потом обратился ко мне:

– Инспектор поднимается. Доктор приехал.

– Слава богу! – с жаром воскликнула я.

– Воистину так.

Через минуту к нам пришли инспектор Маккензи и доктор, и я с радостью наблюдала за тем, с каким профессионализмом последний осматривает Роберту. Наконец он укрыл ее снова и перевел взгляд на инспектора.

– Ничего страшного, за исключением ноги, – резюмировал он. – Царапины и раны со временем заживут. Главное теперь – нога. Мне нужна помощь Мэри Персимон и кого-нибудь еще.

Он вопросительно глянул на меня из-под бровей, но тут вмешался инспектор:

– Нет, мисс Брук на сегодня достаточно, к тому же ей придется сидеть с больной всю ночь. Попросите миссис Персимон позвать горничную, и я тоже останусь. Вот телефон, доктор, если хотите позвонить.

– Что? Ах да.

Доктор поднял трубку и стал диктовать список того, что ему надо.

Инспектор Маккензи повернулся ко мне.

– Я попросил на кухне, чтобы вас накормили как можно быстрее, – доложил он. – Через десять минут еда будет готова. Ступайте вниз, девочка. Я позову вас, когда понадобитесь.

Кинув еще один взгляд на крошечную фигурку на кровати, я пошла вниз.

Глава 15
Камасунари (5)

В гостиной был Родерик. По-видимому, он ждал меня, потому что с моим появлением ринулся ко мне вверх по лестнице, сильно встревоженный.

– Как она? Что говорит доктор?

– Не много, – ответила я. – Помимо сломанной ноги он не обнаружил серьезных повреждений, но, по-моему, двух ночей, проведенных в пещере, может оказаться достаточно, чтобы она умерла.

– А что доктор об этом думает?

– Он не говорит. Полагаю, любой человек, прошедший через такое, находился бы на грани смерти. Правда, она молодая и очень сильная, к тому же ей удалось найти сухое убежище от ветра и дождя.

– Она до сих пор без сознания?

– Да.

– Выкарабкается, – уверенно сказал он. – Как только ей вправят ногу… наверное, они сейчас этим и занимаются?

– Да. Миссис Персимон помогает. А меня послали вниз, чему я рада.

– И я рад. Вы выглядите очень усталой, Джанет.

Я улыбнулась:

– Спасибо и на том.

– Простите, но это правда. – У него все еще был обеспокоенный вид. – Вам ведь не надо возвращаться к ней и сидеть там?

– Инспектор хочет, чтобы я оставалась с ней всю ночь.

– Что за чушь! – рассердился он. – С вас уже хватит! Почему бы с ней не посидеть миссис Корриган?

– Ей досталось так же, как и мне.

– Тогда миссис Каудрей-Симпсон.

Я осторожно заметила:

– Инспектор Маккензи дал мне понять, что меня он не включил в список подозреваемых.

– Он… – Родерик запнулся, его синие глаза сузились. – Неужели он подозревает женщин?

– Кажется, он подозревает всех, – неуверенно ответила я. – Я же, ко всему прочему, не замужем за подозреваемым, понимаете?

Он раскрыл рот, хотел что-то сказать, но промолчал, твердо сжав губы. Отведя от меня взгляд, он стал изучать узор на ковре.

Я торопливо проговорила:

– Со мной все будет в порядке, Родерик. Мне придется лишь поить ее время от времени, так что я смогу немножко поспать. По правде говоря, там очень уютно: огонь, чайник – все, что полагается!

– А что, инспектор… – Он замолчал, огляделся и понизил голос: – Инспектор считает, что Роберте все еще грозит опасность от… него?

Последнее слово, произнесенное шепотом, прозвучало странно в пустом коридоре. Я почему-то тоже понизила голос:

– Думаю, да. Но он предпринимает меры предосторожности. Роберта будет в безопасности, и я, соответственно, тоже. – Я опять улыбнулась. – Так что не волнуйтесь!

– Хорошо, не буду. Вообще-то говоря… – голос у него стал мрачным и каким-то отвлеченным, – вообще-то говоря, мне кажется, вы единственный человек в гостинице, кто не…

– Не подозревается в убийстве?

– Нет. Кто не находится в опасности.

Он взглянул на меня с непонятным неуверенным выражением, в котором сквозила жалость, смешанная со страхом и чем-то еще, чего я не поняла. Сердце заколотилось у меня в груди, я боялась взглянуть ему в глаза. Резко повернувшись к двери в гостиную, я сдавленным голоском произнесла:

– Пойду закажу себе чего-нибудь выпить.

В гостиной было полно народу. Разбившись на группки, они стояли у пылающего огня. Воздух словно свистел от шепота, который при моем появлении резко прекратился. Головы повернулись, глаза устремились в мою сторону, и на меня обрушился шквал вопросов.

– Как она? – одновременно спросили меня миссис Каудрей-Симпсон, ее муж, Хьюберт Хэй и Аластер.

А быстрое: «Она уже сказала что-нибудь?» – Альмы Корриган резануло слух, словно нож.

Я подошла к камину и протянула руки к огню.

– С ней сейчас врач, вправляет ей ногу. Остальные повреждения несерьезные, но доктор ничего не сказал мне, как на нее повлияло переохлаждение.

Альма Корриган, не переставая, вертела в руках стакан. Она показалась мне испуганной.

Я добавила:

– Вряд ли она уже что-то сказала.

Когда я двинулась, чтобы позвонить в колокольчик и заказать выпивку, я заметила, что Хартли Корриган подошел к своей жене и сел на ручку ее кресла. Хоть что-то изменилось к лучшему, подумала я с легким злорадством. Интересно, где сейчас Марша? Ясно одно: она вовремя убралась отсюда, хотя в настоящую минуту я была бы рада общению с любым человеком, так как оказалась в двусмысленном положении. Ничто в поведении присутствующих не позволяло предполагать, будто их задевает то, что одну меня ни в чем не подозревают, тем не менее я чувствовала себя как овца, затесавшаяся в стадо козлов. И то, как Хартли Корриган бросился к жене, наводило на мысль, что он хочет ее защитить.

Миссис Каудрей-Симпсон подняла глаза от своего неизменного вязанья.

– Я полагаю… я надеюсь… полиция примет соответствующие меры предосторожности, чтобы защитить эту девушку от животного, прячущегося среди нас?

Эта фраза прозвучала необычайно шокирующе, и та, что произнесла ее, явно поняла это. Обведя поблекшими глазами всех вокруг, она объявила, словно оправдываясь:

– Здесь находится убийца. Мы не можем не признать этот факт.

– Необязательно, – сухо отозвался Аластер. – Мы не все здесь. Грант, Друри, Персимон, не говоря уже о Джеймси Фарлейне – с ними список становится длиннее, миссис Каудрей-Симпсон.

И он издал короткий смешок, прозвучавший совсем невесело.

– В каком списке не хватает меня? – поинтересовался Родерик, который как раз толкнул плечом дверь и вошел, держа в обеих руках по стакану.

– Мы только-только начали по-настоящему признавать тот факт, что кто-то в гостинице – убийца, – объяснил Аластер.

Родерик протянул мне стакан, на секунду встретившись со мной взглядом. Он проговорил холодноватым тоном:

– И чего мы добьемся, обсуждая этот вопрос? Думаю, полицейские вполне справляются со своей работой. Обычно им доверяют.

– Если они будут охранять эту девушку, Роберту, и она поправится, – сказала миссис Каудрей-Симпсон, – она выполнит за них всю работу.

– Констебль будет охранять ее всю ночь, – вставила я.

– Молодой Нейл Грэм? А его… достаточно?

Поколебавшись, я ответила:

– Я тоже буду с ней. – И не к месту добавила: – Она у меня в комнате.

– О… – произнесла миссис Каудрей-Симпсон, и я снова почувствовала, как все едва заметно отшатнулись от меня, оставив меня одну на коврике перед камином, словно на необитаемом острове.

– А вам не будет страшно? – бросила Альма Корриган.

Мне показалось или в ее голосе действительно прозвучала злоба?

– Нет. – Перед тем как сделать глоток, я обвела всех взглядом. – А где мистер Друри?

– Кажется, он пошел в гараж, – ответил Хьюберт Хэй. – Он потерял книгу и решил, что забыл ее в машине.

– А в чем дело? – спросила Альма Корриган; на этот раз я отчетливо уловила злость в ее голосе. – Неужели инспектор потребовал отчет обо всех наших действиях?

Я покраснела, но сдержалась и произнесла очень спокойно:

– Миссис Корриган, полиция не назначала меня шпионить за вами, если вы это имеете в виду. Меня не подозревают только потому, что меня не было в то время, когда было совершено первое убийство, а так как все-таки имеется шанс, что все убийства совершил один человек, а не двое, я виновной быть не могу. Поэтому инспектор попросил меня побыть с Робертой, пока не прибудет сиделка.

– Такое предположение просто чудовищно… – с пылом начал Родерик, но я прервала его:

– Все правильно, Родерик. Подобное предположение не так уж и чудовищно. Конечно, я помогаю полиции… надеюсь, мы все помогаем. И если инспектору потребуется отчет о чьих-либо действиях в какое-либо время, я постараюсь ответить ему как можно точнее.

– Ну знаете! – воскликнула Альма Корриган. – Должна сказать, что…

Ее муж положил свою руку на ее, и она замолчала.

Я обратилась к ней холодным тоном:

– Едва ли мне стоит напоминать вам, что полиция ведет следствие не против группы подозреваемых, а против каждого в отдельности.

– Браво! – неожиданно выкрикнул Хьюберт Хэй.

Полковник Каудрей-Симпсон прокашлялся. Его лицо с мягкими чертами в это мгновение казалось отстраненным и суровым, в глазах светился ум. Он смотрел грозно и одновременно сострадательно – то был взгляд судьи, а не солдата. Я обнаружила, что гадаю, не судья ли он.

– Более того, юная леди, – обратился он ко мне, – каждое дело об убийстве является делом убийцы против каждого цивилизованного человека. Хочу добавить: я утверждаю, что, если человеку приходит в голову идея, будто самым приемлемым решением любой проблемы является крайнее физическое насилие, то он рискует лишиться звания цивилизованного существа.

– Не слишком ли сильно сказано, сэр? – отозвался Родерик.

– Видите ли, я совершенно в этом убежден, – парировал полковник.

– Применяете ли вы те же принципы не только к отдельным личностям, но и к народам? Вы, военный?

– Да.

– К военным действиям?

– К действиям агрессии. Если нация считает насилие орудием политики, значит она отрицает вековой интеллектуальный прогресс.

– Все равно, – упрямо настаивала Альма Корриган, – это просто абсурд – считать нас всех подозреваемыми. У следствия наверняка есть идея, кто это сделал.

– Если и нет сейчас, – вставил Хьюберт Хэй, – то появится, как только Роберта Саймс откроет рот.

На мгновение воцарилась неприятная тишина.

Я со звоном поставила стакан на стеклянную крышку стола.

– Что ж, – произнесла я, – для спокойствия тех, кто не является убийцей, я обещаю, что Роберта будет оставаться в безопасности все то время, пока она не в состоянии открыть рот.

И я вышла из комнаты.

Оказывается, что в минуту опасности с вежливых и утонченных людей тут же слетает лоск. Я чувствовала, что в сегодняшнем разговоре в гостиной звучал какой-то явный подтекст и если бы кто-то посторонний внимательно проследил за всеми в этот момент, то тайна была бы разгадана. На первый взгляд, думала я, подходя к темному коридору, ведущему на кухню и в дальнюю часть дома, полковник ни в чем не замешан. Он весьма убедительно высказал свои принципы, но так бы повел себя и убийца. А наш убийца очень умен, не стоит и сомневаться. Это актер, прячущий инстинкты оборотня под безупречно цивилизованной внешностью. Никто из сидящих в гостиной, слыша, как его обвиняют, и ощущая свое полное одиночество, даже и глазом не моргнул. Правда, убийцы могло и не быть в гостиной… Здесь имеются и другие варианты, как справедливо указал Аластер.

Обогнув угол, я налетела на Николаса.

Налетела в буквальном смысле слова. Он схватил меня за руки, не давая мне пройти и пытаясь разглядеть, кто стоит перед ним в темном коридоре.

– Э… – тихо сказал он, – да это наша полицейская шпионка. К инспектору не сюда, дорогая.

Разозлившись, я стала вырываться:

– Пусти меня, черт бы тебя побрал! Пусти меня! И не смей так со мной разговаривать! Ты не имеешь права…

– Ты сама меня вынуждаешь. Куда ты идешь?

– Тебя это не касается!

– Это касается любого: тебя надо остановить, чтобы ты не бродила одна в темноте в таком опасном месте.

– Я иду на кухню за едой, – раздраженно объяснила я, – и мне некогда.

Он не двинулся с места.

– А где же твой дружок?

– Ты о ком?

– О твоем златовласом preux chevalier[8]. Почему он не изображает твоего телохранителя?

– Ты всегда отличался грязным воображением, Николас, – с горечью констатировала я.

– Ну конечно. – Он язвительно усмехнулся. – Надо заметить, это ценное качество для писателя, хотя, вероятно, для мужа…

– Вот именно. А теперь пусти меня.

– Минутку. Тебе это может показаться странным, но я говорю серьезно, Джанетта. У меня создалось впечатление, что ты получаешь слишком большое удовольствие от прогулок в одиночестве… или с кем-нибудь, кого ты не знаешь. Если бы у тебя была хоть капля ума, ты бы понимала, что этот тип способен на все. Разве ты не боишься?

– Не боялась три минуты назад, – парировала я.

Не знаю, зачем я это сказала. В то же мгновение, как эти слова вылетели у меня изо рта, я пожалела о них. Николас отпустил меня, но продолжал разглядывать в полумраке. Мне казалось, что он слышит, как стучит мое сердце.

– Ого… – после паузы произнес он, а потом тихо добавил: – И откуда ветер дует?

Я молчала. Мне хотелось убежать от него к свету и теплу кухни, но я стояла, словно пригвожденная к стене коридора ударами собственного сердца.

Николас заговорил:

---

[8] Доблестный рыцарь *(фр.)*.

– Значит, ты боишься, что я убью тебя, Джанетта mia?.. Ты и впрямь так думаешь, Джанетта? Перерезать такое прелестное горлышко, Джанетта… и все из-за чего? Из-за прошлых времен?

– Тебе требуется причина? – почему-то прошептала я. Это не могло быть взаправду; этот невероятный разговор не мог происходить на самом деле. – Тебе требуется причина?

Он не ответил. Только молча смотрел на меня. В полумраке его лицо казалось непроницаемым. Наконец он заговорил совершенно другим тоном:

– И какие у тебя доказательства?

Я даже подпрыгнула:

– Никаких.

– А если бы были, ты бы выдала меня властям – из-за прошлых времен?

Бред сгущался вокруг нас, подобно сплетающейся паутине. Точно так же он мог спросить меня, не нужны ли мне деньги на хозяйство. Я схватилась рукой за голову:

– Я… не знаю, Николас.

– Ты не знаешь.

От его интонации кровь бросилась мне в лицо.

– Николас, – отчаянно забормотала я, – попытайся понять…

– Ты была моей женой.

– Да, но…

– Ты всегда говорила, что не веришь в развод.

– Да, – повторила я чуть жалобно.

Действительно, как в прошлые времена. Каждая наша ссора кончалась тем, что я начинала защищаться. Вот и сейчас я опять стала оправдываться, безнадежно, страстно:

– Не я виновата, что мы разошлись.

– Пусть так, но ты в соответствии с тем, что обычно говорила, должна считать, что до сих пор связана со мной… или же теперь…

– Теперь? Не понимаю.

– Не понимаешь? Я говорю о твоем друге-блондине.

– Иди ты к черту, Николас!

Он хмыкнул:

– Перед тобой стоит отвратительная проблема, Джанетта. Моральный долг против гражданского… или же теперь ситуация упростилась до старой любви против новой? Ты избежишь множества неприятностей, если выдашь меня сейчас же, ведь так?

Оскорбление, нанесенное мне, было таким же реальным и ощутимым, как удар. Я застыла. Потом заговорила спокойным, холодным тоном:

– Если бы ты был в гостиной, ты бы услышал, как полковник Каудрей-Симпсон высказал мнение, совершенно схожее с моим. Он сказал, что актом насилия, таким как убийство, человек обособляет себя от своих друзей и лишается своих… своих человеческих прав. Если бы я все еще была твоей женой… – я оперлась руками о стену позади себя, ощущая ее успокоительно твердую поверхность, – если бы я все еще была – официально – твоей женой, я бы не стала изобличать тебя, даже если бы смогла, потому что, будучи твоей женой, я должна быть согласна с тобой во всех твоих делах… но я ушла бы от тебя. Я не смогла бы оставаться с тобой, зная, что ты…

– Каин?

– Ну… да.

В его голосе зазвучали странные нотки.

– А сейчас?

– А сейчас… – Я замолчала, почувствовав, что начинаю всхлипывать. – А сейчас, – прерывистым голосом повторила я, – я не знаю, черт тебя побери. Пусти меня!

Он молча отодвинулся в сторону, и я побежала на кухню.

Глава 16
Страна доверия

На кухне было светло, тепло и вкусно пахло. Повариха возилась около плиты, официантка перебирала груду тарелок.

Я замешкалась в дверях, потому что почувствовала, что у меня дрожат руки и катятся слезы из глаз, но повариха при виде меня радостно и широко улыбнулась и указала на стул у большого потертого стола.

– Если вы не против, мисс, – произнесла она с живым шотландским говором, – можете пообедать прямо здесь. Так будет быстрее, и еда не успеет остыть. Ваш инспектор сказал, что вы хотите поесть в укромном уголке.

– Большое спасибо. Надеюсь, я не помешаю.

– Нисколечко, – ласково ответила повариха, не двинувшись с места. – Эффи, дай леди супу.

Тоненькая темноволосая Эффи с огромными глазами пожирала меня любопытным взглядом. Она принесла тарелку дымящегося супа и осторожно, словно боялась, что я ее укушу, поставила суп на стол. Затем, отступив два шага назад, она стала теребить передник.

– Эй, Эффи! – раздался резкий голос поварихи. – Отнеси в столовую хлеб!

Эффи, чуть замешкавшись, бросила на меня долгий взгляд.

Как только дверь за ней закрылась, повариха положила половник и заговорила хриплым выразительным шепотом:

– Общаться с этими убийцами просто мучение, мисс! Чистый ужас. Прямо-таки кровь стынет в жилах!

Я машинально согласилась.

Горячий суп действовал на удивление успокаивающе, а свет и тепло кухни быстро развеяли впечатление от кошмарной беседы в коридоре. Опершись красными пухлыми кулаками о стол, повариха взглянула на меня с профессиональным удовольствием.

– Отличный бульон, правда?

– Превосходный.

– От него ваши щечки порозовели. Должна вам сказать, что, когда вы пришли, вы были совсем мокрая и усталая. Говорят, это вы ее нашли?

– Да, мне повезло.

– Это ей повезло, бедняжечке, что осталась жива. – Повариха горестно покачала головой. – Да упокоятся с миром те, кому не повезло… и я говорю не о теплом лете.

– Ну, – сказала я, – не каждый же год у вас происходят убийства.

– Нет, слава богу. Я не то имела в виду. – Она убрала мою пустую тарелку и поставила вместо нее другую, с бараньей отбивной в окружении горошка и жареной картошки. – Я говорила о несчастных случаях на горе.

– Да? – Я вспомнила, что об этом кто-то уже упоминал. – В этом году опаснее, чем обычно?

– Да, мисс. Эти две девчушки… – она неопределенно мотнула головой в сторону потолка, – это уже третий несчастный случай нынешним летом, не считая убийств.

– А кто были другие?

– Ну, была пара из Лондона… эти психи отправились на Куллин без карты и без компаса. Их потом неделю не могли найти, лежали придавленные.

– Какой кошмар! Попали в туман?

– Да день был ясным, как бульон, – ответила повариха. – Никто не знает, что случилось.

– Чересчур большая цена за беспечность, – резюмировала я.

– Точно. Горы – это не шутка, да… и тот бедняга, что лежит наверху, часто поговаривал то же самое, а какой был скалолаз. Яблочный пирог.

– Простите? Ах да. Спасибо. Очень вкусно.

– Неплохой, – самодовольно заметила повариха, следя за тем, как я пробую сдобный воздушный пирог. – Потом два студента из Оксфорда и Кембриджа свалились с высоченной скалы… почти в том же месте.

– Погибли?

– Да, мертвы, как камень. Веревка оборвалась.

Я аккуратно положила ложку с вилкой на пустую тарелку и уставилась на них. Но я их не видела. Я представляла себе альпинистов, взбирающихся на Куллин… и каждый раз их сопровождал еще один альпинист, третий, в чьем присутствии рвались веревки и тела летели вниз навстречу смерти…

– Чашку кофе? – предложила повариха.

– С удовольствием, – ответила я, – но, пожалуй, я возьму кофе с собой. Врачи, наверное, уже закончили, а миссис Персимон надо спуститься вниз.

Поставив на стол огромную синюю чашку, повариха стала наливать в нее кофе.

– Как девчушка себя чувствовала, когда вы ушли от нее?

– Не очень хорошо. Но думаю, она выкарабкается.

– Слава богу. Я дам вам большую чашку. Только выпейте ее побыстрее, пока кофе не остыл. Сахар?

– Да, пожалуйста. Большое спасибо. Обед был превосходным. Мне стало гораздо лучше.

– Вы и выглядите лучше, – отметила повариха. – Держите дверь закрытой всю ночь, девочка.

– Обязательно, – горячо пообещала я и встала, а она вернулась к плите.

В коридоре никого не было. Я быстро прошла по нему, повернула за угол, чувствуя, как сильно стучит мое сердце, и вышла в холл. Николас был там; перегнувшись через стойку, он тихо разговаривал с Биллом Персимоном. Он заметил меня, но лишь слегка приподнял брови. Проигнорировав его, я почти побежала вверх по лестнице, стараясь не расплескать кофе.

На лестничной площадке мне встретились миссис Персимон и горничная.

– А, вот и вы, мисс Брук! – воскликнула миссис Персимон встревоженным голосом, что было неудивительно. – Вы пообедали?

– Да, спасибо, все хорошо.

– Отлично, отлично. Вас ждут полицейские.

– А как мисс Саймс?

– Точно не знаю. Она все еще без сознания, а доктор мало что говорит. О боже, боже…

И она ринулась вниз по лестнице, сопровождаемая горничной, нагруженной скомканным бельем. Я все еще слышала ее всхлипы, когда подошла к своей двери и постучала.

Дверь открыл инспектор.

– А, мисс Брук. Входите.

Он тщательно закрыл за мной дверь. Доктор уже ушел. Завернутая в одеяла Роберта казалась очень бледной и неподвижной, такой бледной, что я с испугом вскрикнула:

– С ней все в порядке, инспектор Маккензи?

Он кивнул:

– Доктор считает, что все в порядке. Он говорит, она выздоровеет.

– Замечательно!

Инспектор взглянул на спокойное забинтованное лицо Роберты.

– Да. – Голос его звучал бесстрастно. Потом он переключил свое внимание на меня. – А вы? Вы поели?

– Да. Повариха накормила меня на кухне.

– Отлично. Как вы себя сейчас чувствуете?

Я улыбнулась:

– Готова к любым действиям… Только надеюсь, вы скажете, что делать, прежде чем я останусь с больной одна.

– Доктор оставил инструкции, я все записал. – Инспектор указал на лист бумаги на тумбочке. – В основном чтобы были под рукой бутылки с горячей водой и чтобы в комнате было тепло. Можно дать ей немножко бульона или чая с капелькой бренди, когда она захочет. Доктор должен принять роды, поэтому ему пришлось уйти, но, если что-нибудь случится, свяжитесь со мной, а я позвоню в Брадфордскую больницу.

– Мне послать за вами Нейла?

– Нет. Позвоните по телефону. Я занимаю комнату мисс Малинг. Скорее всего, большую часть ночи я проведу на ногах, но, когда пойду к себе, я переведу телефон туда. Не стесняйтесь и звоните по любому поводу. Мы будем на страже всю ночь.

– Я не буду стесняться.

– Отлично. Ну что ж, – повернулся инспектор к возникшему в дверях Нейлу, – тебе известно, что делать, Нейл. Устраивайся удобнее. В два часа тебя сменит сержант Мунро, я и сам буду подходить время от времени, чтобы проверить, все ли в порядке. – Он подошел к окну и выглянул наружу. – Туман надвигается. Жаль. Нашей работе он не помощник. Думаю… – Подняв руку, он задвинул шпингалет на окне. – Так мы от него избавимся. Не возражаете, если будет немного душно?

– В такой ситуации – нет.

– Тогда все в порядке. Итак, я вас покидаю. Боюсь, вас ждет долгая ночь, но, думаю, безопасная. И… ах да, майор Персимон оставит динамо-машину работать всю ночь, так что свет будет гореть. Все в порядке, Нейл?

– Да, сэр.

Инспектор повернулся ко мне:

– Вы чутко спите, девочка?

– Кажется, да.

– Вам вовсе не обязательно бодрствовать всю ночь. Она будет спать, а если вы ей понадобитесь, Нейл вас разбудит. В промежутках отдыхайте. Хорошо?

– Хорошо.

– Ну тогда спокойной ночи, девочка.

– Инспектор Маккензи…

Он был почти около двери.

– Да?

– Есть кое-что… кое-что, что вы должны знать.

– Важное?

– Я… не уверена.

– Что-то, что даст мне возможность немедленно арестовать убийцу?

– О нет. Нет.

Он подозрительно уставился на меня:

– Вы вычислили его?

– Нет!

Я прямо-таки выкрикнула это слово, удивившись так же сильно, как и инспектор.

Мгновение он смотрел на меня.

– Тогда осмелюсь предположить, что это может подождать до утра, мэм, – заявил он и вышел.

Я быстро подошла к двери и повернула ключ. Щелканье замка прозвучало ободряюще; звук, с которым язычок встал на место, окончательно заверил меня, что мы в безопасности.

Глава 17
Лес тьмы

Долго тянущийся вечер закончился, и наступила ночь. Я клевала носом у камина над «Ламмермурской невестой», борясь с безнадежной усталостью, грозившей завладеть мной. Нейл сидел спиной ко мне у кровати Роберты, его длинное тело, неподвижное и расслабленное, покоилось на плетеном стуле.

Роберта дважды шевельнулась, дыхание ее с каждой минутой становилось ровнее, а цвет лица улучшился, поэтому я совершенно спокойно отложила книгу и решила попытаться заснуть.

Я тихо подошла к своей кровати.

– Спокойной ночи, Нейл.

– Спокойной ночи, мисс, – ответил он, не повернув головы.

От этого тихого ответа я почему-то почувствовала облегчение, будто одна из неподвижных теней в комнате предложила мне поддержку. Пришлось признаться себе, что, несмотря на все предосторожности, несмотря на присутствие Нейла, я все-таки нервничаю. Я сильно ругала себя за это, заводя будильник и скидывая шлепанцы. Комната заперта, и окно и дверь; Нейл, сильный, надежный Нейл, со мной; и тут же на расстоянии руки, на другом конце телефона, инспектор Маккензи.

Откинув стеганое пуховое одеяло, я залезла под него, завернувшись в халат. Все тело у меня болело от усталости, но я не боялась заснуть так крепко, что не смогу услышать Роберту. Страх иного толка удержит меня на грани сознания…

Я оказалась права. Я дремала и просыпалась, снова дремала – спала урывками длиной в минуту на протяжении часа. Дважды Роберта шевелилась и стонала, и я мгновенно приподнималась на локте, но каждый раз она снова засыпала. Один раз, примерно сразу после полуночи, она почти проснулась, тогда я встала и подогрела бульон, и мы с Нейлом заставили ее глотать его с чайной ложки, пока она незаметным капризным движением не отвернула голову и снова не провалилась в сон. В другой раз я помню, как кипятила воду для бутылок; еще я смутно помню тихую смену часовых: Гектор Мунро сменил Нейла в два часа; вспоминаю, как за дверью во время моего прерывистого сна звучал голос инспектора, интересующегося, как у нас идут дела. Несколько раз поздно ночью Геки подавал мне чашку крепкого чая, и я пила его, свернувшись под теплым пуховым одеялом, потом я вставала и наливала в бутылки горячую воду.

Я знаю, что выполняла свою работу расторопно, но, должно быть, двигалась как в бреду, находясь между бодрствованием и сном, и теперь, вспоминая об этом, я не в состоянии определить, где кончалась реальность, а где начинался кошмар. На самом деле я вспоминаю ту ночь как бесконечный кошмар, в котором, даже несмотря на то что я выполняла довольно заурядную работу, меня пугали призраки, обитавшие в углах освещенной огнем комнаты. Тиканье часов, будничное мурлыканье поющего чайника – все эти обыденные звуки в те медленно ползущие часы мешались в моем сне и искажались, становясь сутью кошмара; они казались жуткими и страшными – будто тени над головой что-то невнятно бормочут в отблесках пламени.

Тени и огонь… тени на фоне яркого зарева… они сливались, и передо мной на фоне пламени возникал убийца, жестикулирующий и исполняющий сумасшедший танец вокруг костра, который все рос и ширился и превращался в огромные клубы дыма. Огненно-красный, подобный Паракутину[9] костер – воистину дьявольская гора…

---

[9] *Паракутин* – проснувшийся вулкан в Мексике.

А потом надо мной грозно навис сам Блейвен, весь объятый пламенем. И одинокий безликий альпинист перешагивал через это чертово ущелье, таща за собой обрывок перерезанной веревки. Где-то блеснул нож, и я услышала тихое бормотание двух голосов, слившихся контрапунктом. Они пробивались сквозь шум водопада: «Ты была моей женой… Вы вычислили его?.. Перед тобой стоит отвратительная проблема… Вы вычислили его?.. Вычислили?..»

Наконец мой собственный крик «Нет!» разбудил меня, и при этом я так сильно вздрогнула, что испугалась, не кричала ли я наяву. Я прислушалась к собственному голосу среди теней. Может, это Геки говорит? Или Роберта? Опершись на локоть, я посмотрела на нее. Она ворочалась, тихонько поскуливая от боли, но не от этого сердце екнуло у меня в груди и все тело напряглось. Геки не было в кресле.

Хотя моя реакция на его отсутствие свидетельствовала о том, в каком плачевном состоянии находятся мои нервы, я все же повернула голову и увидела его у камина. Он стоял там, словно призрак моих кошмаров. Но наводящие страх тени от мерцающего огня исчезли, и по ужасной причине. Огонь почти потух.

Взглянув на часы, я обнаружила, что уже четверть пятого. Я спала недолго, а Геки, по-видимому, вообще не спал, но, несмотря на это, горящий торф, неумело собранный в кучу, потухал и превращался в инертную массу черной земли.

Надо заметить, что человеку незнающему трудно уследить за костром из торфа. Если он уложен правильно, то горит превосходно – красным сверкающим огнем, словно в домне. Миссис Персимон сложила его профессионально, Нейл тоже умел с ним обращаться, но Геки был городским человеком, а я – самым беспомощным из новичков. Наверное, мы обращались с торфом грубо, потому что он почти весь выгорел, а когда Геки поворошил его, он рассыпался на кусочки, которые стали быстро чернеть.

Вскочив с кровати и сунув ноги в шлепанцы, я тихо подошла к камину.

– Он совсем потух, сержант?

– Нет.

– А есть еще торф?

– Да, сколько угодно. Просто трудно заставить его гореть. Вы умеете с ним обращаться, мисс?

– Совершенно не умею, но могу попробовать.

Маленькая кучка свежего торфа лежала в очаге. Я встала на колени рядом с Геки, и мы вместе стали сгребать его в кучу поверх тлеющих угольков, пытаясь раздуть огонь. Но все было бесполезно, красный пепел гаснул и темнел, а черный торф упрямо дымился, не реагируя на все наши старания. В комнате становилось холодно.

– Ничего не получается, – сказала я. – Он тухнет.

Мы в смятении посмотрели друг на друга, затем я встала, кусая губы. Мне было необходимо положить Роберте в постель новые бутылки с горячей водой, приготовить ей горячее питье. В комнате должно быть тепло в холодные предрассветные часы.

– Простите, – извинился Геки. – Я…

– Это и моя вина. Вообще-то, нас нельзя винить за то, что мы не в состоянии справиться с этим чертовым торфом. Надо было попросить у миссис Персимон дров. Жаль, что до меня сразу это не дошло.

Он поднялся, отряхивая руки.

– Тогда давайте я пойду и принесу дров.

– Должны же они где-то быть, – задумчиво сказала я. – Насколько я помню, камин в гостиной отапливается дровами. Может быть…

– Я отлично знаю, где они лежат. Ведь мы уже не раз осматривали этот дом. Дрова хранятся в задней части дома.

Я засомневалась:

– Думаете, вам стоит идти?

– Но ведь нужно, чтобы огонь горел?

– Да. Да, вы правы.

– Тогда я лучше пойду. А если вы не станете открывать дверь до моего прихода, ничего страшного не произойдет.

– Наверное. Но как я узнаю, что это вы?

– Я постучу вот так.

Он подошел ко мне и постучал по каминной полке согнутым пальцем. Раздалось еле слышное постукивание, вроде того, что производит кузнечик, когда неуклюже приземляется на лист травы: *тук, тук-тук, тук-тук-тук, тук*… Никто, кроме меня, чьи уши находились на расстоянии девяти сантиметров от камина, не смог бы расслышать его.

– Хорошо, – согласилась я. – Только, ради бога, поскорее. И, сержант…

– Что, мисс?

– Если на плите есть горячий чайник, принесите его. Это сэкономит время.

– Ладно, мисс.

– А вы… с вами все будет в порядке?

Он ухмыльнулся:

– Обо мне не беспокойтесь. Я готов отдать годовой заработок за встречу в дровяном сарае с этим типом, кем бы он ни был! Вернусь через пять минут, мисс, и если наткнусь на инспектора Маккензи, то пошлю его к вам.

Он вышел, и я закрыла за ним дверь. Мне было слышно, как он тихо идет по коридору. Потом наступила тишина.

У меня сильно застучало сердце, и я твердо решила найти себе какое-нибудь занятие. Быстро отойдя от двери, я пошла посмотреть на Роберту. Она немножко расслабилась и не так часто дышала, но время от времени у нее дрожали ресницы, словно ей мешал свет. Я вынула из комода зеленый шелковый шарф и повесила на лампу на ее тумбочке, а потом отправилась пестовать остатки огня.

Геки вернулся на удивление быстро. Я только-только успела вырвать несколько страниц из «Автомобиля» и, соединив их с остатками торфа, добиться появления маленького язычка пламени, как услышала тихий стук в дверь.

Я была уже на полпути к двери, когда поняла, что это не тот стук кузнечика, о котором мы договаривались с Геки.

Снова раздался тихий стук: *тук-тук-тук.*

Я остановилась в трех футах от двери, прижав к телу стиснутые кулаки. Сердце забилось гулко и медленно. Я обратилась в мраморное изваяние, устремив глаза на дверь. Сумасшедше тикал будильник.

Тихо-тихо повернулась ручка. Тихо-тихо дрогнула дверь, словно кто-то попытался открыть ее.

Если я закричу, все проснутся и поймают его… убийцу, пытающегося добраться до Роберты.

Но если я закричу, может проснуться Роберта, и вдруг ей станет от этого хуже? Я не могу рисковать.

Тогда я подошла к двери.

– Да? – Я сама удивилась своему спокойному тону. – Это вы, сержант?

Естественно, это был не он, но если он скажет, что…

– Нет. – Решительный шепот явно принадлежал не Геки. – Это инспектор Маккензи. Я хочу посмотреть на нее. Откройте, пожалуйста, дверь, девочка.

Несмотря на то что я приняла это заявление с огромным облегчением, я снова удивила саму себя, услышав свой спокойный ответ:

– Одну минуту, инспектор. Только надену халат.

Тремя шагами я преодолела расстояние до телефона и подняла трубку. Часы безумно стучали, отсчитывая секунды… две, четыре, семь секунд; прошло семь лет, прежде чем я услышала щелчок поднимаемой трубки и тихий, но настороженный голос инспектора Маккензи, который резко произнес:

– Маккензи слушает. Кто говорит?

Прикрыв рукой рот, я прошептала в трубку:

– Быстрее! Быстрее! Он у двери!

Линия заглохла.

У меня тряслись колени, и я медленно села на кровать, продолжая сжимать в руке трубку. Моя голова рывком, словно у куклы-марионетки, повернулась к двери.

Ни звука, ни содрогания двери, ни поворота ручки. Дверь стояла слепая, спокойная, ровно покрытая белой краской, ничего не говоря.

В коридоре раздался топот ног. Прозвучал голос:

– Инспектор? Что-нибудь случилось?

– Где это вы шлялись, Гектор Мунро?

– Ходил за дровами. Простите, сэр. Что-нибудь не так?

Стали открываться двери. Я услышала нервный крик Хартли Корригана:

– Какого черта? Что здесь происходит?

Потом раздался испуганный шепот его жены:

– Что-нибудь случилось?

– Ничего, мадам. Пожалуйста, идите спать.

Голос инспектора понизился до убеждающего шепота, и, поскольку теперь я слышала в коридоре три или четыре бормочущих голоса, я открыла дверь.

Корриганы как раз удалялись к себе в комнату, которая находилась прямо напротив моей. Проснулись и полковник Каудрей-Симпсон, и Хьюберт Хэй, чьи комнаты находились прямо за углом, в главном коридоре. Когда я открыла дверь, Геки с пристыженным видом стоял перед инспектором с дровами под мышкой и с дымящимся чайником в руке. Увидев меня, он с явным облегчением бросился ко мне.

Инспектор Маккензи последовал за ним. Он заговорил негромко, но отчетливо и решительно:

– Геки! Не прикасайся к дверной ручке! Мисс Брук, пожалуйста, отойдите от двери.

– Послушайте, инспектор… – начал полковник Каудрей-Симпсон, на удивление властный в потрепанном халате и без зубов. – Что происходит?

– Пожалуйста, сэр, поверьте, ничего страшного не случилось. Можете успокоить миссис Каудрей-Симпсон. И вы, мистер Хэй. Обещаю вам, что, если мне понадобится ваша помощь, я к вам обращусь, но сию минуту…

– Ладно. Я ухожу.

И Хьюберт Хэй, сверкая пейслийским шелком, неохотно удалился.

Инспектор быстро подошел ко мне.

– Ну, из-за чего весь этот сыр-бор?

Он начал разговор тоном, настолько свойственным полицейскому, что у меня возникло идиотское желание рассмеяться. Я ответила дрожащим голосом:

– Он… он был у двери. Убийца. Он сказал… он сказал…

Взяв меня за руку, он осторожно отвел меня к кровати.

– Сядьте и помолчите. – Бросив быстрый взгляд на Роберту, он успокоился. – Геки, зажги огонь… Нет, лучше я сам. А ты пойди в мою комнату и принеси мою сумку, мы проверим эту дверь. – Он обратился ко мне: – Вы сказали, он был у двери. Он коснулся ее?

– Да. Он толкнул ее и повернул ручку.

Инспектор удовлетворенно хмыкнул:

– Ручка, Геки. Вот что, оставь ее открытой. До твоего возвращения ни единое привидение не сможет вытереть ее. Ага!

Удовлетворенный возглас раздался в ту минуту, когда сухие ветки загорелись и вспыхнул огонь, наполнив комнату треском.

– А что, никого уже не было, когда вы пришли? – спросила я.

– Нет, – ответил инспектор, умело сгребая торф.

– Вероятно, он услышал, как я вам звоню. Простите.

– Напротив, вы поступили совершенно правильно.

– Тогда я прошу прощения за то, что отправила Геки вниз. Это я виновата в том, что огонь погас, но мне надо было его зажечь.

Инспектор поставил чайник на разгоревшийся торф.

– Нам бы очень повезло, – проговорил он, – если бы мы увидели убийцу. Ну а теперь расскажите мне все по порядку.

Я все ему рассказала, пока Геки возился с дверью, а освещенная зеленым светом лампы Роберта тихо лежала, завернутая в одеяла.

Он слушал молча, устремив взгляд на мое лицо.

– Хм, – наконец произнес он. – Должно быть, преступник услышал, как Геки уходит, или увидел, как он идет через двор. Из всего этого можно сделать лишь один вывод.

– Какой?

– Это доказывает, что мисс Саймс может уличить его. Он и есть наш третий альпинист, и он обрезал веревку.

Я прямо спросила:

– Инспектор, вам известно, кто убийца?

– Геки, ты закончил?

– Да, сэр. Как раз заканчиваю.

– Инспектор, пожалуйста…

– Что-нибудь есть, Геки?

Геки выпрямился. Вид у него был удрученный:

– Нет, сэр. Ее вытерли.

– Что?!

В три шага преодолев комнату, инспектор стал изучать дверь. Его губы сжались в тонкую линию.

– Черт! – взорвался он и добавил: – Ладно, Геки. Закрой дверь и возвращайся в свое кресло.

В комнату инспектор вернулся довольно сердитый.

– Это доказывает мою правоту, – горько заключил он.

– Правоту? – переспросила я. – Значит, вы знаете, кто это сделал?

– Знаю? Едва ли. Называйте это догадкой. Но догадки следствию не годятся, а доказательств нет никаких, ни малейших, и если эта девчушка на кровати не откроет рот в ближайшее время, то я боюсь того, что может произойти. Взять, к примеру, сегодняшнюю ночь. Посмотрите, как он рисковал, и ведь у него вполне могло получиться, господи помилуй, потому что никому из нормальных людей даже и в голову не пришло бы, что он способен на такой риск.

– Он слишком часто полагается на свою удачу, – заметила я.

– Удачу! – снова взорвался инспектор. – Он убивает Хизер Макри на костре в двадцать футов вышиной на открытом склоне Блейвена. Он убивает мисс Брэдфорд среди бела дня на виду у всей долины Камасунари. Он перерезает горло Биглу в нескольких метрах – метрах! – от свидетелей. И теперь это! – Он посмотрел на меня и тихо добавил: – Я торчал в коридоре

всю ночь. Спустился вниз всего двадцать минут назад. И тогда – именно тогда – у вас гаснет огонь, и он видит, как Геки Мунро уходит и оставляет вас одну.

– П-простите, – пробормотала я.

Он улыбнулся:

– Не говорите так, девочка, я же сказал, вы ни в чем не виноваты. Из вас получился прекрасный новобранец… Чайник кипит. Налить воду?

– Спасибо, я сама.

И я стала наливать воду в бутылки.

Инспектор стоял у кровати Роберты, внимательно разглядывая ее лицо, словно пытаясь разгадать секрет, таившийся за бледной линией ее бровей. У него был наморщен лоб, волосы взъерошены, а подбородок покрылся щетиной. Он засунул кулаки глубоко в карманы и ссутулился. В общем, он походил на обычного обеспокоенного мужчину средних лет, которого разбудил плач ребенка. Потом инспектор повернул голову, и взгляд его спокойных умных глаз разрушил сложившееся впечатление.

– Вы в состоянии продолжать дежурство?

– Да.

– Больше не отсылайте Геки.

– Ни за что!

– Я не буду отвечать на звонки. Мне необходимо… кое-что сделать. Но не волнуйтесь. Кто знает, может, все кончится гораздо быстрее, чем вы думаете. Мы поймаем его. Да, мы поймаем его.

Его глаза перестали быть добрыми и стали холодными и грозными.

Глава 18
Пограничная страна

Снова закрыв за ним дверь, я занялась Робертой, после чего у меня пропало всякое желание спать.

Отдернув занавеску, я выглянула в окно. Все еще стоял туман. Сквозь перламутровую пелену еле проникал ранний серый утренний свет. Снаружи было сыро и холодно, поэтому я с удовольствием повернулась к освещенной огнем комнате.

Геки приготовил чай, и я, взяв чашку, легла в кровать, мечтая об интересной книге. «Ламмермурскую невесту» читать не хотелось, а большая часть «Автомобиля» пошла на растопку. Оставалась «Золотая ветвь» – странно, что такая книга оказалась в далеком шотландском отеле. Название мне понравилось, но я думала, что книга скучная, наподобие «Ламмермурской невесты». Что-то о примитивных религиозных представлениях… вряд ли годится для чтения в кровати и вряд ли, думала я, равнодушно перелистывая страницы, годится для чтения даже в самый дождливый день на Скае. Разве только в воскресенье, когда нельзя пойти на рыбалку.

Но кто-то ее уже читал. В ней лежала закладка – старый конверт, засунутый между страницами, и тяжелая книга сама собой раскрылась на заложенной странице, словно именно ее все время читали.

С легким любопытством я взглянула на нее и прочитала:

«Бельтановы огни. На Северо-Шотландском нагорье некогда зажигались первомайские огни, известные под названием огней Бельтана. Их зажжение сопровождалось пышной церемонией, в которой без труда можно было разглядеть следы человеческих жертвоприношений…»

Я села, не веря своим глазам, у меня закружилась голова. Мне казалось, что эти слова взорвались в тихой комнате, и я взглянула на широкую спину Геки Мунро, удивляясь, что он их не слышит. Мои глаза заскользили по холодному аккуратному шрифту. Слова и фразы слепили меня, словно написанные люминесцентной краской.

«Поэтому жертвы приносились на открытом воздухе, часто на вершинах холмов… хворост или другое топливо… жители островов Скай, Мулл и Тири… появлялся огонь, к нему подносили растущий на березах легко воспламеняющийся пластинчатый гриб…»

Как вспышка меня озарило воспоминание: березовая роща, серебряная позолота и летнее кружево, на мокрой земле меж гладкоствольных деревьев разбросаны куски древесных грибов. И шляпки коричневых пластинчатых грибов, торчащие веером из глянцевитых пней. Легко воспламеняющиеся…

Я продолжала читать, отдельные равнодушные строки вызывали в моем взбудораженном мозгу картину за картиной.

«…На Гебридах, в Уэльсе, в Ирландии – в загадочных уголках кельтской земли зажигались такие костры и исполнялись ритуалы, гротескно, хотя и невинно, напоминавшие суровые и кровавые ритуалы старых времен. Первомайские огни, огни летнего солнцестояния, огни кануна Дня Всех Святых – бесконечное количество лет ими освящали землю, прогоняли сквозь них скот, чтобы защитить от чумы, сжигали на них ведьм…»

Сжигали ведьм… Тут в моем воображении возникли другие образы: девушка с перерезанным горлом лежит на углях, голос Хьюберта Хэя рассказывает о магии, о фольклоре и о писателях, которые расспрашивали Хизер Макри о старинных суевериях.

У меня вспотели руки, строчки прыгали перед глазами. Это абсурд. Абсурд.

Ни одну современную девушку восемнадцати лет, даже если она проживает в глухом углу, не принесут в жертву, как ведьму. Это какая-то ерунда. Но тогда почему ее убили явно

ритуальным способом? Вряд ли для того, чтобы защитить урожай. Даже Джеймси Фарлейн, рожденный и вскормленный в горах, никогда в это не поверит…

Я продолжала читать. Прочитала о том, как складывался священный костер: он зажигался не от «обычного» огня, а от нового, «добытого с помощью трения», живой огонь топился сухими дубовыми ветками и древесными грибами. Прочитала о том, что те, кто зажигал костер, «выворачивали свои карманы наизнанку, чтобы там не осталось ни одной монеты, ни одного кусочка металла». Прочитала о том, что в некоторых местностях тот, кто отвечал за костер, должен был быть молодым и девственным.

В конце концов строчки заплясали передо мной в сумасшедшем танце. Закрыв руками лицо, я медленно и мучительно размышляла о Хизер Макри, которая была юной и девственной и которая сама сняла с себя свои трогательные украшения, чтобы разжечь костер для своего убийцы. Наверняка это приключение казалось ей полным безумием, с горечью думала я, но она решила, что это будет весело, это сильно отличалось от ее жизни, напоминало романтические безумства, которыми увлекался умный, начитанный джентльмен из Лондона.

Мои мысли переключились с этого умного джентльмена из Лондона на безуспешные попытки подогнать другие убийства к схеме примитивного ритуала. Каким образом убийство Бигла отвечает первобытным атавистическим воззрениям убийцы? А перерезанная веревка Мэрион Брэдфорд? А студенты из Оксфорда и Кембриджа? А кукла Марши Малинг?

Текст книги неопровержимо доказывал, что единственная логика, которая способна объединить столь разные убийства, – это изломанная логика сумасшедшего. А что книга являлась доказательством, сомневаться не приходилось. Слишком много параллелей существовало между ее спокойными сообщениями и безумным ритуальным убийством на горе Блейвен. И эта книга оказалась здесь, в этом отеле, совсем не случайно. Можно было предположить, что она принадлежала самому убийце, человеку, по роду занятий знакомому с этими ритуалами и обычаями, человеку с неустойчивой психикой, который, окончательно свихнувшись, дошел до совершения столь абсурдно искаженного ритуала, каким было убийство Хизер. Или же…

Я все еще сжимала в руке смятый конверт. У меня слегка дрожали руки, когда я расправляла его.

Я долго не могла оторвать от него глаз.

На конверте был почерк моего отца. Марка отсутствовала, но имя и адрес были написаны его четким красивым почерком:

Николасу Друри, эск.
Отель «Камас-Фхионнаридх»,
остров Скай,
Инвернессшир

Глава 19
Абхаинн-Камас-Фхионнаридх

Поутру явились туманное солнце и сиделка – моложавая широкоплечая женщина, на вид добрая и очень опытная. Я с облегчением сдала ей дежурство и пошла завтракать.

Когда я вошла в столовую, головы всех присутствующих повернулись ко мне, и миссис Каудрей-Симпсон быстро спросила:

– Девушка… как она?

Я улыбнулась.

– Все в порядке, спасибо. С ней сейчас сиделка, и она говорит, что Роберта поправляется.

– Как я рада! Я так испугалась во время ночного переполоха…

– Ничего не произошло, – ответила я. – У меня погас огонь, и инспектор услышал, как сержант Мунро крадется за дровами вниз по лестнице.

Пока я завтракала, со мной никто не разговаривал, чему я была рада. Я старалась ни на кого не глядеть.

Но только я налила себе вторую чашку кофе, как рядом возникла Эффи с круглыми глазами.

– Пожалуйста, мисс, инспектор просит… когда вы закончите, он просит, только сперва позавтракайте…

Она произнесла все это высоким, почти истеричным голосом. В мертвой тишине я ответила:

– Я немедленно пойду к инспектору. Спасибо, Эффи.

Взяв «Золотую ветвь», завернутую в лист из «Автомобиля», и чашку с кофе, я вышла из столовой, в которой стояла неловкая тишина. У меня пылало лицо. Вчерашний карантин, в который я попала, продолжался, и мне вслед прошелестела насмешливая фраза Николаса, произнесенная шепотом. В каждом взгляде, сопровождавшем меня, ощущалось возмущение. А в одной паре глаз, наверное, таился еще и страх. Когда я вошла во временный кабинет инспектора, мои щеки все еще напоминали рдеющее знамя.

Инспектор бодро поприветствовал меня и оглядел проницательным взглядом мое лицо, что побудило меня резко высказаться:

– Я вполне могла бы обойтись и без того, чтобы меня исключали из числа подозреваемых, инспектор Маккензи!

Он остался невозмутим.

– Вот как? Им это не нравится?

– Естественно! У меня такое чувство, что мне объявили бойкот… и что самое смешное, почему-то я ощущаю себя виноватой. Скорее бы все это кончилось!

– Тут я с вами согласен. – Он протянул руку. – Это для меня?

Я отдала ему «Золотую ветвь». Почему-то у меня возникло ощущение, что таким образом я принимаю на себя какие-то обязательства и пути назад мне больше нет. Я села и сказала:

– Я заложила страницу.

Склонившись над чашкой с кофе, я стала зачем-то его помешивать, наблюдая, как коричневая жидкость плещется о голубые края чашки.

Инспектор издал невнятный звук и резко спросил:

– Где вы нашли книгу?

Я объяснила.

– А когда заметили отмеченное место?

– Ночью.

Об этом я тоже рассказала ему. Только не упомянула о смятом конверте. Он лежал у меня в кармане. Настолько далеко я не могла зайти. Пока не могла.

– Это вы подчеркнули отдельные фразы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.